
P
11216
3-49
11216 II

99√ 615

РТИ

ЗАНЫ ОР

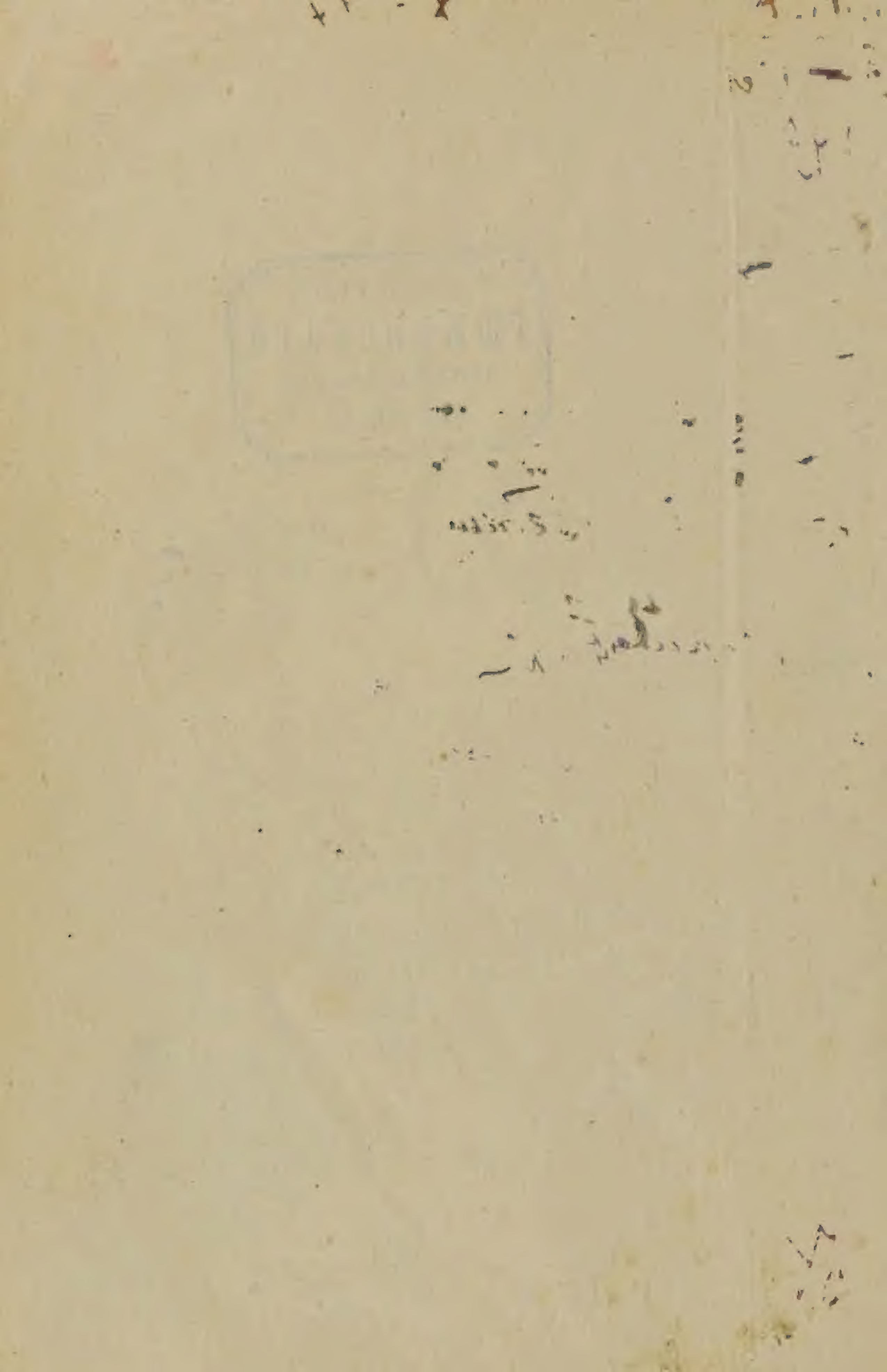
ИСТЫ ПЕРЕ
НАКОНЕЦ, УД

НО-ПОСЕВНОЙ И ХЛЕБ
ЛОВСКОМ СЕЛЬСОВЕТ
ПЕРЕЛ

ЫЕЗДНАЯ РЕДАКЦИЯ «КРАСНОГО

еваловское. В первый день
реваловском сельсовете про-
уборочно-посевной кампании
к хлебозаготовкам.
дают примеры деятельной,
оты. Далеко за половину пе-

во торч
Молотилка
Партячей
до сего врем
сеннем общих
ний, наполненны
но очень малой

РУССКАЯ

КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ

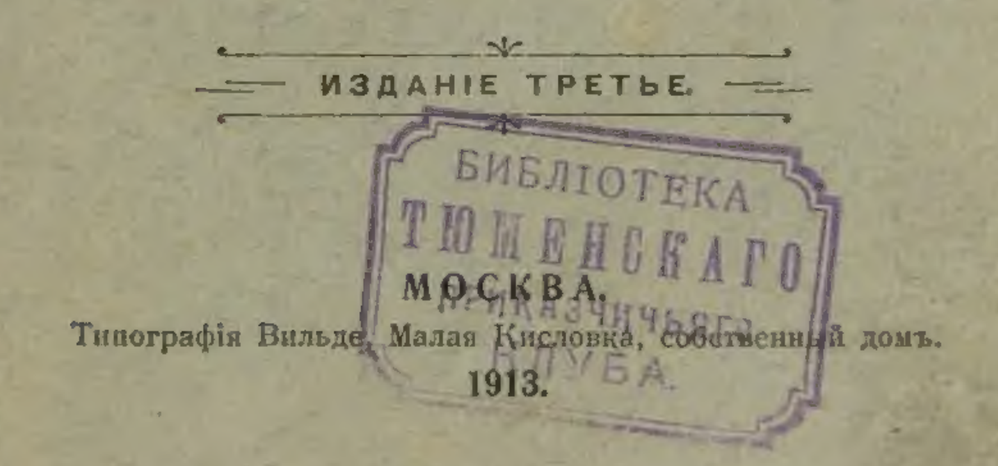
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть первая.

СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.

Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.

1913.

СПИСОКЪ КНИГЪ, СОСТАВЛЕННЫХЪ И ИЗДАННЫХЪ
В. А. ЗЕЛИНСКИМЪ.

---

1. Пособія по изученію русскаго языка:

1. **Справочникъ по русскому правописанію,** съ приложеніемъ орѳографическаго словаря и полнаго списка коренныхъ и производныхъ словъ, въ которыхъ пишется буква ѣ. Составленъ по „Руководству“ Академіи Наукъ. Выпускъ I. Изд. 10-е. Ц. 50 к.

2. **Справочникъ по русскому правописанію.** Выпускъ II. Указатель (систематическій и алфавитный) при разстановкѣ знаковъ препинанія. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

3. **Справочникъ по русскому правописанію.** Выпускъ III. Корнесловъ русскаго языка. Изд. 3-е. Ц. 50 к.

4. **Справочникъ по русскому правописанію.** Выпускъ IV. Правописаніе, словопроизведеніе и объясненіе иностранныхъ словъ, наиболѣе употребляющихся въ русскомъ литературномъ языкѣ. Изд. 2-е. Ц. 75 к.

5. **Грамматическій задачникъ для письменныхъ и устныхъ упражненій по русскому языку.** Приспособленъ къ элементарной грамматикѣ К. Говорова. Изд. 6-е. Ц. 25 к.

6. **Вступительный курсъ зрительнаго диктанта.** Книга для элементарныхъ орѳографическихъ упражненій. (Готовится къ печати).

7. **Зрительный диктантъ.** Самодиктованіе и самоисправленіе. Новая система практическаго самоизученія русскаго правописанія по методѣ списыванія и разрѣшенія орѳографическихъ задачъ. Часть первая. Изд. 18-е. Ц. 50 к.

8. **Зрительный диктантъ.** Часть вторая. Знаки препинанія. Изданіе 10-е. Ц. 40 к.

9. **Подробный орѳографическій словарь,** заключающій въ себѣ: правильное начертаніе словъ, указаніе удареній въ словахъ, объясненіе малопонятныхъ словъ и раздѣленіе каждаго слова на части, для правильнаго переноса ихъ изъ одной строки въ другую. Приложеніе къ „Зрительному диктанту“. Изд. 2-е. Ц. 2 р.

10. **Справочный словарь буквы ѣ.** Полный списокъ коренныхъ и производныхъ словъ, пишущихся черезъ ѣ. Изд. 5-е. Ц. 25 к.

11. **Таблицы** для письменнаго грамматическаго разбора. № 1. Части рѣчи. № 2. Составъ словъ. № 3. Имя существительное. № 4. Глаголъ. (Печатаются новымъ изданіемъ).

12. **Хрестоматія** для объяснительнаго чтенія. Дополненіе къ книгѣ: „Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію.“ Изд. 2-е. Ц. 25 к.

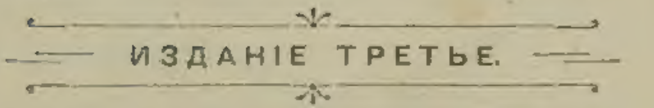
РУССКАЯ
КРИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
О ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ
М. Ю. ЛЕРМОНТОВА.

ХРОНОЛОГИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ КРИТИКО-БИБЛІОГРАФИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ.

Часть первая.

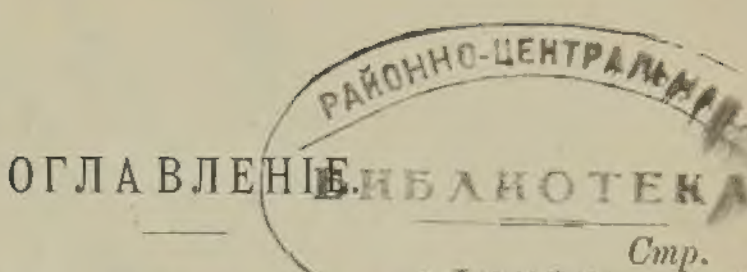
СОБРАЛЪ

В. Зелинскій.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

МОСКВА.
Типографія Вильде, Малая Кисловка, собственный домъ.
1913.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Біографическія свѣдѣнія о М. Ю. Лермонтовѣ. Статья И. И. Иванова 1

Критика сороковыхъ годовъ.

„Герой нашего времени“.

Критическій очеркъ В. Бѣлинскаго 19
Отзывъ изъ „Сына Отечества“ за 1840 г. 119

Стихотворенія Лермонтова.

Критическія статьи:

Статья Л. Л. (В. С. Межевича) изъ „Сѣверной Пчелы“ за 1840 г. 120
О. Сенковскаго. Изъ „Библіотеки для Чтенія“ за 1840 г. . . . 135
В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечеств. Записокъ“ за 1840 г. . . 142

„Герой нашего времени“.

Критическая статья С. Шевырева. Изъ „Москвитянина“ за 1841 г. 152

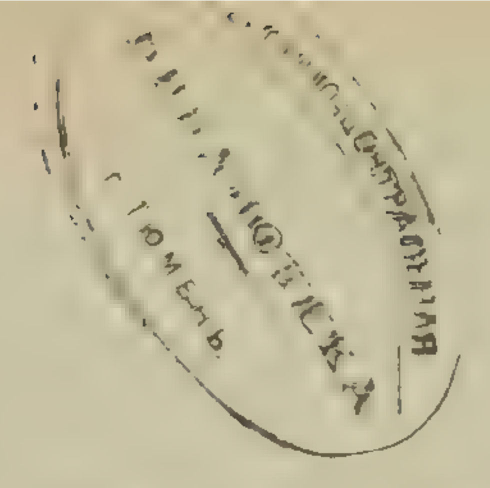
Стихотворенія М. Лермонтова.

Критическія статьи:

А. Никитенко. Изъ „Сына Отечества“ за 1841 г. 173
Изъ „Современника“ за 1841 г. 189
С. Шевырева. Изъ „Москвитянина“ за 1841 г. 190

„Герой нашего времени“.

Критическая статья В. Бѣлинскаго. Изъ „Отечеств. Записокъ“ за 1841 г. 204
Указатель именъ и предметовъ, относящихся къ литературѣ. 212

БІОГРАФИЧЕСКІЯ СВѢДѢНІЯ

О Михаилѣ Юрьевичѣ Лермонтовѣ.

*) Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ—геніальный русскій поэтъ—родился въ Москвѣ 2 окт. 1814 г. Въ шотландскихъ преданіяхъ, не исчезнувшихъ окончательно и до сихъ поръ, живетъ имя *Лермонта—поэта* или *пророка*: ему посвящена одна изъ лучшихъ балладъ Вальтера Скотта, разсказывающая, согласно народной легендѣ, о похищеніи его феями. Русскій поэтъ не зналъ этого преданія, но смутная память о шотландскихъ легендарныхъ предкахъ не разъ тревожила его поэтическое воображеніе: ей посвящено одно изъ самыхъ зрѣлыхъ стихотвореній Л., — „Желаніе“. Изъ ближайшихъ предковъ Л. документы сохранились относительно его прадѣда Юрія Петровича, воспитанника шляхетскаго кадетскаго корпуса. Въ это время родъ Л. пользовался еще благосостояніемъ: захудалость началась съ поколѣній, ближайшихъ ко времени поэта. Отецъ его, Юрій Петровичъ, былъ бѣднымъ пѣхотнымъ капитаномъ въ отставкѣ. По словамъ Сперанскаго, отецъ будущаго поэта былъ замѣчательный красавецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ „пустой“, „странный“ и даже „худой“ человѣкъ. Этотъ отзывъ основанъ на отношеніяхъ Л.-отца къ тещѣ, Елизаветѣ Алексѣевнѣ Арсеньевой, урожденной Столыпиной; но эти отношенія не могутъ быть поставлены въ вину Юрію Л.—и такъ, несомнѣнно, смотрѣлъ на нихъ самъ Михаилъ Юрье-

*) Статья И. Н. Иванова. „Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрова“. Спб. 1896 г., 34 полутомъ.

вичъ, въ теченіе всей своей жизни не перестававшій питалъ глубокую преданность къ отцу, а когда онъ умеръ— къ его памяти. Сохранилось письмо четырнадцатилѣтняго поэта, стихотворенія болѣе зрѣлаго возраста—и всюду одинаково образъ отца овѣянъ всею нѣжностью сыновней любви. Помѣстье Юрія Л.—Кропотовка, Ефремовскаго у., Тульской губ.—находилось по сосѣдству съ селомъ Васильевскимъ, принадлежавшимъ роду Арсеньевыхъ. Красота Юрія Петровича увлекла дочь Арсеньевой, Марію Михайловну, и, несмотря на протестъ своей родовитой и гордой родни, она стала женой „армейскаго офицера": но для ея семьи этотъ офицеръ навсегда остался чужимъ человѣкомъ. Марія Михайловна умерла въ 1817 г., когда сыну ея не было еще трехъ лѣтъ, но оставила много дорогихъ образовъ въ воспоминаніяхъ будущаго поэта. Сохранился ея альбомъ, наполненный стихотвореніями, отчасти, можетъ-быть, ею сочиненными, отчасти переписанными; они свидѣтельствуютъ о нѣжномъ ея сердцѣ. Впослѣдствіи поэтъ говорилъ: *Въ слезахъ угасла мать моя*; всю жизнь не могъ онъ забыть, какъ мать пѣвала надъ его колыбелью. Самый Кавказъ былъ ему дорогъ прежде всего потому, что въ его пустыняхъ онъ какъ бы слышалъ давно утраченный голосъ матери... Бабушка страстно полюбила внука. Энергичная и настойчивая, она употребляла всѣ усилія, чтобы одной безраздѣльно владѣть ребенкомъ. О чувствахъ и интересахъ отца она не заботилась. Л. въ юношескихъ произведеніяхъ весьма полно и точно воспроизводилъ событія и дѣйствующихъ лицъ своей личной жизни. Въ драмѣ съ нѣмецкимъ заглавіемъ „Menschen u. Leidenschaften"—разсказанъ раздоръ между его отцомъ и бабушкой. Л.-отецъ не въ состояніи былъ воспитывать сына, какъ этого хотѣлось аристократической роднѣ,—и Арсеньева, имѣя возможность тратить на внука „по четыре тысячи въ годъ на обученіе разнымъ языкамъ", взяла его къ себѣ, съ уговоромъ воспитывать его до 16 лѣтъ и во всемъ совѣтоваться съ отцомъ. Послѣднее условіе не выполнилось; даже свиданія отца съ сыномъ встрѣчали непреодолимыя препятствія со стороны

Арсеньевой. Ребенокъ съ самаго начала долженъ былъ сознавать противоестественность этого положенія. Его дѣтство протекало въ помѣстьѣ бабушки, Тарханахъ, Пензенской губерніи: его окружали любовью и заботами, но свѣтлыхъ впечатлѣній, свойственныхъ возрасту, у него не было. Въ неоконченной юношеской „Повѣсти" описывается дѣтство Саши Арбенина, двойника самого автора. Саша съ 6-тилѣтняго возраста обнаруживаетъ наклонность къ мечтательности, страстное влеченіе ко всему героическому, величавому, бурному. Л. родился болѣзненнымъ, и все дѣтство страдалъ золотухой; но болѣзнь эта развила въ ребенкѣ необычайную нравственную энергію. Въ „Повѣсти" признается ея вліяніе на умъ и характеръ героя: „онъ выучился думать... Лишенный возможности развлекаться обыкновенными забавами дѣтей, Саша началъ искать ихъ въ самомъ себѣ. Воображеніе для него стало новой игрушкой... Въ продолженіе мучительныхъ безсонницъ, задыхаясь между горячихъ подушекъ, онъ уже привыкалъ побѣждать страданія тѣла, увлекаясь грезами души... Вѣроятно, что раннее умственное развитіе не мало помѣшало его выздоровленію..." Это раннее развитіе стало для Л. источникомъ огорченій: никто изъ окружающихъ не только не былъ въ состояніи пойти навстрѣчу „грезамъ его души", но даже не замѣчалъ ихъ. Здѣсь коренятся основные мотивы поэзіи разочарованія. Въ угрюмомъ ребенкѣ растетъ презрѣніе къ повседневной окружающей жизни. Все чуждое, враждебное ей возбуждало въ немъ горячее сочувствіе: онъ самъ одинокъ и несчастливъ, всякое одиночество и чужое несчастье, проистекающее отъ людского непониманія, равнодушія или мелкаго эгоизма, кажется ему своимъ. Въ его сердцѣ живутъ рядомъ чувство отчужденности среди людей и непреодолимая жажда *родной души*, такой же одинокой, близкой поэту своими грезами и, можетъ-быть, страданіями. И въ результатѣ: „въ ребячествѣ моемъ тоску любви знойной уже сталъ я понимать душою безпокойной". Мальчикомъ 10 л. его повезли на Кавказъ, на воды; здѣсь онъ встрѣтилъ дѣвочку лѣтъ девяти — и въ первый разъ у него проснулось

необыкновенно глубокое чувство, оставившее память на всю жизнь, но сначала для него неясное и неразгаданное. Два года спустя, поэтъ разсказываетъ о новомъ увлеченіи, посвящаетъ ему стихотвореніе: *къ Генію*. Первая любовь неразрывно слилась съ подавляющими впечатлѣніями Кавказа. „Горы кавказскія для меня священны“,—писалъ Л.; онѣ объединили все дорогое, что жило въ душѣ поэта-ребенка. Съ осени 1825 г. начинаются болѣе или менѣе постоянныя учебныя занятія Л., но выборъ учителей—французъ Capet и бѣжавшій изъ Турціи грекъ —былъ неудаченъ. Грекъ вскорѣ совсѣмъ бросилъ педагогическія занятія и занялся скорняжнымъ промысломъ. Французъ, очевидно, не внушилъ Л. особеннаго интереса къ французскому языку и литературѣ: въ ученическихъ тетрадяхъ Л. французскія стихотворенія очень рано уступаютъ мѣсто русскимъ. 15-тилѣтнимъ мальчикомъ онъ сожалѣетъ, что не слыхалъ въ дѣтствѣ русскихъ народныхъ сказокъ: „въ нихъ вѣрно больше поэзіи, чѣмъ во всей французской словесности“. Его плѣняютъ загадочные, но мужественные образы отщепенцевъ человѣческаго общества — „корсаровъ“, „преступниковъ“, „плѣнниковъ“, „узниковъ“. Спустя два года послѣ возвращенія съ Кавказа, Л. повезли въ Москву и стали готовить къ поступленію въ университетскій благородный пансіонъ. Учителями его были Зиновьевъ, преподаватель латинскаго и русскаго языка въ пансіонѣ, и французъ Gondrot, бывшій полковникъ наполеоновской гвардіи; его смѣнилъ въ 1829 году англичанинъ Виндсонъ, познакомившій его съ англійской литературой. Въ пансіонѣ Л. оставался около двухъ лѣтъ. Здѣсь, подъ руководствомъ Мерзлякова и Зиновьева, процвѣталъ вкусъ къ литературѣ: происходили „засѣданія по словесности“, молодые люди пробовали свои силы въ самостоятельномъ творчествѣ, существовалъ даже какой-то журналъ, при главномъ участіи Л. Поэтъ горячо принялся за чтеніе; сначала онъ поглощенъ Шиллеромъ, особенно его юношескими трагедіями; затѣмъ онъ принимается за Шекспира, въ письмѣ къ родственницѣ „вступается за честь его“, цитируетъ сцены изъ *Гамлета*. По-

прежнему Л. ищетъ *родной души*, увлекается дружбою то съ однимъ, то съ другимъ товарищемъ, испытываетъ разочарованія, негодуетъ на легкомысліе и измѣну друзей. Послѣднее время его пребыванія въ пансіонѣ—1829-й годъ—отмѣчено въ произведеніяхъ Л. необыкновенно мрачнымъ разочарованіемъ, источникомъ котораго была совершенно реальная драма въ личной жизни Л. Срокъ воспитанія его подъ руководствомъ бабушки приходилъ къ концу; отецъ часто навѣщалъ сына въ пансіонѣ, и отношенія его къ тещѣ обострились до крайней степени. Борьба развивалась на глазахъ Михаила Юрьевича: она подробно изображена въ юношеской его драмѣ. Бабушка, ссылаясь на свою одинокую старость, взывая къ чувству благодарности внука, отвоевала его у зятя. Отецъ уѣхалъ, униженный и оскорбленный болѣе, чѣмъ когда-либо, и вскорѣ умеръ. Стихотворенія этого времени,—яркое отраженіе пережитаго поэтомъ. У него является особенная склонность къ воспоминаніямъ: въ настоящемъ, очевидно, немного отрады. „Мой духъ погасъ и состарѣлся", -говоритъ онъ, и только „смутный памятникъ прошедшихъ милыхъ лѣтъ" ему „любезенъ" Чувство одиночества переходитъ въ безпомощную жалобу; юноша готовъ окончательно порвать съ внѣшнимъ міромъ, создаетъ „въ умѣ своемъ" „міръ иной и образовъ иныхъ существованье", считаетъ себя „отмѣченнымъ судьбой", „жертвой посреди степей", „сыномъ природы". Ему „міръ земной тѣсенъ", порывы его „удручены ношею обмановъ", передъ нимъ призракъ преждевременной старости.. Въ этихъ изліяніяхъ, конечно, много юношеской игры въ страстныя чувства и героическія настроенія, но въ ихъ основѣ лежатъ безусловно искреннія огорченія юноши, несомнѣнный духовный разладъ его съ окружающей дѣйствительностью. Къ 1829 г. относятся первый очеркъ „Демона" и стихотвореніе „Монологъ", предвѣщающее „Думу". Поэтъ отказывается отъ своихъ вдохновеній, сравнивая свою жизнь съ осеннимъ днемъ, и рисуетъ „измученную душу" Демона, живущаго безъ вѣры, съ презрѣніемъ и равнодушіемъ ко „всему на свѣтѣ". Въ „Монологѣ" изображаются „дѣти сѣвера", ихъ

„пасмурная жизнь", „пустыя бури", безъ „любви" и „дружбы сладкой". Немного спустя, оплакивая отца, онъ себя и его называетъ „жертвами жребія земного": „ты далъ мнѣ жизнь, но счастья не дано!.." Весной 1830 г. благородный пансіонъ былъ преобразованъ въ гимназію, и Л. оставилъ его. Лѣто онъ провелъ въ подмосковномъ помѣстьѣ брата бабушки, Столыпина. Недалеко жили другіе родственники Л.—Верещагины; Александра Верещагина познакомила его съ своей подругой Екатериной Сушковой, также сосѣдкой по имѣнію. Сушкова, впослѣдствіи Хвостова, оставила записки объ этомъ знакомствѣ. Содержаніе ихъ—настоящій „романъ", распадающійся на двѣ части: въ первой—торжествующая и насмѣшливая героиня, Сушкова, во второй—холодный и даже жестоко мстительный герой, Л. Шестнадцатилѣтній „отрокъ", наклонный къ „сентиментальнымъ сужденіямъ", невзрачный, косолапый, съ красными глазами, со вздернутымъ носомъ и язвительной улыбкой, менѣе всего могъ казаться интереснымъ кавалеромъ для юныхъ барышенъ. Въ отвѣтъ на его чувства ему предлагали „волчокъ или веревочку", угощали булочками съ начинкой изъ опилокъ. Сушкова, много лѣтъ спустя послѣ событій, изобразила поэта въ недугѣ безнадежной страсти и приписала себѣ даже стихотвореніе, посвященное Л. другой дѣвицѣ—Варенькѣ Лопухиной, его сосѣдкѣ по московской квартирѣ на Малой Молчановкѣ; къ ней онъ питалъ до конца жизни едва ли не самое глубокое чувство, когда-либо вызванное въ немъ женщиной. Въ то же лѣто (1830) вниманіе Л. сосредоточилось на личности и поэзіи Байрона: онъ впервые сравниваетъ себя съ англійскимъ поэтомъ, сознаетъ сродство своего нравственнаго міра съ байроновскимъ, посвящаетъ нѣсколько стихотвореній іюльской революціи. Врядъ ли, въ виду всего этого, увлеченіе поэта „черноокой" красавицей, т.-е. Сушковой, можно признавать такимъ всепоглощающимъ и трагическимъ, какъ его рисуетъ сама героиня. Но это не мѣшало „роману" внести новую горечь въ душу поэта: это докажетъ впослѣдствіи его дѣйствительно жестокая месть—одинъ изъ его отвѣтовъ на

людское безсердечіе, легкомысленно отравлявшее его „ребяческіе дни“, гасившее въ его душѣ „огонь божественный“. Съ сентября 1830 г. Л. числится студентомъ московскаго университета, сначала на „нравственно-политическомъ отдѣленіи“, потомъ на „словесномъ“. Университетское преподаваніе того времени не могло способствовать умственному развитію молодежи: студенты въ аудиторіяхъ немногимъ отличались отъ школьниковъ. Серьезная умственная жизнь развивалась за стѣнами университета, въ студенческихъ кружкахъ; но Л. не сходился ни съ однимъ изъ нихъ. У него, несомнѣнно, больше наклонности къ свѣтскому обществу, чѣмъ къ отвлеченнымъ товарищескимъ бесѣдамъ: онъ, по природѣ, наблюдатель дѣйствительной жизни. Давно уже, притомъ, у него исчезло чувство юной, ничѣмъ не омраченной довѣрчивости, охладѣла способность отзываться на чувство дружбы, на малѣйшій проблескъ симпатіи. Его нравственный міръ былъ другого склада, чѣмъ у его товарищей, восторженныхъ гегельянцевъ и эстетиковъ. Онъ не менѣе ихъ уважалъ университетъ: „свѣтлый храмъ науки“ онъ называетъ „святымъ мѣстомъ“, описывая отчаянное пренебреженіе студентовъ къ жрецамъ этого храма. Онъ знаетъ и о философскихъ заносчивыхъ „спорахъ“ молодежи, но самъ не принимаетъ въ нихъ участія. Онъ, вѣроятно, даже не былъ знакомъ съ самымъ горячимъ спорщикомъ—знаменитымъ впослѣдствіи критикомъ, хотя одинъ изъ героевъ его студенческой драмы „Странный Человѣкъ“ носитъ фамилію *Бѣлинскій*. Эта драма доказываетъ интересъ Л. къ надеждамъ и идеаламъ тогдашнихъ лучшихъ современныхъ людей. Главный герой—Владиміръ—воплощаетъ самого автора, его устами поэтъ откровенно сознается въ мучительномъ противорѣчіи своей натуры. Владиміръ знаетъ эгоизмъ и ничтожество людей—и все-таки не можетъ покинуть ихъ общество: „когда я одинъ, то мнѣ кажется, что никто меня не любитъ, никто не заботится обо мнѣ,—и это такъ тяжело!“ Еще важнѣе драма, какъ выраженіе общественныхъ идей поэта. Мужикъ разсказываетъ Владиміру и его другу, Бѣлинскому—противникамъ крѣ-

постного права — о жестокостяхъ помѣщицы и о другихъ крестьянскихъ невзгодахъ. Разсказъ приводитъ Владиміра въ гнѣвъ, вырываетъ у него крикъ: „О, мое отечество! мое отечество!“ — а Бѣлинскаго заставляетъ практически помочь мужикамъ.

Для поэтической дѣятельности Л. университетскіе годы оказались въ высшей степени плодотворны. Талантъ его зрѣлъ быстро, духовный міръ опредѣлялся рѣзко. Л. усердно посѣщаетъ московскіе салоны, балы, маскарады. Онъ знаетъ дѣйствительную цѣну этихъ развлеченій, но умѣетъ быть веселымъ, раздѣлять удовольствія другихъ. Поверхностнымъ наблюдателямъ казалась совершенно неестественной бурная и гордая поэзія Л., при его свѣтскихъ талантахъ. Они готовы были демонизмъ и разочарованіе его счесть „драпировкой“, „веселый, непринужденный видъ“ признать истинно лермонтовскимъ свойствомъ, а жгучую „тоску“ и „злость“ его стиховъ притворствомъ и условнымъ поэтическимъ маскарадомъ. Но именно поэзія и была искреннимъ отголоскомъ лермонтовскихъ настроеній. „Меня спасало вдохновеніе отъ мелочныхъ суетъ“, — писалъ онъ и отдавался творчеству, какъ единственному чистому и высокому наслажденію. „Свѣтъ“, по его мнѣнію, все нивеллируетъ и обезличиваетъ, сглаживаетъ личные оттѣнки въ характерахъ людей, вытравливаетъ всякую оригинальность, приводитъ всѣхъ къ одному уровню одушевленнаго манекена. Принизивъ человѣка, „свѣтъ“ пріучаетъ его быть счастливымъ именно въ состояніи безличія и приниженности, наполняетъ его чувствомъ самодовольства, убиваетъ всякую возможность нравственнаго развитія. Л. боится самъ подвергнуться такой участи: болѣе, чѣмъ когда-либо, онъ прячетъ свои задушевныя думы отъ людей, вооружается насмѣшкой и презрѣніемъ, подчасъ разыгрываетъ роль добраго малаго или отчаяннаго искателя свѣтскихъ приключеній. Въ уединеніи ему припоминаются кавказскія впечатлѣнія — могучія и благородныя, ни единой чертой не похожія на мелочи и немощи утонченнаго общества. Онъ повѣряетъ мечты поэтовъ прошлаго вѣка о естественномъ

состоянии, свободномъ отъ „приличья цѣпей", отъ золота и почестей, отъ взаимной вражды людей. Онъ не можетъ допустить, чтобы въ нашу душу были вложены „неисполнимыя желанія", чтобы мы тщетно искали „въ себѣ и въ мірѣ совершенство". Его настроеніе—разочарованіе *дѣятельныхъ нравственныхъ силъ, разочарованіе* въ *отрицательныхъ* явленіяхъ общества, во имя *очарованія положительными* задачами человѣческаго духа. Эти мотивы вполнѣ опредѣлились во время пребыванія Л. въ московскомъ университетѣ, о которомъ онъ именно потому и сохранилъ память, какъ о „святомъ мѣстѣ". Л. не пробылъ въ университетѣ и двухъ лѣтъ; выданное ему *свидѣтельство* говоритъ объ увольненіи „по прошенію"—но прошеніе, по преданію, было вынуждено студенческой исторіей съ однимъ изъ наименѣе почтенныхъ профессоровъ Маловымъ. Съ 18 іюня 1832 г. Л. болѣе не числился студентомъ. Онъ уѣхалъ въ Петербургъ, съ намѣреніемъ снова поступить въ университетъ, но попалъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ. Эта перемѣна карьеры не отвѣчала желаніямъ бабушки и, очевидно, вызвана настояніями самого поэта Еще съ дѣтства его мечты носили воинственный характеръ. Кавказъ сильно подогрѣлъ ихъ. Въ пансіонскихъ эпиграммахъ постоянно упоминается *гусаръ*, въ роли счастливаго Донъ-Жуана. Усердно занимаясь рисованіемъ, поэтъ упражнялся преимущественно въ „батальномъ жанрѣ". Такими же рисунками наполненъ и альбомъ его матери. Въ двадцатыхъ годахъ и началѣ тридцатыхъ гражданскія профессіи, притомъ, не пользовались уваженіемъ высшаго общества. По свидѣтельству товарища Л., всѣ не-военные слыли „подьячими". Л. оставался въ школѣ два „злополучныхъ года", какъ онъ самъ выражался. Объ умственномъ развитіи учениковъ никто не думалъ: имъ „не позволялось читать книгъ чисто-литературнаго содержанія". Въ школѣ издавался журналъ, но характеръ его вполнѣ очевиденъ изъ поэмъ Л., вошедшихъ въ этотъ органъ: „Уланша", „Петергофскій Праздникъ"... Наканунѣ вступленія въ школу Л. написалъ стихотвореніе „Парусъ": „мятежный" парусъ, „просящій

бури", въ минуты невозмутимаго покоя—это все та же съ дѣтства неугомонная душа поэта. „Искалъ онъ въ людяхъ совершенства, а самъ—самъ не былъ лучше ихъ", говоритъ онъ устами героя поэмы „Ангелъ Смерти", написанной еще въ Москвѣ. Юнкерскій разгулъ и забіячество доставили ему теперь самую удобную среду для развитія какихъ-угодно „несовершенствъ". Л. ни въ чемъ не отставалъ отъ товарищей, являлся первымъ участникомъ во всѣхъ похожденіяхъ, но и здѣсь избранная натура сказывалась немедленно послѣ самаго, повидимому, безотчетнаго веселья. Какъ въ московскомъ обществѣ, такъ и въ юнкерскихъ пирушкахъ Л. умѣлъ сберечь свою „лучшую честь", свои творческія силы: въ его письмахъ слышится иногда горькое сожалѣніе о былыхъ мечтаніяхъ, жестокое самобичеваніе за потребность „чувственнаго наслажденія". Всѣмъ, кто вѣрилъ въ дарованіе поэта, становилось страшно за его будущее. Верещагина, неизмѣнный другъ Л., во имя его таланта заклинала его „твердо держаться своей дороги"... По выходѣ изъ школы корнетомъ лейбъ-гвардіи гусарскаго полка, Л. живетъ попрежнему среди увлеченій и упрековъ совѣсти, среди страстныхъ порывовъ и сомнѣній, граничащихъ съ отчаяніемъ. О нихъ онъ пишетъ къ своему другу Лопухиной, но напрягаетъ всѣ силы, чтобы его товарищи и „свѣтъ" не заподозрѣли его гамлетовскихъ настроеній. Люди, близко знающіе его, въ родѣ Верещагиной, увѣрены въ его „добромъ характерѣ" и „любящемъ сердцѣ"; но Л. казалось бы унизительнымъ явиться добрымъ и любящимъ предъ „надменнымъ шутомъ — свѣтомъ". Напротивъ, здѣсь онъ хочетъ быть безпощаденъ на словахъ, жестокъ въ поступкахъ, во что бы то ни стало прослыть неумолимымъ тираномъ женскихъ сердецъ. Тогда-то пришло время расплаты для Сушковой. Л.-гусару и уже извѣстному поэту ничего не стоило заполонить сердце когда-то насмѣшливой красавицы, разстроить ея бракъ съ Лопухинымъ, братомъ неизмѣнно любимой Вареньки и Маріи, къ которой онъ писалъ такія задушевныя письма. Потомъ началось отступленіе: Л. принялъ такую форму обращенія

съ Сушковой, что она немедленно была скомпрометирована въ глазахъ „свѣта", попавъ въ положеніе смѣшной героини неудавшагося романа. Л. оставалось окончательно порвать съ Сушковой — и онъ написалъ на ея имя анонимное письмо съ предупрежденіемъ противъ себя самого, направилъ письмо въ руки родственниковъ несчастной дѣвицы, и, по его словамъ, произвелъ „громъ" и „молнію". Потомъ, при встрѣчѣ съ жертвой, онъ разыгралъ роль изумленнаго, огорченнаго рыцаря, а въ послѣднемъ объясненіи прямо заявилъ, что онъ ее не любитъ и, кажется, никогда не любилъ. Все это, кромѣ сцены разлуки, разсказано самимъ Л. въ письмѣ къ Верещагиной, при чемъ онъ видитъ лишь „веселую сторону исторіи" Только печальнымъ наслѣдствомъ юнкерскаго воспитанія и стремленіемъ создать себѣ „пьедесталъ" въ „свѣтѣ" можно объяснить эту единственную темную страницу въ біографіи Л. Совершенно равнодушный къ службѣ, неистощимый въ проказахъ, Л. пишетъ застольныя пѣсни самаго непринужденнаго жанра — и въ то же время такія произведенія какъ: „Я, матерь Божія, нынѣ съ молитвою"... До сихъ поръ поэтическій талантъ Л. былъ извѣстенъ лишь въ офицерскихъ и свѣтскихъ кружкахъ. Первое его произведеніе, появившееся въ печати — „Хаджи Абрекъ" попало въ „Библ. для Чтенія" безъ его вѣдома, и послѣ этого невольнаго, но удачнаго дебюта, Л. долго не хотѣлъ печатать своихъ стиховъ. Смерть Пушкина явила Л. русской публикѣ во всей силѣ поэтическаго таланта. Л. былъ боленъ, когда совершилось страшное событіе. До него доходили разнорѣчивые толки: „многіе", разсказываетъ онъ, „особенно дамы, оправдывали противника Пушкина", потому что Пушкинъ былъ дуренъ собой и ревнивъ, и не имѣлъ права требовать любви отъ своей жены. Невольное негодованіе охватило поэта, и онъ „излилъ горечь сердечную на бумагу". Стихотвореніе оканчивалось сначала словами: „И на устахъ его печать". Оно быстро распространилось въ спискахъ, вызвало бурю въ высшемъ обществѣ, новыя похвалы Дантесу; наконецъ, одинъ изъ родственниковъ Л., Н. Столыпинъ, сталъ

въ глаза порицать его горячность по отношенію къ такому джентльмену, какъ Дантесъ. Л. вышелъ изъ себя, приказалъ гостю выйти вонъ, и въ порывѣ страстнаго гнѣва набросалъ заключительную отповѣдь „надменнымъ потомкамъ". Послѣдовалъ арестъ; нѣсколько дней спустя, корнетъ Л. былъ переведенъ прапорщикомъ въ нижегородскій драгунскій полкъ, дѣйствовавшій на Кавказѣ. Поэтъ отправлялся въ изгнаніе, сопровождаемый общимъ вниманіемъ: здѣсь были и страстное сочувствіе и затаенная вражда. Первое пребываніе Л. на Кавказѣ длилось всего нѣсколько мѣсяцевъ. Благодаря хлопотамъ бабушки, онъ былъ сначала переведенъ въ гродненскій гусарскій полкъ, расположенный въ Новгородской губ., а потомъ — въ апрѣлѣ 1838 г. — возвращенъ въ лейбъ-гусарскій. Несмотря на кратковременную службу въ Кавказскихъ горахъ, Лермонтовъ успѣлъ сильно измѣниться въ нравственномъ отношеніи. Природа приковала все его вниманіе: онъ готовъ „цѣлую жизнь" сидѣть и любоваться ея красотой; общество будто утратило для него привлекательность, юношеская веселость исчезла, и даже свѣтскія дамы замѣчали „черную меланхолію" на его лицѣ. Инстинктъ поэта-психолога влекъ его, однако, въ среду людей. Его здѣсь мало цѣнили, еще меньше понимали, но *горечь* и *злость* закипали въ немъ, и на бумагу ложились пламенныя рѣчи, въ воображеніи складывались безсмертные образы. Л. возвращается въ петербургскій „свѣтъ", снова играетъ роль льва, тѣмъ болѣе, что за нимъ теперь ухаживаютъ всѣ любительницы знаменитостей и героевъ; но одновременно онъ обдумываетъ *могучій образъ*, еще въ юности волновавшій его воображеніе. Кавказъ обновилъ давнишнія грезы: создаются „Демонъ" и „Мцыри". И та и другая поэма задуманы были давно. О „Демонѣ" поэтъ думалъ еще въ Москвѣ, до поступленія еще въ университетъ, позже нѣсколько разъ начиналъ и передѣлывалъ поэму; зарожденіе „Мцыри", несомнѣнно, скрывается въ юношеской замѣткѣ Л., тоже изъ московскаго періода: „написать записки молодого монаха: 17 лѣтъ. Съ дѣтства онъ въ монастырѣ, кромѣ свя-

щенныхъ, книгъ не читалъ... Страстная душа томится. Идеалы". Въ основѣ „Демона" лежитъ сознаніе одиночества среди всего мірозданія. Черты демонизма въ творчествѣ Л.: *гордая душа, отчужденіе отъ міра и небесъ*, презрѣніе къ *мелкимъ страстямъ* и малодушію. Демону міръ тѣсенъ и жалокъ; для „Мцыри" — міръ ненавистенъ, потому что въ немъ нѣтъ воли, нѣтъ воплощенія идеаловъ, воспитанныхъ страстнымъ воображеніемъ *сына природы*, нѣтъ исхода могучему пламени, съ юныхъ лѣтъ живущему въ груди. „Мцыри" и „Демонъ" пополняютъ другъ друга. Разница между ними — не психологическая, а внѣшняя, историческая. Демонъ богатъ опытомъ, онъ цѣлые вѣка наблюдалъ человѣчество — и научился презирать людей сознательно и равнодушно. Мцыри гибнетъ въ цвѣтущей молодости, въ первомъ порывѣ къ волѣ и счастью; но этотъ порывъ до такой степени рѣшителенъ и могучъ, что юный узникъ успѣваетъ подняться до идеальной высоты демонизма. Нѣсколько лѣтъ томительнаго рабства и одиночества, потомъ нѣсколько часовъ восхищенія свободой и величіемъ природы подавили въ немъ голосъ человѣческой слабости. Демоническое міросозерцаніе, стройное и логическое въ рѣчахъ Демона, у Мцыри — крикъ преждевременной агоніи. Демонизмъ *общее* поэтическое настроеніе, слагающееся изъ гнѣва и презрѣнія; чѣмъ зрѣлѣе становится талантъ поэта, тѣмъ *реальнѣе* выражается это настроеніе, и аккордъ разлагается на болѣе частные, но зато и болѣе опредѣленные мотивы. Въ основѣ „Думы" лежатъ тѣ же лермонтовскія чувства относительно „свѣта" и „міра", но они направлены на осязательныя, исторически-точныя общественныя явленія: „земля", столь надменно унижаемая Демономъ, уступаетъ мѣсто „нашему поколѣнію", и мощныя, но смутныя картины и образы кавказской поэмы превращаются въ жизненные типы и явленія. Таковъ же смыслъ и новогодняго привѣтствія на 1840 г. Очевидно, поэтъ быстро шелъ къ ясному реальному творчеству, задатки котораго коренились въ его поэтической природѣ; но не безъ вліянія оставались и столкновенія со всѣмъ окружающимъ. Именно они

должны были намѣчать болѣе опредѣленныя цѣли для гнѣва и сатиры поэта, и постепенно превращать его въ живописца общественныхъ нравовъ. Романъ „Герой нашего времени“ — первая ступень на этомъ совершенно логическомъ пути. Роль „льва“ въ петербургскомъ свѣтѣ заключилась для Л. крупнымъ недоразумѣніемъ: ухаживая за кн. Щербатовой — музой стихотворенія: „На свѣтскія цѣпи“, — онъ встрѣтилъ соперника въ лицѣ сына французскаго посланника Баранта. Въ результатѣ — дуэль, окончившаяся благополучно, но для Л. повлекшая арестъ на гауптвахтѣ, потомъ переводъ въ тенгинскій пѣхотный полкъ, на Кавказъ. Во время ареста Л. посѣтилъ Бѣлинскій. Когда онъ познакомился съ поэтомъ, достовѣрно неизвѣстно: по словамъ Панаева — въ Спб., у Краевскаго, послѣ возвращенія Л. съ Кавказа; по словамъ товарища Л. по университетскому пансіону, Н. Сатина — въ Пятигорскѣ, лѣтомъ 1837 года. Вполнѣ достовѣрно одно, что впечатлѣніе Бѣлинскаго отъ перваго знакомства осталось неблагопріятное: Л., по привычкѣ, уклонялся отъ серьезнаго разговора, сыпалъ шутками и остротами по поводу самыхъ важныхъ темъ — и Бѣлинскій, по его словамъ, *не раскусилъ* Л. Свиданіе на гауптвахтѣ окончилось совершенно иначе: Бѣлинскій пришелъ въ восторгъ и отъ личности и отъ художественныхъ воззрѣній Л. Онъ увидѣлъ поэта „самимъ собой“, „въ словахъ его было столько истины, глубины и простоты!“ Впечатлѣнія Бѣлинскаго повторились на Боденштедтѣ, впослѣдствіи переводчикѣ произведеній поэта. *Казаться* и *быть* для Л. были двѣ вещи совершенно различныя: предъ людьми мало знакомыми онъ предпочиталъ *казаться*, но былъ совершенно правъ, когда говорилъ: „Лучше я, чѣмъ для людей кажусь“. Близкое знакомство открывало въ поэтѣ и любящее сердце, и отзывчивую душу, и идеальную глубину мысли. Только Л. очень немногихъ считалъ достойными этихъ своихъ сокровищъ... Прибывъ на Кавказъ, Л. окунулся въ боевую жизнь, и на первыхъ же порахъ отличился „мужествомъ и хладнокровіемъ“; такъ выражалось офиціальное донесеніе. Въ стихотвореніи *Валерикъ* и въ

письмѣ къ Лопухину Л. ни слова не говоритъ о своихъ подвигахъ... Тайныя думы Л. давно уже были отданы роману. Онъ былъ задуманъ еще въ первое пребываніе на Кавказѣ; княжна Мери, Грушницкій и докторъ Вернеръ, по словамъ того же Сатина, были списаны съ оригиналовъ еще въ 1837 г. Послѣдующая обработка, вѣроятно, сосредоточивалась преимущественно на личности главнаго героя, характеристика котораго была связана для поэта съ дѣломъ самопознанія и самокритики... По окончаніи отпуска, весной 1841 г., Л. уѣхалъ изъ Петербурга съ тяжелыми предчувствіями — сначала въ Ставрополь, гдѣ стоялъ тенгинскій полкъ, потомъ въ Пятигорскъ. По нѣкоторымъ разсказамъ, онъ еще въ 1837 г. познакомился здѣсь съ семьей Верзилиныхъ, и одну изъ сестеръ—Эмилію Верзилину — прозвалъ „La Rose du Caucase". Теперь онъ встрѣтилъ рядомъ съ ней гвардейскаго отставного офицера, Мартынова, „мрачнаго и молчаливаго", игравшаго роль непонятаго и разочарованнаго героя, въ черкесскомъ костюмѣ съ громаднымъ кинжаломъ. Л. сталъ поднимать его на смѣхъ, въ присутствіи красавицы и всего общества. Столкновенія были неминуемы; въ результатѣ одного изъ нихъ произошла дуэль — и 15 іюня поэтъ палъ бездыханнымъ у подножія Машука. Кн. А. И. Васильчиковъ, очевидецъ событій и секундантъ Мартынова, разсказалъ исторію съ явнымъ намѣреніемъ оправдать Мартынова, который былъ живъ во время появленія разсказа въ печати. Основная мысль автора: „въ Л. было два человѣка: одинъ—добродушный, для небольшого кружка ближайшихъ друзей и для тѣхъ немногихъ лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ особенное уваженіе; другой—заносчивый и задорный, для всѣхъ прочихъ знакомыхъ". Мартыновъ, слѣдовательно, былъ сначала жертвой, а потомъ долженъ былъ явиться мстителемъ. Несомнѣнно, однако, что Л. до послѣдней минуты сохранялъ добродушное настроеніе, а его соперникъ пылалъ злобнымъ чувствомъ. При всѣхъ смягчающихъ обстоятельствахъ, о Мартыновѣ еще съ большимъ правомъ, чѣмъ о Дантесѣ, можно повторить слова поэта: „не могъ понять въ сей

мнитъ кровавый, на что онъ руку подымалъ"... Похороны Л. не могли быть совершены по церковному обряду, несмотря на всѣ хлопоты друзей. Офиціальное извѣстіе о его смерти гласило: „15-го іюля, около 5 часовъ вечера, разразилась ужасная буря съ громомъ и молніей; въ это самое время между горами Машукомъ и Бештау скончался лѣчившійся въ Пятигорскѣ М. Ю. Лермонтовъ". По словамъ кн. Васильчикова, въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ, смерть поэта встрѣтили отзывомъ: „туда ему и дорога"... Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, Арсеньева перевезла прахъ внука въ Тарханы. Въ 1889 г., по всероссійской подпискѣ, поэту воздвигнутъ памятникъ въ Пятигорскѣ.— Поэзія Л. неразрывно связана съ его личностью, она въ полномъ смыслѣ поэтическая автобіографія.

Основныя черты лермонтовской природы — необыкновенно развитое самосознаніе, цѣльность и глубина нравственнаго міра, мужественный идеализмъ жизненныхъ стремленій. Всѣ эти черты воплотились въ его произведеніяхъ, начиная съ самыхъ раннихъ прозаическихъ и стихотворныхъ изліяній и кончая зрѣлыми поэмами и романомъ. Еще въ юношеской „Повѣсти" Л. прославлялъ *волю*, какъ совершенную, непреодолимую душевную энергію: „хотѣть — значитъ ненавидѣть, любить, сожалѣть, радоваться, жить"... Отсюда его пламенные запросы къ сильному открытому чувству, негодованіе на мелкія и малодушныя страсти; отсюда его *демонизмъ*, развивавшійся среди вынужденнаго одиночества и презрѣнія къ окружающему обществу. Но *демонизмъ* — отнюдь не отрицательное настроеніе: „любить необходимо мнѣ" — сознавался поэтъ, и Бѣлинскій отгадалъ эту черту послѣ первой серьезной бесѣды съ Л.: „мнѣ отрадно было видѣть въ его разсудочномъ, охлажденномъ и озлобленномъ взглядѣ на жизнь и людей сѣмена глубокой вѣры въ достоинство того и другого. Я это и сказалъ ему: онъ улыбнулся и сказалъ: дай Богъ". Демонизмъ Л. — это высшая ступень идеализма, то же самое, что мечты людей XVIII в. о всесовершенномъ естественномъ человѣкѣ, о свободѣ и доблестяхъ золотого вѣка; это поэзія Руссо и Шиллера. Такой

идеалъ—наиболѣе смѣлое, непримиримое отрицаніе дѣйствительности—и юный Л. хотѣлъ бы сбросить „образованности цѣпи", перенестись въ идиллическое царство первобытнаго человѣчества. Отсюда фанатическое обожаніе природы, страстное проникновеніе ея красотой и мощью. И всѣ эти черты отнюдь нельзя связывать съ какимъ бы то ни было внѣшнимъ вліяніемъ; онѣ существовали въ Л. еще до знакомства его съ Байрономъ, и слились только въ болѣе мощную и зрѣлую гармонію, когда онъ узналъ эту дѣйствительно ему *родную душу*. Въ противоположность разочарованію шатобріановскаго Рене, коренящемуся исключительно въ эгоизмѣ и самообожаніи, *лермонтовское разочарованіе*—воинствующій протестъ противъ „низостей и странностей", во имя искренняго чувства и мужественной мысли Предъ нами поэзія не *разочарованія*, а *печали* и *гнѣва*. Всѣ герои Л.—Демонъ, Измаилъ-Бей, Мцыри, Арсеній – переполнены этими чувствами. Самый реальный изъ нихъ—Печоринъ—воплощаетъ самое, повидимому, будничное разочарованіе: но это совершенно другой человѣкъ, чѣмъ „московскій Чайльдъ-Гарольдъ" — Онѣгинъ. У него множество отрицательныхъ чертъ: эгоизмъ, мелочность, гордость, часто безсердечіе, но рядомъ съ ними — искреннее отношеніе къ самому себѣ. „Если я причиною несчастья другихъ, то и самъ не менѣе несчастливъ"—совершенно правдивыя слова въ его устахъ. Онъ не разъ тоскуетъ о неудавшейся жизни: на другой почвѣ, въ другомъ воздухѣ этотъ *сильный организмъ* несомнѣнно нашелъ бы болѣе почтенное дѣло, чѣмъ травля Грушницкихъ. Великое и ничтожное уживаются въ немъ рядомъ, и если бы потребовалось разграничить то и другое, великое пришлось бы отнести къ *личности*, а ничтожное—къ *обществу*... Творчество Л. постепенно спускалось изъ-за облаковъ и съ кавказскихъ горъ. Оно остановилось на созданіи вполнѣ реальныхъ типовъ и сдѣлалось общественнымъ и національнымъ. Въ русской новѣйшей литературѣ нѣтъ ни одного благороднаго мотива, въ которомъ бы не слышался безвременно замолкшій голосъ Л.: ея печаль о жалкихъ явленіяхъ русской жизни — отголосокъ жизни

поэта, печально глядѣвшаго на свое поколѣніе: въ ея негодованіи на рабство мысли и нравственное ничтожество современниковъ звучатъ лермонтовскіе демоническіе порывы: ея смѣхъ надъ глупостью и пошлымъ комедіанствомъ слышится уже въ уничтожающихъ сарказмахъ Печорина надъ Грушницкимъ.

Ив. Ивановъ.

КРИТИКА СОРОКОВЫХЪ ГОДОВЪ.

*) **Герой нашего времени.** Соч. Лермонтова. Спб. 1840. Двѣ части.

Отличительный характеръ нашей литературы состоитъ въ рѣзкой противоположности ея явленій. Возьмите любую европейскую литературу, и вы увидите, что ни въ одной изъ нихъ нѣтъ скачковъ отъ величайшихъ созданій до самыхъ пошлыхъ: тѣ и другія связаны лѣстницею со множествомъ ступеней, въ нисходящемъ или восходящемъ порядкѣ, смотря по тому, съ котораго конца будете смотрѣть. Подлѣ геніальнаго художественнаго созданія вы увидите множество созданій, принадлежащихъ сильнымъ художническимъ талантамъ; за ними безконечный рядъ превосходныхъ, примѣчательныхъ, порядочныхъ и т. д. беллетристическихъ произведеній, такъ что доходите до порожденій дюжинной посредственности не вдругъ, а постепенно и незамѣтно. Самыя посредственныя произведенія иностранной беллетристики носятъ на себѣ отпечатокъ большей или меньшей образованности, знанія общества, или, по крайней мѣрѣ, грамотности авторовъ. И потому-то всѣ европейскія литературы такъ плодовиты и богаты, что ни на мигъ не оставляютъ своихъ читателей безъ достаточнаго запаса умственнаго наслажденія. Самая французская литература, бѣдная и ничтожная художественными созданіями, едва ли еще не богаче другихъ беллетристическими произведеніями, благодаря которымъ она и удерживаетъ свое исключительное владычество надъ европейскою читающею публикою. Напротивъ того, наша молодая литература по справедливости можетъ гордиться значительнымъ числомъ великихъ художественныхъ созданій, и до нищеты бѣдна хорошими беллетристическими произведеніями, которыя естественно должны бы далеко превосходить первыя въ количествѣ. Въ

---

*) В. Бѣлинскій. „Отечественныя Записки“ 1840 г. № 6 и 7.

вѣкъ Екатерины литература наша имѣла Державина—и никого, кто бы хотя нѣсколько приближался къ нему; полузабытый нынѣ Фонвизинъ и забытые Хемницеръ и Богдановичъ были единственными примѣчательными беллетристами того времени. Крыловъ, Жуковскій и Батюшковъ были поэтическими корифеями вѣка Александра I: Капнистъ, Карамзинъ (говоримъ о немъ не какъ объ историкѣ), Дмитріевъ, Озеровъ и еще немногіе — блестящимъ образомъ поддерживали беллетристику того времени. Съ двадцатыхъ до тридцатыхъ годовъ настоящаго вѣка литература наша оживилась: еще далеко не кончили своего поэтическаго поприща Крыловъ и Жуковскій, какъ явился Пушкинъ, первый великій народный русскій поэтъ, вполнѣ художникъ, сопровождаемый и окруженный толпою болѣе или менѣе примѣчательныхъ талантовъ, которыхъ неоспоримымъ достоинствамъ мѣшаетъ только невыгода быть современниками Пушкина. Но за то пушкинскій періодъ необыкновенно (сравнительно съ предшествовавшими и послѣдующимъ) былъ богатъ блестящими беллетристическими талантами, изъ которыхъ нѣкоторые въ своихъ произведеніяхъ возвышались до поэзіи, и хотя другіе теперь уже и не читаются, но въ свое время пользовались большимъ вниманіемъ публики, и сильно занимали ее своими произведеніями, большею частью мелкими, помѣщавшимися въ журналахъ и альманахахъ. Начало четвертаго десятилѣтія ознаменовалось романическимъ и драматическимъ движеніемъ — и не сбывшимися яркими надеждами: „Юрій Милославскій“ подалъ большія надежды, „Торквато Тассо“ тоже подалъ большія надежды... и многіе подавали большія надежды, только теперь оказались совершенно безнадежными... Но и въ этомъ періодѣ надеждъ и безнадежностей блеститъ яркая звѣзда великаго творческаго таланта, мы говоримъ о Гоголѣ,—который, къ сожалѣнію, послѣ смерти Пушкина ничего не печатаетъ, и котораго послѣднія произведенія русская публика прочла въ „Современникѣ“ за 1836 годъ, хотя слухи о новыхъ его произведеніяхъ и не умолкаютъ. Тридцатый годъ былъ роковымъ для нашей литературы: журналы начали прекращаться

одинъ за другимъ, альманахи наскучили публикѣ, и прекратились, и въ 1834 году „Библіотека для Чтенія“ соединила въ себѣ труды почти всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ поэтовъ и литераторовъ, какъ бы нарочно для того, чтобы показать ограниченность ихъ дѣятельности и бѣдность русской литературы... Но обо всемъ этомъ мы скоро поговоримъ въ особой статьѣ: на этотъ разъ прямо выскажемъ нашу главную мысль, что отличительный характеръ русской литературы — внезапные проблески сильныхъ и даже великихъ художническихъ талантовъ и, за немногими исключеніями, вѣчная поговорка читателей: „книгъ много, а читать нечего“... Къ числу такихъ сильныхъ художественныхъ талантовъ, неожиданно являющихся среди окружающей ихъ пустоты, принадлежитъ талантъ Лермонтова.

Въ „Библіотекѣ для Чтенія“ на 1835 годъ напечатано было нѣсколько (очень немного) стихотвореній Пушкина и Жуковскаго; послѣ того русская поэзія нашла свое убѣжище въ „Современникѣ“, гдѣ, кромѣ стихотвореній самого издателя, появлялись нерѣдко и стихотворенія Жуковскаго и немногихъ другихъ, и гдѣ помѣщены: „Капитанская Дочка“ Пушкина, „Носъ“, „Коляска“ и „Утро дѣлового человѣка“, сцена изъ комедіи Гоголя, не говоря уже о нѣсколькихъ замѣчательныхъ беллетрическихъ произведеніяхъ и критическихъ статьяхъ. Хотя этотъ полу-журналъ и полу-альманахъ только годъ издавался Пушкинымъ, но какъ въ немъ долго печатались посмертныя произведенія его основателя, то „Современникъ“ и долго еще былъ единственнымъ убѣжищемъ поэзіи, скрывшейся изъ періодическихъ изданій съ началомъ „Библіотеки для Чтенія“. Въ 1835 году вышла маленькая книжка стихотвореній Кольцова, послѣ того постоянно печатающаго свои лирическія произведенія въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ до сего времени. Кольцовъ обратилъ на себя общее вниманіе, но не столько достоинствомъ и сущностью своихъ созданій, сколько своимъ качествомъ поэта-самоучки, поэта-прасола. Онъ и доселѣ не понятъ, не оцѣненъ, какъ поэтъ, внѣ его личныхъ обстоятельствъ, и только немногіе сознаютъ всю глубину, обшир-

ность и богатырскую мощь его таланта, и видять въ немъ не эфемерное, хотя и примѣчательное явленіе періодической литературы, а истиннаго жреца высокаго искусства. Почти въ одно время съ изданіемъ первыхъ стихотвореній Кольцова явился съ своими стихотвореніями и Бенедиктовъ. Но его муза гораздо больше произвела въ публикѣ толковъ и восклицаній, нежели обогатила нашу литературу. Стихотворенія Бенедиктова—явленіе примѣчательное, интересное и глубоко поучительное: они отрицательно поясняютъ тайну искусства, и въ то же время подтверждаютъ собою ту истину, что всякій внѣшній талантъ, ослѣпляющій глаза внѣшнею стороною искусства и выходящій не изъ вдохновенія, а изъ легко воспламеняющейся натуры, такъ же тихо и незамѣтно сходитъ съ арены, какъ шумно и блистательно является на нее. Благодаря странной случайности, вслѣдствіе которой въ „Библіотеку для Чтенія“ попали стихи Красова и явились въ ней съ именемъ Бернета, Красовъ, до того времени печатавшій свои произведенія въ московскихъ изданіяхъ, получилъ общую извѣстность. Въ самомъ дѣлѣ, его лирическія произведенія часто отличаются пламеннымъ, хотя и не глубокимъ чувствомъ, а иногда и художественною формою. Послѣ Красова заслуживаютъ вниманія стихотворенія подъ фирмою —о—; они отличаются чувствомъ скорбнымъ, страдальческимъ, болѣзненнымъ, какою-то однообразною оригинальностью, нерѣдко счастливыми оборотами постоянно господствующей въ нихъ идеи раскаянія и примиренія, иногда плѣнительными поэтическими образами. Знакомые съ состояніемъ духа, которое въ нихъ выражается, никогда не пройдутъ мимо нихъ безъ душевнаго участія: находящіеся въ томъ же самомъ состояніи духа естественно преувеличатъ ихъ достоинства; люди же, или незнакомые съ такимъ страданіемъ, или слишкомъ нормальные духомъ, могутъ не отдать имъ должной справедливости: таково вліяніе и такова участь поэтовъ, въ созданіяхъ которыхъ общее слишкомъ заслонено индивидуальностью. Во всякомъ случаѣ, стихотворенія—о—принадлежатъ къ примѣчательнымъ явленіямъ современной имъ

литературы, и ихъ историческое значеніе не подвержено никакому сомнѣнію.

Можетъ-быть, многимъ покажется страннымъ, что мы ничего не говоримъ о Кукольникѣ, поэтѣ, столь превознесенномъ „Библіотекою для Чтенія". Мы вполнѣ признаемъ его достоинства, которыя неподвержены никакому сомнѣнію, но о которыхъ новаго нечего сказать. Поэтическія мѣста не выкупаютъ ничтожности цѣлаго созданія, точно такъ же, какъ два, три счастливые монолога не составляютъ драмы. Пусть въ драмѣ, состоящей изъ 3000 стиховъ, наберется до тридцати или, если хотите, и до пятидесяти хорошихъ лирическихъ стиховъ, но драма отъ того не менѣе скучна и утомительна, если въ ней нѣтъ ни дѣйствія, ни характеровъ, ни истины. Многочисленность написанныхъ кѣмъ-либо драмъ также не составляетъ еще достоинства и заслуги, особенно, если всѣ драмы похожи одна на другую, какъ двѣ капли воды. О талантѣ ни слова, пусть онъ будетъ; но степень таланта—вотъ вопросъ! Если талантъ не имѣетъ въ себѣ достаточной силы стать въ уровень съ своими стремленіями и предпріятіями, онъ производитъ только пустоцвѣтъ, когда вы ждете отъ него плодовъ. — Чтобы насъ не подозрѣвали въ пристрастіи, мы, пожалуй, упомянемъ еще и о Бернетѣ, во многихъ стихотвореніяхъ котораго иногда проблескивали яркія искорки поэзіи; но ни одно изъ нихъ, какъ изъ большихъ, такъ и изъ маленькихъ, не представляло собою ничего цѣлаго и оконченнаго Къ тому же талантъ Бернета идетъ сверху внизъ, и послѣднія его стихотворенія послѣдовательно слабѣе первыхъ, такъ что теперь уже перестаютъ говорить и о первыхъ. Можетъ-быть, мы пропустили еще нѣсколько стихотворцевъ съ проблескомъ таланта; но стоитъ ли останавливаться надъ однолѣтними растеніями, которыя такъ не рѣдки, такъ обыкновенны, и цвѣтутъ одно мгновеніе! стоитъ ли останавливаться надъ ними, хоть они и цвѣты, а не сухая трава? Нѣтъ!

Спящій въ гробѣ мирно спи,
Жизнью пользуйся живущій!

И потому обратимся къ живымъ. Но изъ нихъ только одинъ

Кольцовъ обѣщаетъ жизнь, которая не боится смерти, ибо его поэзія есть не современно-важное, но безотносительно примѣчательное явленіе. Никого изъ явившихся вмѣстѣ съ нимъ и послѣ него нельзя поставить съ нимъ на-ряду, и долго стоялъ онъ въ просторномъ отдаленіи отъ всѣхъ другихъ, какъ вдругъ на горизонтѣ нашей поэзіи взошло новое яркое свѣтило, и тотчасъ оказалось звѣздою первой величины. Мы говоримъ о Лермонтовѣ, который, безъ имени, явился въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ 1838 года съ поэмою: „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“, а съ 1839 года постоянно продолжаетъ являться въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Поэма его, несмотря на ея великое художественное достоинство, совершенную оригинальность и самобытность, не обратила на себя особеннаго вниманія всей публики, и была замѣчена только немногими; но каждое изъ его мелкихъ произведеній возбуждало общій и сильный восторгъ. Всѣ видѣли въ нихъ что-то совершенно новое, самобытное; всѣхъ поражало могущество вдохновенія, глубина и сила чувства, роскошь фантазіи, полнота жизни и рѣзко ощутительное присутствіе мысли въ художественной формѣ. Пока, оставляя въ сторонѣ сравненія, мы замѣтимъ теперь только то, что, при всей глубинѣ мыслей, энергіи выраженія, разнообразіи содержанія, по которымъ Кольцову едва ли можно бояться чьего-либо соперничества, форма его стихотвореній, несмотря на свою художественность, всегда однообразна, всегда одинаково безыскусственна. Кольцовъ не есть только народный поэтъ: нѣтъ, онъ стоитъ выше, ибо если его пѣсни понятны всякому простолюдину, то его думы недоступны никому; но въ то же время онъ не можетъ назваться и поэтомъ національнымъ, ибо его могучій талантъ не можетъ выйти изъ магическаго круга народной непосредственности. Это геніальный простолюдинъ, въ душѣ котораго возникаютъ вопросы, свойственные только людямъ, развитымъ наукою и образованіемъ, и который высказываетъ эти глубокіе вопросы въ формѣ народной поэзіи. Поэтому онъ не переводимъ ни на

такой языкъ, и понятенъ только у себя дома, только своимъ соотечественникамъ. „Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ показываетъ, что Лермонтовъ умѣетъ явленія непосредственной русской жизни воспроизводить въ народно-поэтической формѣ, единственно свойственной имъ, тогда какъ прочія его произведенія, проникнутыя русскимъ духомъ, являются въ той обще-міровой формѣ, которая свойственна поэзіи, перешедшей изъ естественной въ художественную, и которая, не переставая быть національною, доступна для всякаго вѣка и всякой страны.

Въ то время какъ какія-нибудь два стихотворенія, помѣщенныя въ первыхъ двухъ книжкахъ „Отечественныхъ Записокъ“ 1839 года, возбудили къ Лермонтову столько интереса со стороны публики, утвердили за нимъ имя поэта съ большими надеждами, Лермонтовъ вдругъ является съ повѣстью „Бэла“, написанною въ прозѣ. Это тѣмъ пріятнѣе удивило всѣхъ, что еще болѣе обнаружило силу молодого таланта и показало его разнообразіе и многосторонность. Въ повѣсти Лермонтовъ явился такимъ же творцомъ, какъ и въ своихъ стихотвореніяхъ. Съ перваго раза можно было замѣтить, что эта повѣсть вышла не изъ желанія заинтересовать публику исключительно любимымъ ею родомъ литературы, не изъ слѣпого подражанія дѣлать то, что всѣ дѣлаютъ, но изъ того же источника, изъ котораго вышли его стихотворенія—изъ глубокой творческой натуры, чуждой всякихъ побужденій, кромѣ вдохновенія. Лирическая поэзія и повѣсть современной жизни соединились въ одномъ талантѣ. Такое соединеніе, повидимому, столь противоположныхъ родовъ поэзіи—не рѣдкость въ наше время. Шиллеръ и Гёте были лириками, романистами и драматургами, хотя лирическій элементъ всегда оставался въ нихъ господствующимъ и преобладающимъ. Самъ „Фаустъ“ есть лирическое произведеніе въ драматической формѣ. Поэзія нашего времени по преимуществу—романъ и драма; но лиризмъ все-таки остается общимъ элементомъ поэзіи, потому что онъ есть общій элементъ человѣческаго духа. Съ лиризма начи-

наетъ почти каждый поэтъ, такъ же, какъ съ него начинаетъ каждый народъ. Самъ Вальтеръ-Скоттъ перешелъ къ роману отъ лирическихъ поэмъ. Только литература сѣверо-американскихъ штатовъ началась романомъ Купера, и это явленіе такъ же странно, какъ и общество, въ которомъ оно произошло. Можетъ-быть, это оттого, что сѣверо-американская литература есть продолженіе англійской. Наша литература представляетъ тоже совершенно особенное явленіе: мы вдругъ переживаемъ всѣ моменты европейской жизни, которые на Западѣ развивались послѣдовательно. Только до Пушкина наша поэзія была по преимуществу лирическою. Пушкинъ недолго ограничивался лиризмомъ и скоро перешелъ къ поэмѣ, а отъ нея—къ драмѣ. Какъ полный представитель духа своего времени, онъ также покушался на романъ: въ „Современникѣ“ 1837 года помѣщено шесть главъ (съ началомъ седьмой) изъ неоконченнаго романа его подъ названіемъ: „Арапъ Петра Великаго“, изъ которыхъ четвертая глава была первоначально помѣщена въ „Сѣверныхъ Цвѣтахъ“ 1829 года. Повѣсти Пушкинъ началъ писать уже въ послѣдніе годы своей недоконченной жизни. Однакожъ очевидно, что настоящимъ его родомъ былъ лиризмъ, стихотворная повѣсть (поэма) и драма, ибо его прозаическіе опыты далеко не равны стихотворнымъ. Самая лучшая его повѣсть „Капитанская Дочка“, при всѣхъ ея огромныхъ достоинствахъ, не можетъ итти ни въ какое сравненіе съ его поэмами и драмами. Это не больше, какъ превосходное беллетрическое произведеніе съ поэтическими и даже художественными частностями. Другія его повѣсти, особенно „Повѣсти Бѣлкина“, принадлежатъ исключительно къ области беллетристики. Можетъ-быть, въ этомъ заключается причина того, что и романъ, такъ давно начатый, не былъ конченъ. Лермонтовъ и въ прозѣ является равнымъ себѣ, какъ и въ стихахъ, и мы увѣрены, что съ большимъ развитіемъ его художнической дѣятельности онъ непремѣнно дойдетъ до драмы. Наше предположеніе не произвольно: оно основывается сколько на полнотѣ драматическаго движенія, замѣтнаго въ повѣстяхъ

Лермонтова, столько же и на духѣ настоящаго времени, особенно благопріятнаго соединенію въ одномъ лицѣ всѣхъ формъ поэзіи. Послѣднее обстоятельство очень важно, ибо и у искусства всякаго народа есть свое историческое развитіе, вслѣдствіе котораго опредѣляется характеръ и родъ дѣятельности поэта. Можетъ-быть, и Пушкинъ былъ бы такимъ же великимъ романистомъ, какъ лирикомъ и драматургомъ, если бы явился позже и имѣлъ подобнаго себѣ предшественника.

„Бэла", заключая въ себѣ интересъ отдѣльной и оконченной повѣсти, въ то же время была только отрывкомъ изъ большого сочиненія, равно какъ и „Фаталистъ" и „Тамань", впослѣдствіи напечатанные въ „Отечественныхъ же Запискахъ". Теперь они являются вмѣстѣ съ другими, съ „Максимомъ Максимычемъ", „Предисловіемъ къ журналу Печорина" и „Княжной Мери", подъ однимъ общимъ заглавіемъ: „Героя нашего времени". Это общее названіе — не прихоть автора, равнымъ образомъ по названію не должно заключать, чтобы содержащіяся въ этихъ двухъ книжкахъ повѣсти были разсказами какого-нибудь лица, на котораго авторъ навязалъ роль разсказчика. Во всѣхъ повѣстяхъ одна мысль, и эта мысль выражена въ одномъ лицѣ, которое есть герой всѣхъ разсказовъ. Въ „Бэлѣ" онъ является какимъ-то таинственнымъ лицомъ. Героиня этой повѣсти вся передъ вами, но герой какъ будто бы показывается подъ вымышленнымъ именемъ, чтобы его не узнали. Изъ-за отношеній его къ Бэлѣ вы невольно догадываетесь о какой-то другой повѣсти, заманчивой, таинственной и мрачной. И вотъ авторъ тотчасъ показываетъ вамъ его при свиданіи съ Максимомъ Максимычемъ, который разсказалъ ему повѣсть о Бэлѣ. Но ваше любопытство не удовлетворено, а только еще болѣе раздражено, и повѣсть о Бэлѣ все еще остается для васъ загадочною. Наконецъ, въ рукахъ автора журналъ Печорина, въ предисловіи къ которому авторъ дѣлаетъ намекъ на идею романа, но намекъ, который только болѣе возбуждаетъ ваше нетерпѣніе познакомиться съ героями романа. Въ высшей степени поэтиче-

скомъ разсказѣ „Тамань“ герой романа является автобіографомъ, но загадка отъ этого становится только заманчивѣе, и отгадка еще не тутъ. Наконецъ, вы переходите къ „Княжнѣ Мери“, и туманъ разсѣивается, загадка разгадывается, основная идея романа, какъ горькое чувство, мгновенно овладѣвшее всѣмъ существомъ вашимъ, пристаетъ къ вамъ и преслѣдуетъ васъ. Вы читаете, наконецъ, „Фаталиста“ и, хотя въ этомъ разсказѣ Печоринъ является не героемъ, а только разсказчикомъ случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ, хотя въ немъ вы не находите ни одной новой черты, которая дополнила бы вамъ портретъ „Героя нашего времени“, но — странное дѣло!—вы еще болѣе понимаете его, болѣе думаете о немъ, и ваше чувство еще грустнѣе. Эта полнота впечатлѣнія, въ которомъ всѣ разнообразныя чувства, волновавшія васъ при чтеніи романа, сливаются въ единое общее чувство, въ которомъ всѣ лица, каждое столько интересное само по себѣ, такъ полно образованное, становятся вокругъ одного лица, составляютъ съ нимъ группу, которой средоточіе есть это одно лицо, — вмѣстѣ съ вами смотрятъ на него, кто съ любовью, кто съ ненавистью — какая причина этой полноты впечатлѣнія? Она заключается въ единствѣ мысли, которая выразилась въ романѣ, и отъ которой произошла эта гармоническая соотвѣтственность частей съ цѣлымъ, это строго соразмѣрное распредѣленіе ролей для всѣхъ лицъ, — наконецъ, эта оконченность, полнота и замкнутость цѣлаго.

Сущность всякаго художественнаго произведенія состоитъ въ органическомъ процессѣ его явленія изъ возможности бытія въ дѣйствительность бытія. Какъ невидимое зерно, западаетъ въ душу художника мысль, и изъ этой благодатной и плодородной почвы развертывается и развивается въ опредѣленную форму, въ образы, полные красоты и жизни, и, наконецъ, является совершенно особымъ, цѣльнымъ и замкнутымъ въ самомъ себѣ міромъ, въ которомъ всѣ части соразмѣрны цѣлому, и каждая, существуя сама по себѣ и сама собою, составляя замкнутый въ самомъ себѣ образъ, въ то же время существуетъ для цѣлаго, какъ его необхо-

димая часть, и способствуетъ впечатлѣнію цѣлаго. Такъ точно живой человѣкъ представляетъ собою также особенный и замкнутый въ самомъ себѣ міръ: его организмъ сложенъ изъ безчисленнаго множества органовъ, и каждый изъ этихъ органовъ, представляя собою удивительную цѣлость, оконченность и особность, есть живая часть живого организма, и всѣ органы образуютъ единый организмъ, единое недѣлимое существо—индивидуумъ. Какъ во всякомъ произведеніи природы, отъ ея низшей организаціи—минерала, до ея высшей организаціи человѣка, нѣтъ ничего ни недостаточнаго ни лишняго, но всякій органъ, всякая жилка, даже недоступная невооруженному глазу, необходима и находится на своемъ мѣстѣ: такъ и въ созданіяхъ искусства не должно быть ничего ни недоконченнаго, ни недостающаго, ни излишняго,— но всякая черта, всякій образъ и необходимъ и на своемъ мѣстѣ. Въ природѣ есть произведенія неполныя, уродливыя, вслѣдствіе несовершенства организаціи: если они, несмотря на то, живутъ—значитъ, что получившіе ненормальное образованіе органы не составляютъ важнѣйшихъ частей организма, или что ненормальность ихъ не важна для цѣлаго организма. Такъ и въ художественныхъ созданіяхъ могутъ быть недостатки, причина которыхъ заключается не въ совершенно правильномъ ходѣ процесса ихъ явленія, т.-е. въ большемъ или меньшемъ участіи личной воли и разсудка художника, или въ томъ, что онъ недостаточно выносилъ въ своей душѣ идею созданія, не далъ ей вполнѣ сформироваться въ опредѣленные и окончательные образы. И такія произведенія не лишаются чрезъ подобные недостатки своей художественной сущности и цѣнности. Но какъ въ произведеніяхъ природы слишкомъ неправильное развитіе органовъ производитъ уродовъ, которые, родясь, тотчасъ и умираютъ, такъ и въ сферѣ искусства есть произведенія, не переживающія минуты своего рожденія. Вотъ такія-то произведенія искусства могутъ быть и передѣлываемы, и приноравляемы къ случаю и къ обстоятельствамъ, и о такихъ-то произведеніяхъ говорится, что въ нихъ есть и красоты и недостатки. Но истинно-художествен-

ныя произведенія не имѣютъ ни красотъ ни недостатковъ: для кого доступна ихъ цѣлость, тому видится одна красота. Только близорукость эстетическаго чувства и вкуса, неспособная обнять цѣлое художественнаго произведенія и теряющаяся въ его частяхъ, можетъ въ немъ видѣть красоты и недостатки, приписывая ему собственную свою ограниченность.

Все, что ни есть въ дѣйствительности, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ явленіи. Всякая организація есть свидѣтельство присутствія духа: гдѣ организація, тамъ и жизнь, а гдѣ жизнь, тамъ и духъ. И потому, какъ всякое произведеніе природы, отъ минерала и былинки до человѣка, есть обособленіе общаго духа жизни въ частномъ жизни, такъ и всякое созданіе искусства есть обособленіе общей міровой идеи въ частный образъ, въ самомъ себѣ замкнутый. Организація есть сущность того процесса, чрезъ который является все живое и нерукотворное, слѣдовательно, и всѣ произведенія природы и искусства. И потому-то тѣ и другія такъ цѣлостны, такъ полны, окончены, - словомъ, замкнуты въ самихъ себѣ.

Но что же такое эта „замкнутость?“ спросятъ насъ, наконецъ. Отвѣчаемъ: это вещь столько же простая, сколько и мудрая,—и удовлетворительно отвѣтить на этотъ вопросъ столько же легко, сколько и трудно. Что такое духъ? Что такое истина? Что такое жизнь? Какъ часто предлагаются такіе вопросы, и какъ часто дѣлаются на нихъ отвѣты! Вся жизнь человѣческая есть не что иное, какъ подобные вопросы, стремящіеся къ разрѣшенію. И что же? — для многихъ ли рѣшена загадка и найдено слово? Отчего же такъ? Да оттого, что всѣ вопросы и предлагаются и рѣшаются словомъ, а слово есть или мысль или пустой звукъ: кто въ самой натурѣ своей, внутри самого себя, въ таинственномъ святилищѣ духа своего носитъ возможность рѣшенія такихъ вопросовъ, возможность, которая называется предощущеніемъ, предчувствіемъ, чувствомъ, внутреннимъ созерцаніемъ, внутреннимъ ясновидѣніемъ истины, врожденными идеями, и проч.,—для того слово есть мысль, и,

услышавъ его, онъ принимаетъ въ себя значеніе, заключенное въ этомъ словѣ. Причина такой понятливости заключается въ сродствѣ или, лучше сказать, въ тождествѣ познающаго съ познаваемымъ. Но и самое это тождество требуетъ большого развитія: иначе понятливость тупѣетъ, и вопросы остаются безотвѣтны. Но у кого нѣтъ этого тождества съ предметами его познанія, для того слово—пустой звукъ: ухо его слышитъ слово, но разумъ останется глухъ для него. Вотъ почему вопросы, о которыхъ мы говоримъ, столько же просты, сколько и мудрены, и отвѣчать на нихъ столько же легко, сколько и трудно. Однакожъ мы попытаемся здѣсь навести читателей на идею того, что мы называемъ, въ природѣ и искусствѣ, замкнутостью. Посмотрите на цвѣтущее растеніе: вы видите, что оно имѣетъ свою опредѣленную форму, которою отличается оно не только отъ существъ въ другихъ царствахъ природы, но даже и отъ растеній равнаго съ нимъ рода и вида: его листики расположены такъ симметрически, такъ пропорціонально, каждый изъ нихъ такъ тщательно, съ такою заботливостью, съ такимъ безконечнымъ совершенствомъ отдѣленъ и изукрашенъ до малѣйшихъ подробностей.. Какъ роскошно прекрасенъ его цвѣтокъ, сколько на немъ жилочекъ, оттѣнковъ: какая нѣжная и яркая пыль... И какое, наконецъ, упоительное благоуханіе!.. Но все ли тутъ? О, нѣтъ! Это только внѣшняя форма, выраженіе внутренняго: эти чудныя краски вышли изнутри растенія, этотъ обаятельный ароматъ есть его бальзамическое дыханіе.. Тамъ, внутри его ствола, цѣлый новый міръ: тамъ самодѣятельная лабораторія жизненности, тамъ, по тончайшимъ сосудцамъ дивно правильной отдѣлки, течетъ влага жизни, струится невидимый эфиръ духа... Гдѣ же начало и причина этого явленія? Въ немъ самомъ: оно было уже, когда еще не было растенія, когда было только зерно. Уже въ этомъ зернѣ заключался и корень, и стволъ, и красивые листочки, и пышный ароматическій цвѣтъ! Видите ли, въ этомъ цвѣткѣ все, что ему нужно: и жизнь, и источникъ жизни, и явленіе, и причина явленія, и растительность, и всѣ орудія, органы и сосуды

растительности: а между тѣмъ гдѣ вы усмотрите начало или конецъ всего этого? Вы видите, что это растеніе полно и совершенно само въ себѣ, не имѣетъ ничего недостающаго ему и ничего лишняго, что оно живо и индивидуально: но гдѣ же пружина его жизни, исходный пунктъ его индивидуальности? гдѣ? Они замкнуты въ немъ, и потому оно есть совершенно-цѣлое, оконченное—словомъ, замкнутое въ самомъ себѣ органическое существо. Но растеніе связано съ землею, въ которой первоначально развивается и изъ которой получаетъ питаніе, дающее ему матеріалы для развитія и поддержанія его бытія: посмотрите на животное: оно одарено способностью произвольнаго движенія, оно всегда носитъ себя съ самимъ собою: оно есть и растеніе, которое растетъ изъ почвы и на почвѣ, оно есть и почва, изъ которой и на которой растетъ. Смотря на него извнѣ, мы видимъ явленіе: вскрывъ его организмъ, мы видимъ источникъ явленія: тамъ кости связаны сухими жилками, сгибы членовъ смазаны пасокою, которая заготовляется въ особыхъ железахъ, мускулы проткнаны нервами.. Но и тутъ вы еще не все видите: возьмите микроскопъ, увеличивающій въ милліонъ разъ,—и васъ поразитъ благоговѣйнымъ изумленіемъ эта безконечность организаціи: вы увидите, что и тысячи вашихъ жизней недостаточно, чтобы только перечислить эти тончайшія нити, полныя первосущныхъ силъ природы,—и каждая ниточка, каждая фибра необходима для цѣлаго, и не можетъ быть ни исключена ни замѣнена безъ искаженія цѣлой формы: между малѣйшими органами нѣтъ и такого пустого пространства, гдѣ бы могъ улечься невидимый для простого глаза атомъ: все внутреннее такъ тѣсно и неразрывно слито внѣшнею формою, что одно замыкаетъ въ себѣ другое, а цѣлое есть замкнутое въ самомъ себѣ существо... Человѣкъ представляетъ въ этомъ отношеніи несравненно высшее и поразительнѣйшее зрѣлище: сообщенный и слитый со всею природою и тайною жизни природы,—онъ во всемъ, внѣ себя видитъ осуществившіеся законы собственнаго разума, и великое все нашло въ немъ свой органъ, отдѣлившись въ немъ отъ

самого себя, чтобы взглянуть на себя и сознать себя. Общее и безразличное стало въ немъ частнымъ и особнымъ, чтобы чрезъ эту частность и особность снова возвратиться къ своей общности, сознавъ ее. Законъ обособленія и замкнутости въ частномъ явленіи общаго есть основной законъ міровой жизни!.. И въ искусствѣ онъ открывается съ такимъ же полновластіемъ, какъ и въ природѣ: въ уразумѣніи тайны закона обособленія заключается разгадка тайны искусства. Творческая мысль, запавъ въ душу художника, организуется въ полное, цѣлостное, оконченное, особное и замкнутое въ себѣ художественное произведеніе. Обратите все ваше вниманіе на слово „организуется": только органическое развивается изъ самого себя, только развивающееся изъ самого себя является цѣлостнымъ и особнымъ, съ частями пропорціонально и живо сочлененными и подчиненными одному общему. Вотъ почему, напр., романъ Вальтеръ-Скотта, наполненный такимъ множествомъ дѣйствующихъ лицъ, нисколько не похожихъ одно на другое, представляющій такое сцѣпленіе разнообразныхъ происшествій, столкновеній и случаевъ, поражаетъ васъ однимъ общимъ впечатлѣніемъ, даетъ вамъ созерцаніе чего-то единаго — вмѣсто того, чтобы спутать и сбить васъ этимъ калейдоскопическимъ множествомъ характеровъ и событій. По той же причинѣ и каждое лицо въ романѣ существуетъ для васъ само по себѣ; вы видите его передъ собою во весь ростъ, во всей его характеристической особности, и никогда уже не забудете его, а если и забудете, то, перечитывая романъ вновь, хотя бы черезъ двадцать лѣтъ, тотчасъ увидите, что это лицо вамъ знакомо, что вы гдѣ-то уже видѣли его. Но цѣлое романа—его колоритъ, его индивидуальная особенность, его „нѣчто", для выраженія котораго нѣтъ слова, — еще памятнѣе вамъ, нежели каждое слово въ особенности: уже и лица всѣхъ романовъ и содержаніе ихъ изгладилось изъ вашей памяти, но съ словами: „Ламермурская Невѣста", „Иваигое", „Шотландскіе Пуритяне" и пр., никогда не перестанутъ для васъ соединяться совершенно различныя понятія... Какъ какое-то не-

ясное видѣніе, какъ аккордъ, внезапно въ вышинѣ раздавшійся, какъ благоуханіе, мимо васъ мгновенно пронесшееся, будетъ вамъ, какъ въ туманѣ, представляться индивидуальная общность каждаго романа...

Все сказанное нами очень не трудно приложить къ роману Лермонтова. Для этого мы должны прослѣдить въ его содержаніи, уже хорошо извѣстномъ читателямъ, развитіе основной мысли. Романъ начинается описаніемъ переѣзда автора изъ Тифлиса черезъ Кайшаурскую долину. Не утомляя скучными подробностями, знакомитъ онъ насъ съ мѣстностью. Очерки его столько же кратки, сколько и рѣзки, а главное—они набросаны какъ будто бы мимоходомъ. Въ то время, какъ его тележку тащили въ гору шесть быковъ и нѣсколько осетинъ, онъ замѣтилъ, что за его телѣжкою двигалась другая, которую тащили четыре быка, а за нею шелъ ея хозяинъ, куря изъ маленькой трубочки. Это былъ офицеръ, лѣтъ пятидесяти, съ смуглымъ лицомъ и преждевременно посѣдѣвшими усами, которые не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Авторъ подошелъ къ нему и поклонился: тотъ молча отвѣтилъ на его поклонъ, пустивъ огромный клубъ дыма.

„— Мы съ вами попутчики, кажется?

Онъ молча опять поклонился.

— Вы, вѣрно, ѣдете въ Ставрополь?

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

— Скажите, пожалуйста, отчего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащать шутя, а мою пустую шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощью этихъ осетинъ?

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня.

— Вы, вѣрно, недавно на Кавказѣ?

— Съ годъ,—отвѣтилъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

— А что жъ?

— Да такъ-съ! ужасные бестіи эти азіяты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ знаетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста.. Ужасные плуты! А что жъ съ нихъ возьмешь?.. Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ“.

Такимъ образомъ, завязалось у автора знакомство съ однимъ изъ интереснѣйшихъ лицъ его романа—съ Максимомъ Максимычемъ, съ этимъ типомъ стараго кавказскаго служаки, закаленнаго въ опасностяхъ, трудахъ и битвахъ, котораго лицо такъ же загорѣло и сурово, какъ манеры простоваты и грубы, но у котораго чудесная душа, золотое сердце. Это типъ чисто русскій, который художественнымъ достоинствомъ созданія напоминаетъ оригинальнѣйшіе изъ характеровъ въ романахъ Вальтеръ-Скотта и Купера, но который, по своей новости, самобытности и чисто русскому духу, не походитъ ни на одинъ изъ нихъ. Искусство поэта должно состоять въ томъ, чтобы развить на дѣлѣ задачу, какъ данный природою характеръ долженъ образоваться при обстоятельствахъ, въ которыя поставитъ его судьба. Максимъ Максимычъ получилъ отъ природы человѣческую душу, человѣческое сердце, но эта душа и это сердце отлились въ особую форму, которая такъ и говоритъ намъ о многихъ годахъ тяжелой и трудной службы, о кровавыхъ битвахъ, о затворнической и однообразной жизни въ недоступныхъ горныхъ крѣпостяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ человѣческихъ лицъ, кромѣ подчиненныхъ солдатъ да заходящихъ для мѣны черкесовъ. И все это высказывается въ немъ не въ грубыхъ поговоркахъ, въ родѣ „чортъ возьми", и не въ военныхъ восклицаніяхъ, въ родѣ „тысяча бомбъ", безпрестанно повторяемыхъ, не въ попойкахъ и не въ куреніи табака,—а во взглядѣ на вещи, пріобрѣтенномъ навыкомъ и родомъ жизни, и въ этой манерѣ поступковъ и выраженія, которыя должны быть необходимымъ результатомъ взгляда на вещи и привычки. Умственный кругозоръ Максима Максимыча очень ограниченъ; но причина этой ограниченности не въ его натурѣ, а въ его развитіи. Для него „жить" значитъ „служить", и служить на Кавказѣ; „азіяты"—его природные враги; онъ знаетъ по опыту, что всѣ они большіе плуты, и что самая ихъ храбрость есть отчаянная удаль разбойничья, подстрекаемая надеждою грабежа; онъ не дается имъ въ обманъ, и ему смертельно досадно, если они обманутъ новичка и еще выманятъ у

него на водку. И это совсѣмъ не потому, чтобы онъ былъ скупъ,—о нѣтъ! онъ только бѣденъ, а не скупъ, и сверхъ того, кажется, и не подозрѣваетъ цѣны деньгамъ, но онъ не можетъ видѣть равнодушно, какъ плуты „азіяты" обманываютъ честныхъ людей. Вотъ чуть ли не все, что онъ видитъ въ жизни, или, по крайней мѣрѣ, о чемъ чаще всего говоритъ. Но не спѣшите вашимъ заключеніемъ о его характерѣ: познакомьтесь съ нимъ получше,—и вы увидите, какое теплое, благородное, даже нѣжное сердце бьется въ желѣзной груди этого, повидимому, очерствѣвшаго человѣка: вы увидите, какъ онъ, какимъ-то инстинктомъ, понимаетъ все человѣческое и принимаетъ въ немъ горячее участіе; какъ, вопреки собственному сознанію, душа его жаждетъ любви и сочувствія,—и вы отъ души полюбите простого, добраго, грубаго въ своихъ манерахъ, лаконическаго въ словахъ Максима Максимыча.

Опытный штабсъ-капитанъ не ошибся: осетинцы обступили неопытнаго офицера и громко требовали на водку. Но Максимъ Максимычъ грозно прикрикнулъ на нихъ и заставилъ разбѣжаться. „Вѣдь, этакой народъ", сказалъ онъ: „и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: „офицеръ, дай на водку!"... Ужъ татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе..."

Вотъ, наконецъ, путешественники наши добрались до станціи, и вошли въ саклю, переднее отдѣленіе которой было наполнено коровами и овцами, а другое — людьми, сидѣвшими возлѣ огня, разложеннаго на землѣ. По полу разстилался дымъ, обратно втягиваемый вѣтромъ изъ отверстія въ потолкѣ. Наши путники закурили трубки, внимая привѣтливому шипѣнію чайника.

„— Жалкіе люди! — сказалъ я штабсъ капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи. —Преглупый народъ! — отвѣчалъ онъ. — Повѣрите ли, ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужь, по крайней мѣрѣ, наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго ни на комъ не увидишь. *Ужъ подлинно осетины!*

— А вы долго были въ Чечнѣ?

— Да, я лѣтъ десятокъ стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода, знаете?

— Слыхалъ.

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы; нынче, слава Богу, смирнѣе, а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валы ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. *А молодцы!..*

— А, чай, много съ вами бывало приключеній?—сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало...

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался".

И вотъ Максимъ Максимычъ весь передъ вами, со своимъ взглядомъ на вещи, съ своимъ оригинальнымъ способомъ выраженія! Вы еще такъ мало видѣли его, такъ мало познакомились съ нимъ, а уже передъ вами не призракъ, волею или неволею принужденный авторомъ служить связью или вертѣть колесо его разсказа, а типическое лицо, оригинальный характеръ, живой человѣкъ! Такъ осуществляютъ свои идеалы истинные художники, двѣ, три черты — и передъ вами, какъ живая, словно на-яву, стоитъ такая характеристическая фигура, которой вы уже никогда не забудете... „Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался": какъ много сказано въ этихъ немногихъ простыхъ словахъ, какую рѣзкую черту проводятъ они по физіономіи Максима Максимыча, какъ много обѣщаютъ, какъ сильно размашиваютъ любопытство читателя!.. Принявъ поданный ему стаканъ чая, Максимъ Максимычъ отхлебнулъ и сказалъ какъ будто про себя: „да, бываетъ!" Но мы еще должны нѣсколько поговорить словами самого автора:

„— Не хотите ли подбавить рома?—сказалъ я моему собесѣднику,—у меня есть бѣлый изъ Тифлиса: теперь холодно.

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

— Что такъ?

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятіе. Когда былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фронтомъ на веселѣ, да

ужъ и досталось намъ, когда Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи какъ онъ разсердился! Чуть-чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

Да вотъ хоть черкесы,— продолжалъ онъ, какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ насилу ноги унесъ, а еще у мирнова князя былъ въ гостяхъ.

— Какъ же это случилось"?

Вотъ начало поэтической исторіи „Бэлы". Максимъ Максимычъ разсказывалъ ее по-своему, своимъ языкомъ: но отъ этого она не только ничего не потеряла, но безконечно много выиграла. Добрый Максимъ Максимычъ, самъ того не зная, сдѣлался поэтомъ, такъ что въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ выраженіи заключается безконечный міръ поэзіи. Не знаемъ, чему здѣсь болѣе удивляться: тому ли, что поэтъ, заставивъ Максима Максимыча быть только свидѣтелемъ разсказываемаго имъ событія, такъ тѣсно слилъ его личность съ этимъ событіемъ, какъ будто бы самъ Максимъ Максимычъ былъ его героемъ; или тому, что онъ сумѣлъ такъ поэтически, такъ глубоко взглянуть на событіе глазами Максима Максимыча и разсказать это событіе языкомъ простымъ, грубымъ, но всегда живописнымъ, всегда трогательнымъ и потрясающимъ даже въ самомъ комизмѣ своемъ?..

Когда Максимъ Максимычъ стоялъ въ крѣпости за Терекомъ, къ нему вдругъ явился офицеръ, прикомандированный къ его крѣпости.

„— Его звали... Григорьемъ Александровичемъ Печоринымъ; славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ: вѣтеръ пахнетъ, — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ, онъ вздрагиваетъ и поблѣднѣетъ; а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, зато ужъ иногда, какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха. Да-съ, съ большими странностями, и, должно быть, богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!..

А долго ли онъ съ вами жилъ? — спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну, да ужъ зато памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ много хлопотъ; не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь, есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи.

— Необыкновенныя! -воскликнулъ я, съ видомъ любопытства, подливая ему чая.

— А вотъ я вамъ разскажу".

Недалеко отъ крѣпости жилъ мирной князь, сынъ котораго, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, повадился ѣздить въ крѣпость. Печоринъ и Максимъ Максимычъ любили и баловали его. Это былъ прототипъ черкеса, безъ преувеличенія и безъ искаженія. Головорѣзъ, *проворный на все*, по словамъ Максима Максимыча: онъ поднималъ шапку на всемъ скаку, мастерски стрѣлялъ изъ ружья и былъ ужасно падокъ на деньги. Если его дразнили, глаза его наливались кровью, а рука хваталась за кинжалъ. „Эй, Азаматъ,— говорилъ ему Максимъ Максимычъ,—не сносить тебѣ головы: яманъ будетъ твоя башка!" Однажды старый князь пріѣхалъ въ крѣпость и позвалъ Максима Максимыча и Печорина на свадьбу своей дочери. Когда они пріѣхали въ аулъ, прятавшіяся отъ нихъ женщины не показались красавицами Печорину. „Погодите, сказалъ я, усмѣхаясь (говорилъ Максимъ Максимычъ) У меня было свое на умѣ".

Изъ этого мѣста разсказа Максима Максимыча можно получить самое вѣрное понятіе о правахъ и обыкновеніяхъ дикихъ черкесовъ, хотя для ихъ описанія онъ и не дѣлаетъ отступленій. Какъ къ почетному гостю, къ Печорину подошла меньшая дочь хозяина, прекрасная дѣвушка лѣтъ шестнадцати, и пропѣла ему...

„— Какъ бы сказать?... въ родѣ комплимента.

— А что жъ такое она пропѣла, не помните ли?

— Да, кажется, вотъ такъ: стройны, *дескать*, наши молодые джигиты, и кафтаны на нихъ серебромъ выложены, а молодой русскій офицеръ стройнѣе ихъ, и галуны на немъ золотые. Онъ какъ тополь между ними; только не расти, не цвѣсти ему въ нашемъ саду".

Печоринъ всталъ, приложилъ руку ко лбу и сердцу, а Максимъ Максимычъ перевелъ ей его отвѣтъ, ибо онъ хо-

рошо знал по ихнему. „Какова!" шепнул он Печорину.—„Прелесть! А как ее зовут?"—„Бэлою".

„И точно (говорил Максим Максимыч), она была хороша: высокая, тоненькая, глаза черные, как у горной серны, так и заглядывали вам в душу". Печорин в задумчивости не сводил с нея глаз, но не один он смотрѣл на нее. В числѣ гостей был черкес Казбич. Он был и мирным и немирным, смотря по обстоятельствам; подозрѣний было на него множество, хоть он не был замѣчен ни в какой шалости. Но мы почитаем необходимым вполнѣ обрисовать это лицо, и именно словами Максима Максимыча. „Говорили про него, что он любит таскаться за Кубань с абреками, и, правду сказать, рожа у него была самая разбойничья: маленькій, сухой, широкоплечій... А уж ловок-то, ловок-то был, как бѣс! Бешмет всегда изорванный, в заплатках, а оружіе в серебрѣ. А лошадь его славилась в цѣлой Кабардѣ,—и точно, лучше этой лошади ничего выдумать невозможно. Недаром ему завидовали всѣ наѣздники, и не раз пытались ее украсть, только не удавалось. Как теперь гляжу на эту лошадь: вороная, как смоль, ноги—струнки, глаза не хуже, чѣм у Бэлы, а какая сила! скачи хоть на 50 верст: а уж выѣзжена —как собака бѣгает за хозяином; голос даже его знала! Бывало, он ее никогда и не привязывает. Уж такая разбойническая лошадь"!...

В этот вечер Казбич был угрюмѣе обыкновеннаго, и Максим Максимыч, замѣтив, что у него под бешметом надѣта кольчуга, тотчас подумал, что это не даром. Так как в саклѣ стало душно, он вышел освѣжиться, и вздумал кстати провѣдать лошадей. Тут за забором он подслушал разговор: Азамат похваливал лошадь Казбича, на которую давно зарился: а Казбич, подстрекнутый этим, разсказывал о ея достоинствах и услугах, которыя она ему оказала, не раз спасая его от вѣрной смерти. Это мѣсто повѣсти вполнѣ знакомит читателя с черкесами, как с племенем, и в нем мо-

гучею художническою кистью обрисованы характеры Азамата и Казбича, этихъ двухъ рѣзкихъ типовъ черкесской народности. „Если бъ у меня былъ табунъ въ тысячу кобылъ, то отдалъ бы весь за твоего Карагёза",—сказалъ Азаматъ". „*Йокъ*, не хочу",—равнодушно отвѣчалъ Казбичъ. Азаматъ льститъ ему, обѣщаетъ украсть у отца лучшую винтовку или шашку, которая, только приложи руку къ лезвію, сама впивается въ тѣло, кольчугу... Въ его словахъ такъ и дышитъ знойная, мучительная страсть дикаря и разбойника по рожденію, для котораго нѣтъ ничего въ мірѣ дороже оружія или лошади, и для котораго желаніе — медленная пытка на маломъ огнѣ, а для удовлетворенія жизнь собственная, жизнь отца, матери, брата — ничто. Онъ говорилъ, что съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ увидѣлъ Карагёза, когда онъ кружился и прыгалъ подъ Казбичемъ, раздувая ноздри, и кремни брызгами летѣли изъ-подъ копытъ его, что съ тѣхъ поръ въ его душѣ сдѣлалось что-то непонятное, все ему опостылѣло... Можно подумать, что онъ разсказывалъ о любви или ревности,—чувствахъ, которыхъ дѣйствіе часто бываетъ такъ страшно и въ людяхъ образованныхъ, а тѣмъ страшнѣе въ дикаряхъ. „На лучшихъ скакуновъ моего отца смотрѣлъ я съ презрѣніемъ (говорилъ Азаматъ), стыдно было мнѣ на нихъ показаться, и тоска овладѣла мной; и тоскуя, просиживалъ я на утесѣ цѣлые дни, и ежеминутно мыслямъ моимъ является вороной скакунъ твой съ своей стройной поступью, съ своимъ гладкимъ, прямымъ какъ стрѣла хребтомъ: онъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза своими бойкими глазами, какъ-будто хотѣлъ слово вымолвить. Я умру, Казбичъ, если ты мнѣ не продашь его!" Проговоривъ это дрожащимъ голосомъ, онъ заплакалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, показалось Максиму Максимычу, который зналъ Азамата, какъ преупрямаго мальчишку, у котораго ничѣмъ нельзя было вышибить слезъ, когда онъ былъ и моложе. Но въ отвѣтъ на слезы Азамата послышалось что-то въ родѣ смѣха „Послушай!—сказалъ твердымъ голосомъ Азаматъ,—видишь,—я на все рѣшаюсь. Хочешь, я украду для тебя мою сестру? Какъ

она пляшетъ! какъ поетъ, а вышиваетъ золотомъ — чудо! не бывало такой жены и у турецкаго падишаха... Неужели не стоитъ Бэла твоего скакуна?..“

Казбичъ долго молчалъ и, наконецъ, вмѣсто отвѣта, затянулъ вполголоса старинную пѣсню, въ которой коротко и ясно выражена вся философія черкеса:

„Много красавицъ въ аулахъ у насъ,
Звѣзды сіяютъ во мракѣ ихъ глазъ,
Сладко любить ихъ, завидная доля;
Но веселѣй молодецкая воля.
Золото купитъ четыре жены,
Конь же лихой не имѣетъ цѣны:
Онъ и отъ вихря въ степи не отстанетъ,
Онъ не измѣнитъ, онъ не обманетъ“.

Напрасно Азаматъ упрашивалъ, плакалъ, льстилъ ему. „Поди прочь, безумный мальчишка! Гдѣ тебѣ ѣздить на моемъ конѣ! На первыхъ трехъ шагахъ онъ тебя сброситъ, и ты разобьешь себѣ затылокъ о камни!“. „Меня!“ крикнулъ Азаматъ въ бѣшенствѣ, и желѣзо дѣтскаго кинжала зазвенѣло о кольчугу. Казбичъ оттолкнулъ его такъ, что онъ упалъ и ударился головою о плетень. „Будетъ потѣха!“ подумалъ Максимъ Максимычъ, взнуздалъ коней и вывелъ ихъ на задній дворъ. Между тѣмъ Азаматъ вбѣжалъ въ саклю въ разорванномъ бешметѣ, говоря, что Казбичъ хотѣлъ его зарѣзать. Поднялся гвалтъ, раздались выстрѣлы, но Казбичъ уже вертѣлся на своемъ конѣ среди улицы, и ускользнулъ.

„— Никогда себѣ не прощу одного: чортъ меня дернулъ, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ: онъ посмѣялся — такой хитрый! а самъ задумалъ кое-что.

— А что такое? разскажите, пожалуйста.

— Ну, ужъ нечего дѣлать, началъ разсказывать, такъ надо продолжать“.

Дня черезъ четыре пріѣхалъ въ крѣпость Азаматъ. Печоринъ началъ ему расхваливать лошадь Казбича. У татарченка засверкали глаза, а Печоринъ будто не замѣчаетъ: Максимъ Максимычъ заговоритъ о другомъ, а Печоринъ сведетъ разговоръ на лошадь. Это продолжалось

недѣли три: Азаматъ, видимо, блѣднѣлъ и чахнулъ. Короче: Печоринъ предложилъ ему чужого коня за его родную сестру; Азаматъ задумался: не жалость къ сестрѣ, а мысль о мнѣніи отца потревожила его, но Печоринъ кольнулъ его самолюбіе, назвавъ ребенкомъ (названіе, которымъ всѣ дѣти очень оскорбляются!), а Карагёзъ такая чудная лошадь!.. И вотъ однажды Казбичъ пріѣхалъ въ крѣпость и спрашиваетъ, не надо ли барановъ и меда: Максимъ Максимычъ велѣлъ привезти на другой день. „Азаматъ!"— сказалъ Печоринъ,—завтра Карагёзъ въ моихъ рукахъ: если нынче ночью Бэла не будетъ здѣсь, не видать тебѣ коня". „Хорошо!" сказалъ Азаматъ, поскакалъ въ аулъ, и въ тотъ же вечеръ Печоринъ возвратился въ крѣпость вмѣстѣ съ Азаматомъ, у котораго, поперекъ сѣдла (какъ видѣлъ часовой), лежала женщина со связанными ногами и руками, съ головою, опутанною чадрой. На другой день Казбичъ явился въ крѣпости со своимъ товаромъ: Максимъ Максимычъ попотчивалъ его чаемъ, потому что (говорилъ онъ), хотя разбойникъ онъ, „а все-таки былъ моимъ кунакомъ", Вдругъ Казбичъ посмотрѣлъ въ окно, вздрогнулъ, поблѣднѣлъ, и съ крикомъ: „моя лошадь! лошадь!" выбѣжалъ вонъ, перескочивъ черезъ ружье, которымъ часовой хотѣлъ загородить ему дорогу. Вдали скакалъ Азаматъ: Казбичъ выхватилъ изъ чехла ружье, выстрѣлилъ и, увѣрившись, что далъ промахъ, завизжалъ, вдребезги разбилъ ружье о камень, повалился на землю и зарыдалъ какъ ребенокъ. Такъ пролежалъ онъ до поздней ночи и цѣлую ночь, не дотрогиваясь до денегъ, которыя велѣлъ положить подлѣ него Максимъ Максимычъ за барановъ. На другой день, узнавши отъ часового, что похититель былъ Азаматъ, онъ засверкалъ глазами и отправился отыскивать его. Отца Бэлы въ это время не было дома, а возвратившись, онъ не нашелъ ни дочери ни сына...

Какъ только Максимъ Максимычъ узналъ, что черкешенка у Печорина, онъ надѣлъ эполеты, шпагу и пошелъ къ нему.

„— Г. прапорщикъ, вы сдѣлали проступокъ, за который и я могу отвѣчать...

— И, полноте! что жъ за бѣда? Вѣдь, у насъ давно все пополамъ.

— Что за шутки! пожалуйте вашу шпагу!

— Митька, шпагу!

Митька принесъ шпагу. Исполнивъ долгъ свой, сѣлъ я къ нему на кровать и сказалъ: Послушай, Григорій Александровичъ; признайся, что не хорошо?

— Что не хорошо?

— Да то, что ты увезъ Бэлу... Ужъ эта мнѣ бестія Азаматъ!.. Ну, признайся,—сказалъ я ему.

— Да когда она мнѣ нравится?

Ну, что прикажете отвѣчать на это? Я сталъ втупикъ. Однакожъ, послѣ нѣкотораго молчанія, я ему сказалъ, что если отецъ станетъ требовать, надо будетъ ее отдать.

— Вовсе не надо.

— Да онъ узнаетъ, что она здѣсь.

— А какъ онъ узнаетъ?

Я опять сталъ втупикъ.

— Послушайте, Максимъ Максимычъ,—сказалъ Печоринъ, приподнявшись, -вѣдь, вы добрый человѣкъ, а если отдадимъ дочь этому дикарю, онъ ее зарѣжетъ или продастъ. Дѣло сдѣлано, не надо только охотою портить; оставьте ее у меня, а у себя мою шпагу...

— Да покажите мнѣ ее, — сказалъ я.

— Она за этою дверью; только я самъ нынче напрасно хотѣлъ ее видѣть; сидитъ въ углу, закутавшись въ покрывало, не говоритъ и не смотритъ: пуглива, какъ дикая серна. Я нанялъ нашу духанщицу, она знаетъ по-татарски, будетъ ходить за нею и пріучитъ ее къ мысли, что она моя, потому что она никому не будетъ принадлежать, кромѣ меня, — прибавилъ онъ, ударивъ кулакомъ по столу. Я и въ этомъ согласился... Что же прикажете дѣлать! Есть люди, съ которыми непремѣнно должно согласиться“.

Нѣтъ ничего тяжелѣе и непріятнѣе, какъ излагать содержаніе художественнаго произведенія. Цѣль этого изложенія не состоитъ въ томъ, чтобы показать лучшія мѣста: какъ бы ни было хорошо мѣсто сочиненія, оно хорошо по отношенію къ цѣлому, слѣдовательно, изложеніе содержанія должно имѣть цѣлью —прослѣдить идею цѣлаго созданія, чтобы показать, какъ вѣрно она осуществлена поэтомъ. А какъ это сдѣлать? цѣлаго сочиненія переписать нельзя; но каково же выбирать мѣста изъ превосходнаго цѣлаго, пропускать иныя, чтобы выписки не перешли должныхъ гра-

нишъ? И потомъ, каково связывать выписанныя мѣста своимъ прозаическимъ разсказомъ, оставляя въ книгѣ тѣни и краски, жизнь и душу, держась одного мертваго скелета? Теперь мы особенно чувствуемъ всю тяжесть и неудобоисполнимость взятой нами на себя обязанности Мы и до сего мѣста терялись во множествѣ прекрасныхъ частностей, а теперь, когда начинается важнѣйшая часть повѣсти, теперь намъ такъ и хотѣлось бы выписать отъ слова до слова весь разсказъ автора, въ которомъ каждое слово такъ безконечно-значительно, такъ глубоко-знаменательно, дышитъ такою поэтическою жизнью, блеститъ такимъ роскошнымъ богатствомъ красокъ: а между тѣмъ мы попрежнему принуждены пересказывать по-своему, сколько возможно держась выраженій подлинника и выписывая мѣста

Холодно смотрѣла Бэла на подарки, которые каждый день приносилъ ей Печоринъ, и гордо отталкивала ихъ. Долго безуспѣшно ухаживалъ онъ за нею. Между тѣмъ онъ учился по-татарски, а она начинала понимать по-русски. Она стала изрѣдка и посматривать на него, но все исподлобья, искоса, и все грустила, напѣвала свои пѣсни вполголоса, „такъ что (говорилъ Максимъ Максимычъ), бывало, и мнѣ становилось грустно, когда слушалъ ее изъ сосѣдней комнаты“. Уговаривая ее полюбить себя, Печоринъ спросилъ ее, не любитъ ли она какого-нибудь чеченца, и прибавилъ, что въ такомъ случаѣ онъ сейчасъ отпуститъ ее домой. Она вздрогнула едва примѣтно и покачала головой.. „Или я тебѣ совершенно ненавистенъ?“ Она вздохнула. „Или твоя вѣра запрещаетъ полюбить меня?“ она поблѣднѣла и молчала. Потомъ онъ ей сказалъ, что Аллахъ одинъ для всѣхъ племенъ, и что если онъ ему позволилъ полюбить ее, то почему же запретитъ ей полюбить его. Этотъ доводъ, казалось, поразилъ ее, и въ ея глазахъ выразилось желаніе убѣдиться. „Если ты будешь грустить, говорилъ онъ ей, я умру. Скажи, ты будешь веселый?“ Она призадумалась, не спуская съ него черныхъ глазъ своихъ, потомъ улыбнулась и кивнула головой въ знакъ согласія. Онъ взялъ ея руку и сталъ ее уговаривать, чтобы она его

поцѣловала: она слабо защищалась и только повторяла: „*поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!*“ Какая граціозная и въ то же время какая вѣрная натурѣ черта характера! Природа нигдѣ не противорѣчитъ себѣ, и глубокость чувства, достоинство и граціозность непосредственности такъ же иногда поражаютъ и въ дикой черкешенкѣ, какъ и въ образованной женщинѣ высшаго тона. Есть манеры столь граціозныя, есть слова столь благоухающія, что одного или одной изъ нихъ достаточно, чтобы обрисовать всего человѣка, высказать наружу все, что кроется внутри его. Не правда ли: слыша это милое, простодушное „поджалуста, поджалуста, не нада, не нада!“ вы видите передъ собою эту очаровательную черноокую Бэлу, полудикую дочь вольныхъ ущелій, и васъ такъ обаятельно поражаетъ въ ней эта гармонія, эта особенность женственности, которая составляетъ всю прелесть, все очарованіе женщины?.. Онъ сталъ настаивать, она задрожала и заплакала. „Я твоя плѣнница, твоя раба,—говорила она,—конечно, ты можешь меня принудить“ —и опять слезы. „„Дьяволъ, а не женщина!—сказалъ онъ Максиму Максимычу;—только я даю вамъ честное слово, что она будетъ моя“...

Однажды онъ вошелъ къ ней, одѣтый по-черкесски и вооруженный, и сказалъ ей, что онъ виноватъ передъ нею, что онъ оставляетъ ее хозяйкой всего, что имѣетъ, даетъ ей волю, и самъ идетъ, куда глаза глядятъ, можетъ-быть, подъ пулю...

„Онъ отвернулся и протянулъ ей руку на прощанье. Она не взяла руки, молчала. Только, стоя за дверью, я могъ въ щель разсмотрѣть ея лицо; и мнѣ стало жаль, такая смертельная блѣдность покрыла это милое личико! Не слыша отвѣта, Печоринъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ двери, онъ дрожалъ, и сказать ли вамъ? я думаю, онъ въ состояніи былъ исполнить въ самомъ дѣлѣ то, о чемъ говорилъ шутя. Таковъ ужъ былъ человѣкъ, Богъ его знаетъ! Только онъ едва коснулся двери, какъ она вскочила, зарыдала и бросилась ему на шею. Повѣрите ли? я, стоя за дверью, также заплакалъ, то-есть, знаете, не то, чтобы заплакалъ, а такъ, глупость!..

Штабсъ-капитанъ замолчалъ.

— Да, признаюсь, сказалъ онъ потомъ, теребя усы, мнѣ стало досадно, что никогда ни одна женщина меня такъ не любила“.

Скоро узналъ счастливый Печоринъ, что Бэла полюбила его съ перваго взгляда. Да, это была одна изъ тѣхъ глубокихъ женскихъ натуръ, которыя полюбятъ мужчину тотчасъ, какъ увидятъ его, но признаются ему въ любви не тотчасъ, отдадутся не скоро, а отдавшись, уже не могутъ больше принадлежать ни другому ни самимъ себѣ. Поэтъ не говоритъ объ этомъ ни слова, но потому-то онъ и поэтъ, что, не говоря много, даетъ знать все... Они были счастливы, но не завидуйте имъ, читатель: кто смѣетъ надѣяться на прочное счастье въ жизни?.. Минута ваша, ловите же ее, не надѣясь на будущее... Не долго продолжалось и твое блаженство, бѣдная, милая Бэла!..

Вскорѣ Печоринъ и Максимъ Максимычъ узнали, что отецъ Бэлы былъ убитъ Казбичемъ, подозрѣвавшимъ его въ участіи въ похищеніи Карагёза. Отъ Бэлы долго скрывали это, пока она не привыкла къ своему положенію; когда же ей сказали, она два дня плакала, а потомъ забыла. Четыре мѣсяца все шло хорошо. Печоринъ такъ любилъ Бэлу, что забылъ для нея охоту и не выходилъ за крѣпостной валъ. Но вдругъ сталъ онъ задумываться, ходить по комнатѣ, заложивъ руки на спину. Однажды, никому не сказавшись, отправился на охоту и пропадалъ цѣлое утро, потомъ опять, и все чаще и чаще. „Нехорошо (подумалъ Максимъ Максимычъ): вѣрно, между ними пробѣжала черная кошка“! Въ одно утро онъ зашелъ къ нимъ и увидѣлъ Бэлу такою блѣдненькою, такою печальною, что испугался. Онъ сталъ ее утѣшать. Сообщая ему свои страхи и опасенія, она сказала ему:

„— А нынче мнѣ уже кажется, что онъ меня не любитъ.

— Право, милая, ты хуже ничего не могла придумать! Она заплакала, потомъ съ гордостью подняла голову, отерла слезы и продолжала:

— Если онъ меня не любитъ, то кто ему мѣшаетъ отослать меня домой? Я его не принуждаю. А если это такъ будетъ продолжаться, то я сама уйду: я не раба его, а княжеская дочь“!..

Утѣшая ее, Максимъ Максимычъ замѣтилъ ей, что если она будетъ грустить, то скорѣе наскучитъ Печорину

„— Правда, правда,—отвѣчала она:—я буду весела! И съ хо-

хотомъ схватила свой бубенъ, начала пѣть, плясать и прыгать около меня; только и это не было продолжительно, она упала на постель и закрыла лицо руками.

— Что было мнѣ съ нею дѣлать? Я, знаете, никогда съ женщинами не обращался: думалъ, думалъ, чѣмъ ее утѣшить, и ничего не придумалъ; нѣсколько времени мы оба молчали... Пренепріятное положеніе-съ".

Вышедши съ нею прогуляться за крѣпость, Максимъ Максимычъ увидѣлъ черкеса, который вдругъ выѣхалъ изъ лѣса и, саженяхъ во ста отъ нихъ, началъ какъ бѣшеный кружиться: Бэла узнала въ немъ Казбича.

Наконецъ, Максимъ Максимычъ объяснился съ Печоринымъ насчетъ его охлажденія къ Бэлѣ, и Печоринъ сознался въ этомъ. Итакъ, Печоринъ охладѣлъ къ бѣдной Бэлѣ, которая любила его еще больше. Онъ не знаетъ самъ причины своего охлажденія, хотя и силится найти ее. Да, нѣтъ ничего труднѣе, какъ разбирать языкъ собственныхъ чувствъ, какъ знать самого себя! И объясненія автора для насъ такъ же неудовлетворительны, какъ и для Максима Максимыча, которому онъ ихъ сообщилъ. Можетъ-быть, и тутъ та же причина, и въ отношеніи къ автору и въ отношеніи къ намъ: нѣтъ ничего труднѣе, какъ знать и понимать самихъ себя!.. Но тѣмъ не менѣе мы предложимъ и наше рѣшеніе, или, лучше сказать, и наше гаданіе объ этомъ столько же общемъ, сколько и грустномъ феноменѣ человѣческаго сердца, который особенно частъ и поразителенъ въ современномъ обществѣ. Въ числѣ причинъ скораго охлажденія Печорина къ Бэлѣ не было ли причиною его и то, что для безсознательнаго, чисто естественнаго, хотя и глубокаго чувства черкешенки Печоринъ былъ полнымъ удовлетвореніемъ, далеко превосходящимъ самыя дерзкія ея требованія, тогда какъ духъ Печорина не могъ найти своего удовлетворенія въ естественной любви полудикаго существа? Къ тому же, вѣдь, одно наслажденіе далеко еще не составляетъ всѣхъ потребностей любви, а что могла дать Печорину любовь, кромѣ наслажденія? О чемъ могъ онъ говорить съ нею? что оставалось для него въ ней неразгаданнаго? Для любви нужно разумное содержаніе, какъ

масло для поддержки огня: любовь есть гармоническое сліяніе двухъ родственныхъ натуръ въ чувство безконечнаго. Въ любви Бэлы была сила, но не могло быть безконечности: сидѣть съ глаза на глазъ съ возлюбленнымъ, ласкаться къ нему, принимать его ласки, предугадывать и ловить его желанія, млѣть отъ его лобзаній, замирать въ его объятіяхъ — вотъ все, чего требовала душа Бэлы: при такой жизни и вѣчность показалась бы для нея мгновеніемъ. Но Печорина такая жизнь могла увлечь не больше, какъ на четыре мѣсяца, и еще надо удивляться силѣ его любви къ Бэлѣ, если она была такъ продолжительна. Сильная потребность любви часто принимается за самую любовь, если представится предметъ, на который она можетъ устремиться: препятствія превращаютъ ее въ страсть, а удовлетвореніе уничтожаетъ. Любовь Бэлы была для Печорина полнымъ бокаломъ сладкаго напитка, который онъ и выпилъ заразъ, не оставивъ въ немъ ни капли: а душа его требовала не бокала, а океана, изъ котораго можно ежеминутно черпать, не уменьшая его...

Однажды Печоринъ отправился съ Максимомъ Максимычемъ на охоту за кабаномъ. Съ ранняго утра, часовъ съ десяти, напрасно искали они его: Максимъ Максимычъ уговаривалъ своего товарища воротиться, не тутъ-то было: несмотря ни на зной ни на усталость, тотъ не хотѣлъ воротиться безъ добычи. „Таковъ ужъ былъ человѣкъ: что задумаетъ, подавай: видно въ дѣтствѣ былъ маленькій избалованъ“. Однакожъ послѣ полудня они безъ ничего подъѣзжали къ крѣпости. Вдругъ выстрѣлъ: оба они взглянули другъ на друга и опрометью поскакали на выстрѣлъ. Солдаты въ кучу собрались на валу и указывали въ поле, а тамъ летитъ стремглавъ всадникъ и держитъ что-то бѣлое на сѣдлѣ. Это былъ Казбичъ, похитившій неосторожную Бэлу, которая вышла за крѣпость къ рѣкѣ. Печорину удалось ранить въ ногу его коня. Казбичъ занесъ руку надъ Бэлою. Максимъ Максимычъ выстрѣлилъ и, кажется, ранилъ его въ плечо; дымъ разсѣялся — на землѣ лежала раненая лошадь и возлѣ нея Бэла, а Казбичъ какъ кошка караб-

кался на утесъ и скоро скрылся. Они къ Бэлѣ — она была ранена, и кровь лилась изъ раны ручьями...

— „И Бэла умерла?

— Умерла; только долго мучилась, и мы ужъ съ нею измучились порядкомъ. Около десяти часовъ вечера она пришла въ себя; мы сидѣли у постели; только-что она открыла глаза, начала звать Печорина.—Я здѣсь, подлѣ тебя, моя джанечка (то-есть, по нашему, душенька), отвѣчалъ онъ, взявъ ее за руку.—Я умру! сказала она. —Мы начали ее утѣшать, говорили, что лѣкарь обѣщалъ ее вылѣчить непремѣнно, — она покачала головой и отвернулась къ стѣнѣ; ей не хотѣлось умирать!..

— Ночью она начала бредить; голова ея горѣла, по всему тѣлу иногда пробѣгала дрожь лихорадки; она говорила несвязныя рѣчи объ отцѣ, братѣ: ей хотѣлось въ горы, домой... Потомъ она также говорила о Печоринѣ, давая ему разныя названія, или упрекала его въ томъ, что онъ разлюбилъ свою джанечку.

— Онъ слушалъ ее молча, опустивъ голову на руки; но только я во все время не замѣтилъ ни одной слезы на рѣсницахъ его; въ самомъ ли дѣлѣ онъ не могъ плакать, или владѣлъ собою, — не знаю; что до меня, то я ничего жальче этого не видывалъ“.

Передъ смертью хриплымъ голосомъ закричала она: „воды! воды!“

„*Онъ* сдѣлался блѣденъ какъ полотно, схватилъ стаканъ, налилъ и подалъ ей. Я закрылъ глаза руками и сталъ читать молитву, не помню какую... Да, батюшка, видалъ я много, какъ люди умираютъ въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія; только все это не то, совсѣмъ не то!.. Еще, признаться, меня вотъ что печалитъ: она передъ смертью ни разу не вспомнила обо мнѣ: кажется, я ее любилъ какъ отецъ... Ну, да Богъ ее проститъ... И въ правду молвить: что же я такое, чтобъ обо мнѣ вспоминать передъ смертью?..

— Только-что она испила воды, какъ ей стало легче, а минуты черезъ три она скончалась. Приложили зеркало къ губамъ — гладко!.. Я вывелъ Печорина вонъ изъ комнаты, и мы пошли на крѣпостной валъ; долго мы ходили взадъ и впередъ рядомъ, не говоря ни слова, загнувъ руки на спину; его лицо ничего не выражало особеннаго, и мнѣ стало досадно! Я бы на его мѣстѣ умеръ съ горя. Наконецъ, онъ сѣлъ на землѣ, въ тѣни, и началъ что-то чертить палочкой на пескѣ. Я, знаете, больше для приличія, хотѣлъ утѣшить его, началъ говорить; онъ поднялъ голову и засмѣялся... У меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ отъ этого смѣха. Я пошелъ заказывать гробъ...

— На другой день, рано утромъ, мы ее похоронили за крѣпостью, у вала, гдѣ она въ послѣдній разъ сидѣла: кругомъ ея могилы разрослись кусты бѣлой акаціи и бузины. Я хотѣлъ, было, поставить крестъ, да, знаете, неловко: все-таки она была не христіанка".

Просимъ извиненія за множество выписокъ и у автора и у тѣхъ изъ читателей, которые прочтутъ нашу статью прежде романа: заманчивость перваго чтенія, сила и прелесть перваго впечатлѣнія будутъ для нихъ навсегда потеряны. Впрочемъ, едва ли кто и не читалъ „Бэлы": она напечатана въ „Отечественныхъ Запискахъ" еще въ прошедшемъ году, да и самый романъ давно уже вышелъ въ свѣтъ. Что же касается до тѣхъ, которые прочтутъ нашу статью уже послѣ романа, у нихъ черезъ это почти ничего не отнимается: напротивъ, если мы только хорошо сдѣлали наше дѣло, они вновь перечувствуютъ уже испытанное наслажденіе, и еще съ большею силою. Во всякомъ случаѣ, намъ не было никакой возможности избѣжать этихъ выписокъ. Мы хотѣли, чтобы въ нашемъ изложеніи содержанія романа видны были и характеры дѣйствующихъ лицъ, и сохранена была внутренняя жизненность разсказа, равно какъ и его колоритъ: а этого невозможно было сдѣлать, показавъ одинъ скелетъ содержанія или его отвлеченную мысль. Да и въ чемъ содержаніе повѣсти? Русскій офицеръ похитилъ черкешенку, сперва сильно любитъ ее, но скоро охладѣлъ къ ней; потомъ черкесъ увезъ было ее, но, видя себя почти пойманнымъ, бросилъ ее, нанесши ей рану, отъ которой она умерла! Вотъ и все тутъ. Не говоря о томъ, что тутъ очень немного, тутъ еще нѣтъ и ничего ни поэтическаго, ни особеннаго, ни занимательнаго, и все обыкновенно до пошлости, истерто. Но что же необыкновеннаго или поэтическаго, напримѣръ, и въ содержаніи Шекспирова „Отелло"? Мавръ убилъ страстно любимую имъ жену изъ ревности, которую съ умысломъ возбудилъ въ немъ хитрый злодѣй: развѣ и это тоже не истерто и не обыкновенно до пошлости? Развѣ не было написано тысячи повѣстей, романовъ, драмъ, содержаніе которыхъ —

мужъ или любовникъ, убивающій изъ ревности невинную жену или любовницу? Но изъ всей этой тысячи только одного „Отелло“ знаетъ міръ, и одному ему удивляется. Значитъ: содержаніе не во внѣшней формѣ, не въ сцѣпленіи случайностей, а въ замыслѣ художника, въ тѣхъ образахъ, въ тѣхъ тѣняхъ и переливахъ красокъ, которыя представлялись ему еще прежде, нежели онъ взялся за перо— словомъ, въ творческой концепціи. Художественное созданіе должно быть вполнѣ готово въ душѣ художника прежде, нежели онъ возьмется за перо: написать для него — уже второстепенный трудъ. Онъ долженъ сперва видѣть передъ собою лица, изъ взаимныхъ отношеній которыхъ образуется его драма или повѣсть. Онъ не обдумываетъ, не расчисляетъ, не теряется въ соображеніяхъ: все выходитъ у него само собою, и выходитъ такъ, какъ должно. Событіе развертывается изъ идеи, какъ растеніе изъ зерна. Потому-то и читатели видятъ въ его лицахъ живые образы, а не призраки, радуются ихъ радостями, страдаютъ ихъ страданіями, думаютъ, разсуждаютъ и спорятъ между собою о ихъ значеніи, ихъ судьбѣ, какъ будто дѣло идетъ о людяхъ, дѣйствительно существовавшихъ и знакомыхъ имъ. Этого нельзя сдѣлать, сперва придумавши отвлеченное содержаніе, т.-е. какую-нибудь завязку и развязку, а потомъ уже придумавши лица, и волею или неволею заставивши ихъ играть сообразныя съ сочиненною цѣлью роли. Вотъ почему изложеніе содержанія такъ затруднительно для критика, и безъ выписокъ нельзя ему обойтись: надо сдѣлать его кратко и заставить говорить само за себя разбираемое твореніе.

Глубокое впечатлѣніе оставляетъ послѣ себя „Бэла“: вамъ грустно, но грусть ваша легка, свѣтла и сладостна: вы летите мечтою на могилу прекрасной, но эта могила не страшна: ее освѣщаетъ солнце, омываетъ быстрый ручей, котораго ропотъ, вмѣстѣ съ шелестомъ вѣтра въ листахъ бузины и бѣлой акаціи, говоритъ вамъ о чемъ-то таинственномъ и безконечномъ, и надъ нею, въ свѣтлой вышинѣ, летаетъ и носится какое-то прекрасное видѣніе, съ блѣдными ланитами, съ выраженіемъ укора и прощенія въ чер-

нихъ очахъ, съ грустною улыбкою... Смерть черкешенки не возмущаетъ васъ безотраднымъ и тяжелымъ чувствомъ, ибо она явилась не страшнымъ скелетомъ по произволу автора, но вслѣдствіе разумной необходимости, которую вы предчувствовали уже, и явилась свѣтлымъ ангеломъ примиренія. Диссонансъ разрѣшился въ гармоническій аккордъ, и вы съ умиленіемъ повторяете простыя и трогательныя слова добраго Максима Максимыча: „Нѣтъ, она хорошо сдѣлала, что умерла! ну, чтобы съ ней сталось, еслибъ Григорій Александровичъ ее покинулъ? А это бы случилось рано или поздно!“...

И съ какимъ безконечнымъ искусствомъ обрисованъ граціозный образъ плѣнительной черкешенки! Она говоритъ и дѣйствуетъ такъ мало, а вы живо видите ее передъ глазами во всей опредѣленности живого существа, читаете въ ея сердцѣ, проникаете всѣ изгибы его... А Максимъ Максимычъ, этотъ добрый простакъ, который и не подозрѣваетъ, какъ глубока и богата его натура, какъ высокъ и благороденъ онъ? Онъ, грубый солдатъ, любуется Бэлою, какъ прекраснымъ дитятею, любитъ ее, какъ милую дочь, — и за что? — спросите его, такъ онъ отвѣтитъ вамъ: „не то, чтобы любилъ, а такъ — глупость!“ Ему досадно, что его ни одна женщина не любила такъ, какъ Бэла Печорина; ему грустно, что она не вспомнила о немъ передъ смертью, хоть онъ и самъ сознается, что это съ его стороны не совсѣмъ справедливое требованіе.. Останавливаться ли на этихъ чертахъ, столь полныхъ безконечностью? Нѣтъ, онѣ говорятъ сами за себя; а тѣ, для кого онѣ нѣмы, тѣ не стоятъ, чтобъ тратить съ ними слова и время. Простая красота, которая есть одна истинная красота, не для всѣхъ доступна: у большей части людей глаза такъ грубы, что на нихъ дѣйствуетъ только пестрота, узорочность и красная краска, густо и ярко намазанная... Характеры Азамата и Казбича — это такіе типы, которые будутъ равно понятны и англичанину, и нѣмцу, и французу, какъ понятны они русскому. Вотъ что называется рисовать фигуру во весь ростъ, съ національною физіономіею и въ національномъ костюмѣ!..

Обратите еще вниманіе на эту естественность разсказа, такъ свободно развивающагося, безъ всякихъ натяжекъ, такъ плавно текущаго собственною силою, безъ помощи автора. Офицеръ, возвращающійся изъ Тифлиса въ Россію, встрѣчается въ горахъ съ другимъ офицеромъ; одинокость дорожнаго положенія даетъ одному право начать разговоръ съ другимъ, и такъ естественно доводитъ ихъ до знакомства. Одинъ предлагаетъ чай съ ромомъ—тотъ отказывается, говоря, что по одному случаю онъ зарекся пить. Очень естественно, что, сидя въ дымной и гадкой саклѣ, путешественникъ заводитъ съ товарищемъ разговоръ объ обитателяхъ сакли; товарищъ этотъ—пожилой офицеръ, много лѣтъ проведшій на Кавказѣ, естественно, очень охотно разговорился объ этомъ предметѣ. Вопросъ молодого офицера: „А что, много съ вами бывало приключеній?" такъ же естественъ, какъ и отвѣтъ пожилого: „Какъ не бывать! бывало..." Но это не приступъ къ повѣсти, а только еще, какъ и должно, слабая надежда услышать повѣсть: авторъ не погоняетъ обстоятельствъ, какъ лошадей, но даетъ имъ самимъ развиться. Онъ предлагаетъ Максиму Максимычу чай съ ромомъ: тотъ отказывается отъ рома, говоря, что зарекся пить. Вопросъ: „почему?" молодого офицера такъ же не можетъ быть сочтенъ натяжкою, какъ откликъ человѣка, когда его зовутъ. Отвѣтъ Максима Максимыча, въ которомъ онъ говоритъ о случаѣ, заставившемъ его зarечься пить вино, уже ожидается самимъ читателемъ. Случай этотъ чисто кавказскій: офицеры пировали, какъ вдругъ сдѣлалась тревога. Но разсужденіе Максима Максимыча, что иногда годъ живи — тревоги нѣтъ, „да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ", отнимаетъ всякую надежду на повѣсть; какъ вдругъ онъ обращается къ черкесамъ, которые, если напьются бузы, такъ и начнутъ рубиться, и очень естественно вспоминаетъ одинъ случай. Онъ и расположенъ его разсказать, но какъ бы не хочетъ навязываться съ разсказами. Молодой офицеръ, котораго любопытство давно уже сильно возбуждено, но который умѣетъ умѣрить его приличіемъ, съ притворнымъ равнодушіемъ спрашиваетъ:

„какъ же это случилось?“ — „Вотъ изволите видѣть“ — и повѣсть началась. Исходный пунктъ ея — страстное желаніе мальчика-черкеса имѣть лихого коня, и вы помните эту дивную сцену изъ драмы между Азаматомъ и Казбичемъ. Печоринъ — человѣкъ рѣшительный, алчущій тревогъ и бурь, готовый рискнуть на все для выполненія даже прихоти своей, — а здѣсь дѣло шло о чѣмъ-то гораздо большемъ, чѣмъ прихоть. И такъ все вышло изъ характеровъ дѣйствующихъ лицъ, по законамъ строжайшей необходимости, а не по произволу автора. Но еще повѣсть была простымъ анекдотомъ, и новые знакомые уже пустились въ разсужденія по поводу его, какъ вдругъ Максимъ Максимычъ, у котораго воспоминаніе ожило, и потребность сообщить его другому возбудилась, какъ бы говоря съ самимъ собою, прибавилъ: „Никогда себѣ не прощу одного: чортъ дернулъ меня, пріѣхавъ въ крѣпость, пересказать Григорію Александровичу все, что я слышалъ, сидя за заборомъ; онъ посмѣялся, — такой хитрый! — а самъ задумалъ кое-что“. Что можетъ быть естественнѣе, проще всего этого? Такая естественность и простота никогда не могутъ быть дѣломъ расчета и соображенія: онѣ — плодъ вдохновенія.

Итакъ, исторія Бэлы кончилась: но романъ еще только начался, и мы прочли одно вступленіе, которое, впрочемъ, и само по себѣ, отдѣльно взятое, есть художественное произведеніе, хотя и составляетъ только часть цѣлаго. Но пойдемъ далѣе. Во Владикавказѣ авторъ опять съѣхался съ Максимомъ Максимычемъ. Когда они обѣдали, на дворъ въѣхала щегольская коляска, за которою шелъ человѣкъ. Несмотря на грубость этого человѣка, „балованнаго слуги лѣниваго барина“, Максимъ Максимычъ допросился у него, что коляска принадлежитъ Печорину. „Что ты? Что ты? Печоринъ!.. Ахъ, Боже мой!.. Да не служилъ ли онъ на Кавказѣ?“ Въ глазахъ Максима Максимыча сверкала радость. „Служилъ, кажется, да я у нихъ недавно“, отвѣчалъ слуга. „Ну, такъ!... такъ!... Григорій Александровичъ? Такъ, вѣдь, его зовутъ? Мы съ твоимъ бариномъ были пріятели“, прибавилъ Максимъ Максимычъ, ударивъ дружески по плечу

лакея, такъ что заставилъ его пошатнуться...— „Позвольте, сударь: вы мнѣ мѣшаете“, —сказалъ тотъ, нахмурившись. „Экой ты, братецъ!.. Да знаешь ли? Мы съ твоимъ бариномъ были друзья закадычные, жили вмѣстѣ... Да гдѣ жъ онъ самъ остался?“ Слуга объявилъ, что Печоринъ остался ужинать и ночевать у полковника Н***. „Да не зайдетъ ли онъ вечеромъ сюда?“ сказалъ Максимъ Максимычъ: „или ты, любезный, не пойдешь ли къ нему за чѣмъ-нибудь?.. Коли пойдешь, такъ скажи, что здѣсь Максимъ Максимычъ; такъ и скажи... ужъ онъ знаетъ... Я дамъ тебѣ восьмигривенный на водку.“ Лакей сдѣлалъ презрительную мину, слыша такое скромное обѣщаніе, однако увѣрилъ Максима Максимыча, что исполнитъ его порученіе. „Вѣдь, сейчасъ прибѣжитъ!...“ сказалъ мнѣ Максимъ Максимычъ съ торжествующимъ видомъ, „пойду за ворота дожидаться... Эхъ, жалко, что я не знакомъ съ Н***!“

Итакъ, Максимъ Максимычъ ждетъ за воротами. Онъ отказался отъ чашки чая и, наскоро выпивъ одну, по вторичному приглашенію, опять выбѣжалъ за ворота. Въ немъ замѣтно было живѣйшее безпокойство, и явно было, что его огорчало равнодушіе Печорина. Новый его знакомый, отворивъ окно, звалъ его спать; онъ что-то пробормоталъ, а на вторичное приглашеніе ничего не отвѣтилъ. Уже поздно ночью вошелъ онъ въ комнату, бросилъ трубку на столъ, сталъ ходить, ковырять въ печи, наконецъ, легъ, но долго кашлялъ, плевалъ, ворочался... „Не клопы ли васъ кусаютъ?“ спросилъ его новый пріятель —„Да, клопы..“ отвѣчалъ онъ, тяжело вздохнувъ.

На другой день утромъ сидѣлъ онъ за воротами. „Мнѣ надо сходить къ коменданту, — сказалъ онъ,— такъ, пожалуйста, если Печоринъ придетъ, пришлите за мной“. Но лишь ушелъ онъ, какъ предметъ его безпокойства явился. Съ любопытствомъ смотрѣлъ на него нашъ авторъ, и результатомъ его внимательнаго наблюденія былъ подробный портретъ, къ которому мы возвратимся, когда будемъ говорить о Печоринѣ, а теперь займемся исключительно Максимомъ Максимычемъ. Надо сказать, что когда Печоринъ при-

шелъ, лакей доложилъ ему, что сейчасъ будутъ закладывать лошадей. Здѣсь мы снова должны прибѣгнуть къ длинной выпискѣ.

„Лошади уже были заложены; колокольчикъ по временамъ звенѣлъ подъ дугою, и лакей уже два раза подходилъ къ Печорину съ докладомъ, что все готово, а Максимъ Максимычъ еще не являлся. Къ счастью, Печоринъ былъ погруженъ въ задумчивость, глядя на синіе зубцы Кавказа, и, кажется, вовсе не торопился въ дорогу. Я подошелъ къ нему: „если вы захотите еще немного подождать", сказалъ я, „то будете имѣть удовольствіе увидѣться съ старымъ пріятелемъ".

— Ахъ, точно! быстро отвѣчалъ онъ: мнѣ вчера говорили,— но гдѣ же онъ?—Я обернулся къ площади и увидѣлъ Максима Максимыча, бѣгущаго, что было мочи... Черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ уже возлѣ насъ; онъ едва могъ дышать; потъ градомъ катился съ лица его; мокрые клочки сѣдыхъ волосъ вырвались изъ-подъ шапки, приклеились ко лбу его; колѣни его дрожали... онъ хотѣлъ кинуться на шею Печорина, но тотъ довольно холодно, хотя съ привѣтливой улыбкой, протянулъ ему руку. Штабсъ-капитанъ на минуту остолбенѣлъ, но потомъ жадно схватилъ его руку обѣими руками; онъ еще не могъ говорить.

- Какъ я радъ, дорогой Максимъ Максимычъ. Ну, какъ вы поживаете?—сказалъ Печоринъ.

— А ты... а вы?.. пробормоталъ со слезами на глазахъ старикъ: сколько лѣтъ. . сколько дней... да куда это?..

— Ѣду въ Персію—и дальше.

— Неужто сейчасъ?.. Да подождите, дражайшій.. Неужто сейчасъ разстанемся?.. Сколько времени не видались...

— Мнѣ пора, Максимъ Максимычъ,—былъ отвѣтъ.

— Боже мой, Боже мой! да куда это такъ спѣшите?.. Мнѣ столько бы хотѣлось вамъ сказать... столько разспросить... Ну, что? въ отставкѣ? какъ?.. что подѣлывали?..

— Скучалъ!—отвѣчалъ Печоринъ, улыбаясь...

— А помните наше житье-бытье въ крѣпости?.. Славная страна для охотниковъ!.. Вѣдь вы были страстный охотникъ стрѣлять... А Бэла!..

Печоринъ чуть-чуть поблѣднѣлъ и отвернулся...

— Да, помню!—сказалъ онъ почти тотчасъ, принужденно зѣвнувъ. Максимъ Максимычъ сталъ его упрашивать остаться съ нимъ еще часа два.

— Мы славно пообѣдаемъ, говорилъ онъ, у меня есть два фазана, а кахетинское здѣсь прекрасное .. разумѣется, не то, что въ Грузіи, однако лучшаго сорта... Мы поговоримъ... вы мнѣ разскажете про свое житье въ Петербургѣ... А?..

— Право, мнѣ нечего разсказывать, дорогой Максимъ Максимычъ... Однако прощайте, мнѣ пора .. я спѣшу... Благодарю, что не забыли... прибавилъ онъ, взявъ его за руку.

Старикъ нахмурилъ брови... Онъ былъ печаленъ и сердитъ, хотя старался скрыть это.—Забыть!—проворчалъ онъ,—я-то не забылъ ничего .. Ну, да Богъ съ вами!.. Не такъ я думалъ съ вами встрѣтиться...

— Ну, полно, полно! сказалъ Печоринъ, обнявъ его дружески; — неужели я не тотъ же? . что дѣлать?.. Всякому своя дорога... Удастся ли еще встрѣтиться—Богъ знаетъ!.. Говоря это, онъ уже сидѣлъ въ коляскѣ, и ямщикъ уже началъ подбирать возжи.

— Постой! постой!—закричалъ вдругъ Максимъ Максимычъ, ухватясь за дверцы коляски, -совсѣмъ было забылъ... У меня остались ваши бумаги, Григорій Александровичъ. . я ихъ таскаю съ собою .. думалъ найти васъ въ Грузіи, а вотъ гдѣ Богъ далъ свидѣться... что мнѣ съ ними дѣлать?..

— Что хотите!—отвѣчалъ Печоринъ.—Прощайте.

— Такъ вы въ Персію?.. а когда вернетесь?.. кричалъ вслѣдъ Максимъ Максимычъ...

Коляска была уже далеко... Давно уже не слышно было ни звонка колокольчика ни стука колесъ по кремнистой дорогѣ, — а бѣдный старикъ еще стоялъ на томъ же мѣстѣ въ глубокой задумчивости“...

„Довольно! не будемъ выписывать длиннаго и безсвязнаго монолога, который говорилъ огорченный старикъ, стараясь принять равнодушный видъ, хотя слеза досады по временамъ и сверкала на его рѣсницахъ Довольно: Максимъ Максимычъ и такъ ужъ весь передъ вами... Если бы вы нашли его, познакомились съ нимъ, двадцать лѣтъ прожили съ нимъ въ одной крѣпости,— и тогда бы не знали лучше Но мы больше уже не увидимся съ нимъ, а онъ такъ интересенъ, такъ прекрасенъ, что грустно такъ скоро разстаться съ нимъ, и потому взглянемъ на него еще разъ, уже послѣдній...

— „Максимъ Максимычъ, сказалъ я, подошедши къ нему,— а что это за бумаги оставилъ вамъ Печоринъ?

— А Богъ его знаетъ! какія-то записки.

— Что вы изъ нихъ сдѣлаете?

— Что? я велю надѣлать патроновъ.

— Отдайте ихъ лучше мнѣ.

Онъ посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ, проворчалъ что-то

сквозь зубы и началъ рыться въ чемоданѣ; вотъ онъ вынулъ одну тетрадку и бросилъ ее съ презрѣніемъ на землю; потомъ другая, третья и десятая имѣли ту же участь: въ его досадѣ было что-то дѣтское; мнѣ стало смѣшно и жалко.

— Вотъ онѣ всѣ, — сказалъ онъ, — поздравляю васъ съ находкою...

— И я могу дѣлать съ ними все, что хочу?

— Хоть въ газетахъ печатайте. Какое мнѣ дѣло?.. Что я, развѣ другъ его какой или родственникъ?.. Правда, мы жили долго подъ одной кровлей... Да мало ли съ кѣмъ я не жилъ?.."

Схватя и унеся поскорѣе бумаги изъ опасенія, чтобы Максимъ Максимычъ не раскаялся, нашъ авторъ собрался въ дорогу: онъ уже надѣлъ шапку, какъ штабсъ-капитанъ вошелъ. Но нѣтъ, воля ваша! а ужъ надо проститься съ Максимомъ Максимычемъ какъ слѣдуетъ, то-есть не прежде, какъ выслушавъ его послѣднее слово.. Что дѣлать? есть такіе люди, съ которыми, разъ познакомившись, вѣкъ бы не разстался...

— „А вы Максимъ Максимычъ, развѣ не ѣдете?

— Нѣтъ-съ.

— А что такъ?

— Да я еще коменданта не видалъ, а мнѣ надо сдать кой-какія казенныя вещи.

— Да, вѣдь, вы же были у него?

— Былъ, конечно,—сказалъ онъ, заминаясь, да его дома не было... а я не дождался...

Я понялъ его: бѣдный старикъ въ первый разъ отроду, можетъ-быть, бросилъ дѣла службы для *собственной надобности*, говоря языкомъ бумажнымъ,—и какъ же онъ былъ награжденъ!

— Очень жаль,—сказалъ я ему,—очень жаль, Максимъ Максимычъ, что намъ до срока надо разстаться.

— Гдѣ намъ, необразованнымъ старикамъ, за вами гоняться!.. вы молодежь свѣтская, гордая; еще покамѣстъ подъ черкесскими пулями, такъ вы туда-сюда... а послѣ встрѣтитесь, такъ стыдитесь и руку протянуть нашему брату.

— Я не заслужилъ этихъ упрековъ, Максимъ Максимычъ.

— Да я, знаете, такъ, къ слову говорю; а, впрочемъ, желаю вамъ всякаго счастія и веселой дороги".

За симъ они довольно сухо разстались; но вы, любезный читатель, вѣрно не сухо разстались съ этимъ старымъ младенцемъ, столь добрымъ, столь милымъ, столь человѣчнымъ и столь неопытнымъ во всемъ, что выходило за тѣсный

кругозоръ его понятій и опытности? Не правда ли, вы такъ свыклись съ нимъ, такъ полюбили его, что никогда уже не забудете его, и если встрѣтите подъ грубой наружностью, подъ корою зачерствѣлости отъ трудной и скудной жизни—горячее сердце, подъ простою, мѣщанскою рѣчью—теплоту души, то вѣрно скажете: „это Максимъ Максимычъ“... И дай Богъ вамъ побольше встрѣтить на пути вашей жизни Максимъ Максимычей!..

И вотъ, мы разсмотрѣли двѣ части романа—„Бэлу“ и „Максима Максимыча“: каждая изъ нихъ имѣетъ свою особность и замкнутость, почему каждая и оставляетъ въ душѣ читателя такое полное, цѣлостное и глубокое впечатлѣніе. Героевъ той и другой повѣсти мы видѣли въ торжественнѣйшихъ положеніяхъ ихъ жизни, и коротко ихъ знаемъ. Первая—повѣсть, вторая—очеркъ характера: и каждая равно полна и удовлетворительна, ибо въ каждой поэтъ умѣлъ исчерпать все ея содержаніе, и въ типическихъ чертахъ вывести во внѣ все внутреннее, скрывшееся въ ней какъ возможность. Что намъ за нужда, что во второй нѣтъ романическаго содержанія, что она представляетъ собою не жизнь, а отрывокъ изъ жизни человѣка? Но если въ этомъ отрывкѣ—весь человѣкъ, то чего же больше. Поэтъ хотѣлъ изобразить характеръ, и превосходно успѣлъ въ этомъ: его Максимъ Максимычъ можетъ употребляться не какъ собственное, но какъ нарицательное имя, наравнѣ съ Онѣгиными, Ленскими, Загорѣцкими, Иванами Ивановичами, Иванами Никифоровичами, Аѳанасіями Ивановичами, Чацкими, Фамусовыми и пр. Мы познакомились съ нимъ еще въ „Бэлѣ“, и больше уже не увидимся. Но въ обѣихъ этихъ повѣстяхъ мы видѣли еще одно лицо, съ которымъ однакожъ незнакомы. Это таинственное лицо не есть герой этихъ повѣстей, но безъ него не было бы этихъ повѣстей: онъ герой романа, котораго эти двѣ повѣсти только части. Теперь пора намъ съ нимъ познакомиться, и уже не чрезъ посредство другихъ лицъ, какъ прежде: они его не понимаютъ, какъ мы уже видѣли; равнымъ образомъ и не чрезъ поэта, который хоть и одинъ виноватъ въ немъ, но умы-

ваетъ въ немъ руки; а чрезъ него же самого: мы готовимся читать его записки. Поэтъ написалъ отъ себя предисловіе только въ запискахъ Печорина. Это предисловіе составляетъ родъ главы романа, какъ его существеннѣйшая часть, но, несмотря на то, мы возвратимся къ нему послѣ, когда будемъ говорить о характерѣ Печорина, а теперь прямо приступимъ къ „запискамъ".

Первое отдѣленіе называется „Тамань", и, подобно первымъ двумъ, есть отдѣльная повѣсть. Хотя оно и представляетъ собою эпизодъ изъ жизни героя романа, но герой попрежнему остается для насъ лицомъ таинственнымъ. Содержаніе этого эпизода слѣдующее: Печоринъ въ Тамани остановился въ скверной хатѣ, на берегу моря, въ которой онъ нашелъ только слѣпого мальчика, лѣтъ 14-ти, и потомъ таинственную дѣвушку. Случай открываетъ ему, что эти люди—контрабандисты. Онъ ухаживаетъ за дѣвушкою, и въ шутку грозитъ ей, что донесетъ на нихъ. Вечеромъ въ тотъ же день она приходитъ къ нему, какъ сирена, обольщаетъ его предложеніемъ своей любви, и назначаетъ ему ночное свиданіе на морскомъ берегу. Разумѣется, онъ является, но какъ странность и какая-то таинственность во всѣхъ словахъ и поступкахъ дѣвушки давно уже возбудили въ немъ подозрѣніе, то онъ и запасся пистолетомъ. Таинственная дѣвушка пригласила его сѣсть въ лодку—онъ было поколебался, но отступать было уже не время. Лодка помчалась, а дѣвушка обвилась вокругъ его шеи, и что-то тяжелое упало въ воду... Онъ хвать за пистолетъ, но его уже не было... Тогда завязалась между ними страшная борьба: наконецъ, мужчина побѣдилъ; посредствомъ осколка весла онъ добрался кое-какъ до берега, и, при лунномъ свѣтѣ, увидѣлъ таинственную ундину, которая, спасшись отъ смерти, отряхалась. Черезъ нѣсколько времени она удалилась съ Янко, какъ видно, со своимъ любовникомъ и однимъ изъ главныхъ дѣйствователей контрабанды: такъ какъ посторонній узналъ ихъ тайну, имъ опасно было оставаться болѣе на этомъ мѣстѣ. Слѣпой тоже пропалъ, укравъ у Печорина шкатулку, шашку съ серебряной оправой и дагестанскій кинжалъ.

Мы не рѣшились дѣлать выписокъ изъ этой повѣсти, потому что она рѣшительно не допускаетъ ихъ: это словно какое-то лирическое стихотвореніе, вся прелесть котораго уничтожается однимъ выпущеннымъ или измѣненнымъ не рукою самого поэта стихомъ: она вся въ формѣ; если выписывать, то должно бы ее выписать всю отъ слова до слова; пересказываніе ея содержанія дастъ о ней такое же понятіе, какъ разсказъ, хотя бы и восторженный, о красотѣ женщины, которой вы сами не видѣли. Повѣсть эта отличается какимъ-то особеннымъ колоритомъ: несмотря на прозаическую дѣйствительность ея содержанія, все въ ней таинственно, лица — какія-то фантастическія тѣни, мелькающія въ вечернемъ сумракѣ, при свѣтѣ зари или мѣсяца. Особенно очаровательна дѣвушка: это какая-то дикая сверкающая красота, обольстительная какъ сирена, неуловимая какъ ундина, страшная какъ русалка, быстрая, какъ прелестная тѣнь или волна, гибкая какъ тростникъ. Ее нельзя любить, нельзя и ненавидѣть, но ее можно только и любить и ненавидѣть вмѣстѣ. Какъ чудно-хороша она, когда, на крышѣ своей кровли, съ распущенными волосами, защитивъ глаза ладонью, пристально всматривается вдаль, и то смѣется и разсуждаетъ сама съ собою, то запѣваетъ полную раздолья и отваги удалую пѣсню.

Что касается до героя романа — онъ и тутъ является тѣмъ же таинственнымъ лицомъ, какъ и въ первыхъ повѣстяхъ. Вы видите человѣка съ сильною волею, отважнаго, не блѣднѣющаго никакой опасности, напрашивающагося на бури и тревоги, чтобы занять себя чѣмъ-нибудь и наполнить бездонную пустоту своего духа, хотя бы и дѣятельностью безъ всякой цѣли.

Наконецъ, вотъ и „Княжна Мери“. Предисловіе нами прочитано, теперь начинается для насъ романъ. Эта повѣсть разнообразнѣе и богаче всѣхъ другихъ своимъ содержаніемъ, но зато далеко уступаетъ имъ въ художественности формы. Характеры ея — или очерки или силуэты, и только развѣ одинъ портретъ. Но что составляетъ ея недостатокъ, то же самое есть и ея достоинство, и наоборотъ. Подробное разсмотрѣніе ея объяснитъ нашу мысль.

Начинаемъ съ седьмой страницы. Печоринъ въ Пятигорскѣ, у Елисаветинскаго источника, сходится съ своимъ знакомымъ—юнкеромъ Грушницкимъ. По художественному выполненію, это лицо стоитъ Максима Максимыча; подобно ему, это типъ, представитель цѣлаго разряда людей, имя нарицательное. Грушницкій—идеальный молодой человѣкъ, который щеголяетъ своей идеальностью, какъ записные франты щеголяютъ моднымъ платьемъ, а „львы"—ослиною глупостью. Онъ носитъ солдатскую шинель изъ толстаго сукна; у него георгіевскій солдатскій крестикъ. Ему очень хочется, чтобы его считали не юнкеромъ, а разжалованнымъ изъ офицеровъ: онъ находитъ это очень эффектнымъ и интереснымъ. Вообще „производить эффектъ" — его страсть. Онъ говоритъ вычурными фразами,—словомъ, это одинъ изъ тѣхъ людей, которые особенно плѣняютъ чувствительныхъ, романическихъ и романтическихъ провинціальныхъ барышень, одинъ изъ тѣхъ людей, которыхъ, по прекрасному выраженію автора записокъ, „не трогаетъ просто-прекрасное, и которые важно драпируются въ необыкновенныя чувства, возвышенныя страсти и исключительныя страданія". „Въ ихъ душѣ, — прибавляетъ онъ, — часто много добрыхъ свойствъ, но ни на грошъ поэзіи". Но вотъ самая лучшая и полная характеристика такихъ людей, сдѣланная авторомъ же журнала: „подъ старость они дѣлаются либо мирными помѣщиками, либо пьяницами,—иногда тѣмъ и другимъ". Мы къ этому очерку прибавимъ отъ себя только то, что они страхъ какъ любятъ сочиненія Марлинскаго, и чуть зайдетъ рѣчь о предметахъ сколько-нибудь не житейскихъ, стараются говорить фразами изъ его повѣстей. Теперь вы вполнѣ знакомы съ Грушницкимъ. Онъ очень не долюбливаетъ Печорина за то, что тотъ его понялъ. Печоринъ тоже не любитъ Грушницкаго, и чувствуетъ, что когда-нибудь они столкнутся, и одному изъ нихъ не сдобровать.

Они встрѣтились какъ знакомые, и у нихъ начался разговоръ. Грушницкій началъ на общество, съѣхавшееся въ этотъ годъ на воды. „Нынѣшній годъ, — говорилъ онъ,—

изъ Москвы только одна княгиня Лиговская съ дочерью; но я съ ними незнакомъ; моя солдатская шинель какъ печать отверженія. Участіе, которое она возбуждаетъ, тяжело, какъ милостыня“. Въ это время прошли мимо нихъ къ колодцу двѣ дамы, и Грушницкій сказалъ, что то княгиня Лиговская съ дочерью Мери. Онъ съ ними незнакомъ, потому что „этой гордой знати нѣтъ дѣла, есть ли умъ подъ нумерованной фуражкой и сердце подъ толстою шинелью!“ Звонкою фразою, громко сказанною по-французски, онъ обратилъ на себя вниманіе княгини. Печоринъ сказалъ ему: „эта княжна Мери прехорошенькая. У нея такіе бархатные глаза, — именно бархатные: я тебѣ совѣтую присвоить это выраженіе, говоря о ея глазахъ; — нижнія и верхнія рѣсницы такъ длинны, что лучи солнца не отражаются въ ея зрачкахъ. Я люблю эти глаза — безъ блеска: они такъ мягки, они будто бы тебя гладятъ... Впрочемъ, кажется, въ ея лицѣ только и есть хорошаго... а что у нея зубы бѣлы? Это очень важно! жаль, что она не улыбалась на твою пышную фразу!“ — „Ты говоришь о хорошей женщинѣ, какъ объ англійской лошади“, сказалъ Грушницкій съ негодованіемъ. Они разошлись.

Возвращаясь мимо того мѣста, Печоринъ, невидимый, былъ свидѣтелемъ слѣдующей сцены. Грушницкій былъ раненъ, или хотѣлъ казаться раненымъ, и потому хромалъ на одну ногу. Уронивъ стаканъ на песокъ, онъ напрасно усиливался поднять его. Легче птички подлетѣла къ нему княжна и, поднявъ стаканъ, подала ему его съ тѣлодвиженіемъ, исполненнымъ невыразимой прелести. Изъ этого выходитъ цѣлый рядъ смѣшныхъ сценъ, худо кончившихся для Грушницкаго. Онъ идеальничаетъ — Печоринъ надъ нимъ глумится. Онъ хочетъ ему показать, что въ поступкѣ княжны не видитъ для Грушницкаго никакой причины къ восторгу или даже просто къ удовольствію. Печоринъ приписываетъ это своей страсти къ противорѣчію, говоря, что присутствіе энтузіазма обдаетъ его крещенскимъ холодомъ, а частыя сношенія съ флегматикомъ могутъ сдѣлать его страстнымъ мечтателемъ. Напрасное обвиненіе! Такое чув-

ство противорѣчія понятно во всякомъ человѣкѣ съ глубокою душою. Дѣтская, а тѣмъ болѣе фальшивая идеальность оскорбляетъ чувство до того, что пріятно увѣрить себя въ ту минуту, что совсѣмъ не имѣешь чувства. Въ самомъ дѣлѣ, лучше быть совсѣмъ безъ чувства, нежели съ такимъ чувствомъ. Напротивъ, совершенное отсутствіе жизни въ человѣкѣ возбуждаетъ въ насъ невольное желаніе увѣриться въ собственныхъ глазахъ, что мы непохожи на него, что въ насъ много жизни, и сообщаетъ намъ какую-то восторженность. Указываемъ на эту черту ложнаго самообвиненія въ характерѣ Печорина, какъ на доказательство его противорѣчія съ самимъ собою, вслѣдствіе непониманія самого себя, причины котораго мы объяснимъ ниже.

Теперь выходитъ на сцену новое лицо—медикъ Вернеръ. Въ беллетрическомъ смыслѣ, это лицо превосходно, но въ художественномъ довольно блѣдно. Мы больше видимъ, что хотѣлъ сдѣлать изъ него поэтъ, нежели что онъ сдѣлалъ изъ него въ самомъ дѣлѣ.

Жалѣемъ, что предѣлы статьи не позволяютъ намъ выписать разговора Печорина съ Вернеромъ: это образецъ граціозной шутливости и вмѣстѣ полнаго мысли остроумія (стр. 28—37). Вернеръ сообщаетъ ему свѣдѣнія о пріѣхавшихъ на воды, а главное—о Лиговскихъ. „Что вамъ сказала княгиня Лиговская обо мнѣ?—спросилъ Печоринъ.— „Вы очень увѣрены, что это княгиня... а не княжна?“— „Совершенно убѣжденъ“.—„Почему?“—„Потому что княжна спрашивала о Грушницкомъ“.—„У васъ большой даръ соображенія“,—отвѣчалъ Вернеръ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что княжна почитаетъ Грушницкаго разжалованнымъ въ солдаты за дуэль. „Надѣюсь, вы ее оставили въ этомъ пріятномъ заблужденіи?“—„Разумѣется“.—„Завязка есть!— закричалъ Печоринъ въ восторгѣ,—объ развязкѣ этой комедіи мы похлопочемъ. Явно судьба заботится о томъ, чтобы мнѣ не было скучно“. Далѣе Вернеръ сообщилъ Печорину, что княгиня его знаетъ, потому что встрѣчала въ Петербургѣ, гдѣ его исторія (какая—этого не объясняется въ романѣ) надѣлала много шума. Говоря о ней, княгиня

къ свѣтскимъ сплетнямъ приплетала и свои, а дочка слушала со вниманіемъ;— въ ея воображеніи Печоринъ (по словамъ Вернера) сдѣлался героемъ романа въ новомъ вкусѣ. Вернеръ вызывается представить его княгинѣ. Печоринъ отвѣчаетъ, что героевъ не представляютъ, и что они не иначе знакомятся, какъ спасая отъ вѣрной смерти свою любезную. Въ шуткахъ его проглядываетъ намѣреніе. Мы скоро узнаемъ о немъ; оно началось отъ нечего дѣлать, а кончилось... но объ этомъ послѣ. Вернеръ сказалъ о княжнѣ, что она любитъ разсуждать о чувствахъ, о страстяхъ, и пр. Потомъ, на вопросъ Печорина, не видѣлъ ли онъ кого-нибудь у нихъ, онъ говоритъ, что видѣлъ женщину— блондинку, съ чахоточнымъ видомъ лица, съ черною родинкою на правой щекѣ. Примѣты эти, видимо, взволновали Печорина, и онъ вынужденъ былъ признаться, что нѣкогда любилъ эту женщину. Затѣмъ онъ проситъ Вернера не говорить ей о немъ, а если она спроситъ — отнестись о немъ дурно. „Пожалуй!“ отвѣчалъ Вернеръ, пожавъ плечами и ушелъ.

Оставшись наединѣ, Печоринъ думаетъ о предстоящей встрѣчѣ, которая безпокоитъ его. Ясно, что его равнодушіе и иронія—больше свѣтская привычка, нежели черта характера. „Нѣтъ въ мірѣ человѣка (говоритъ онъ), надъ которымъ бы прошедшее пріобрѣтало такую власть, какъ надо мною. Всякое напоминаніе о минувшей печали или радости болѣзненно ударяетъ въ мою душу, и извлекаетъ изъ нея все тѣ же звуки... Я глупо созданъ! ничего не забываю—ничего!“

Вечеромъ онъ вышелъ на бульваръ. Сошедшись съ двумя знакомыми, онъ началъ имъ разсказывать что-то смѣшное; они такъ громко хохотали, что любопытство переманило на его сторону нѣкоторыхъ изъ окружавшихъ княжну. Онъ, какъ выражается самъ, продолжалъ увлекать публику до захожденія солнца. Княжна нѣсколько разъ проходила мимо его съ матерью,— и ея взглядъ, стараясь выразить равнодушіе, выражалъ одну досаду. Съ этого времени у нихъ началась открытая война: въ глаза и за глаза язвили они другъ друга насмѣшками, злыми намеками. Верхъ всегда

былъ на сторонѣ Печорина, ибо онъ велъ войну съ холоднымъ присутствіемъ духа, безъ всякой запальчивости Его равнодушіе бѣсило княжну и, на зло ей самой, только дѣлало его интереснѣе въ ея глазахъ. Грушницкій слѣдилъ за нею, какъ звѣрь, и лишь только Печоринъ предрекъ скорое знакомство его съ Лиговскими, какъ онъ въ самомъ дѣлѣ нашелъ случай заговорить съ княгинею и сказать какой-то комплиментъ княжнѣ. Вслѣдствіе этого онъ началъ докучать Печорину, почему онъ не познакомится съ этимъ домомъ, лучшимъ на водахъ? Печоринъ увѣряетъ идеальнаго шута, что княжна его любитъ; Грушницкій конфузится, говоритъ: „какой вздоръ!" и самодовольно улыбается. „Другъ мой, Печоринъ, — говорилъ онъ, — я тебя не поздравляю: ты у нея на дурномъ замѣчаніи... А, право, жаль! потому что Мери очень мила!.." — „Да, она недурна! — сказалъ съ важностью Печоринъ, — только берегитесь, Грушницкій!" — Тутъ онъ сталъ ему давать совѣты и дѣлать предсказанія съ ученымъ видомъ знатока. Смыслъ ихъ былъ тотъ, что княжна изъ тѣхъ женщинъ, которыя любятъ, чтобы ихъ забавляли; что если съ Грушницкимъ будетъ ей скучно двѣ минуты сряду — онъ погибъ; что, накокетничавшись съ нимъ, она выйдетъ за какого-нибудь урода, изъ покорности къ маменькѣ, а послѣ и станетъ увѣрять себя, что она несчастна, что она одного только человѣка и любила, то-есть Грушницкаго, но что небо не хотѣло соединить ее съ нимъ, потому что на немъ была солдатская шинель, хотя подъ этой толстой сѣрой шинелью билось сердце страстное и благородное... Грушницкій ударилъ по столу кулакомъ и сталъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. „Я внутренно хохоталъ (слова Печорина) и даже раза два улыбнулся, но онъ, къ счастью, этого не замѣтилъ. Явно, что онъ влюбленъ, потому что еще довѣрчивѣе прежняго; у него даже появилось серебряное кольцо съ чернью, здѣшней работы... Я сталъ его разсматривать, и что же?.. мелкими буквами имя Мери было вырѣзано на внутренней сторонѣ, и рядомъ — число того дня, когда она подняла знаменитый стаканъ. Я утаилъ свое открытіе; я не хочу вынуждать у

него признаній: я хочу, чтобы онъ самъ выбралъ меня въ свои повѣренные,—и тутъ-то я буду наслаждаться!“

На другой день, гуляя по виноградной аллеѣ и думая о женщинѣ съ родинкой, онъ въ гротѣ встрѣтился съ нею самою. Но здѣсь мы должны выпиской дать понятіе о ихъ отношеніяхъ.

„—Вѣра!—вскрикнулъ я невольно.

Онъ вздрогнула и поблѣднѣла.—Я знала, что вы здѣсь,—сказала она Я сѣлъ возлѣ нея и взялъ ее за руку. Давно забытый трепетъ пробѣжалъ по моимъ жиламъ при звукѣ этого милаго голоса: она посмотрѣла мнѣ въ глаза своими глубокими и спокойными глазами,—въ нихъ выражалась недовѣрчивость и что-то похожее на упрекъ.

— Мы давно не видались,—сказалъ я.

— Давно, и перемѣнились оба во многомъ.

— Стало быть, ужъ ты меня не любишь!..

— Я замужемъ!..—сказала она.

— Опять? Однако, нѣсколько лѣтъ тому назадъ эта причина также существовала, но между тѣмъ...

Она выдернула свою руку изъ моей, и щеки ея запылали.

— Можетъ-быть, ты любишь своего второго мужа?

Она не отвѣчала и отвернулась.

— Или онъ очень ревнивъ?

Молчаніе.

— Что жъ! онъ молодъ, хорошъ, особенно, вѣрно, богатъ, и ты боишься... Я взглянулъ на нее и испугался: ея лицо выражало глубокое отчаяніе, на глазахъ сверкали слезы.

— Скажи мнѣ, наконецъ,—прошептала она,—тебѣ очень весело меня мучить? Я бы тебя должна ненавидѣть. Съ тѣхъ поръ, какъ мы знаемъ другъ друга, ты ничего мнѣ не далъ, кромѣ страданій!.. Ея голосъ задрожалъ, она склонилась ко мнѣ и опустила голову на грудь мою.

— Можетъ-быть,—подумалъ я,—ты оттого-то именно меня и любила: радости забываются, а печаль никогда!..“

Вѣра никакъ не хотѣла, чтобы Печоринъ познакомился съ ея мужемъ; но такъ какъ онъ дальній родственникъ Лиговской, и какъ потому Вѣра часто бываетъ у ней, то она и взяла съ него слово познакомиться съ княгинею.

Такъ какъ „Записки“ Печорина есть его автобіографія, то и невозможно дать полнаго понятія о немъ, не прибѣгая къ выпискамъ, а выписокъ нельзя дѣлать, не переписавши

большей части повѣсти. Посему мы принуждены пропускать множество подробностей самыхъ характеристическихъ, и слѣдить только за развитіемъ дѣйствія.

Однажды, гуляя верхомъ, въ черкесскомъ платьѣ, между Пятигорскомъ и Желѣзноводскомъ, Печоринъ спустился въ оврагъ, закрытый кустарникомъ, чтобы напоить коня. Вдругъ онъ видитъ—приближается кавалькада: впереди ѣхалъ Грушницкій съ княжной Мери. Онъ былъ довольно смѣшонъ въ своей сѣрой солдатской шинели, сверхъ которой у него надѣта была шашка и пара пистолетовъ. Причина такого вооруженія та (говоритъ Печоринъ), что дамы на водахъ еще вѣрятъ нападенію черкесовъ.

„— И вы цѣлую жизнь хотите остаться на Кавказѣ?—говорила княжна.

— Что для меня Россія?—отвѣчалъ ея кавалеръ,—страна, гдѣ тысячи людей, потому что они богаче меня, будутъ смотрѣть на меня съ презрѣніемъ, тогда какъ здѣсь,—здѣсь эта толстая шинель не помѣшала моему знакомству съ вами...

— Напротивъ...—сказала княжна, покраснѣвъ.

Въ это время они поравнялись со мной; я ударилъ плетью по лошади и выѣхалъ изъ-за куста.

— Mon Dieu un Circassien!..—вскрикнула княжна въ ужасѣ.

Чтобы ее совершенно разувѣрить, я отвѣчалъ по-французски, слегка поклонясь.

— Ne craignez rien, madame, je ne suis plus dangereux que votre cavalier".

Княжна смутилась отъ этого отвѣта. Вечеромъ того же дня Печоринъ встрѣтился съ Грушницкимъ на бульварѣ.

„— Откуда? Отъ княгини Лиговской,—сказалъ онъ очень важно.—Какъ Мери поетъ!—Знаешь ли что?—сказалъ я ему,—я пари держу, что она не знаетъ, что ты юнкеръ; она думаетъ, что ты разжалованный.

— Быть-можетъ! Какое мнѣ дѣло!..—сказалъ онъ разсѣянно.

— Нѣтъ, я только такъ это говорю...

— А знаешь ли, что ты нынче ужасно ее разсердилъ! Она нашла, что это неслыханная дерзость; я насилу могъ ее увѣрить, что ты не могъ имѣть намѣренія ее оскорбить; она говоритъ, что у тебя наглый взглядъ, что ты вѣрно о себѣ самомъ высокаго мнѣнія.

— Она не ошибается... А не хочешь ли за нее вступиться?

— Мнѣ жаль, что я не имѣю еще этого права...

Ого! думалъ я, у него есть уже надежда.

— Впрочемъ, для тебя же хуже, — продолжалъ Грушницкiй, — теперь тебѣ трудно познакомиться съ ними, а жаль! это одинъ изъ самыхъ прiятныхъ домовъ, какiе я только знаю...

Я внутренно улыбнулся. — Самый прiятный домъ для меня теперь мой, — сказалъ я, зѣвая, и всталъ, чтобы итти.

— Однако признайся, ты раскаиваешься?

— Какой вздоръ! если я захочу, то завтра же вечеромъ буду у княгини...

— Посмотримъ.

— Даже, чтобъ тебѣ сдѣлать удовольствiе, стану волочиться за княжной“.

На балѣ въ ресторацiи Печоринъ услышалъ, какъ одна толстая дама, толкнутая княжною, бранила ее за гордость и изъявила желанiе, чтобы ее проучили, и какъ одинъ услужливый драгунскiй капитанъ, кавалеръ толстой дамы, сказалъ ей, что „за этимъ дѣло не станетъ“. Печоринъ попросилъ княжну на вальсъ, и княжна едва могла подавить на устахъ своихъ улыбку торжества. Сдѣлавши съ нею нѣсколько туровъ, онъ завелъ съ нею разговоръ въ тонѣ кающагося преступника. Хохотъ и шушуканье прервали этотъ разговоръ, — Печоринъ обернулся: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стояла группа мужчинъ, и среди нихъ драгунскiй капитанъ потиралъ отъ удовольствiя руки. Вдругъ выходитъ на середину пьяная фигура съ усами и красной рожей, невѣрными шагами подходитъ къ княжнѣ и, заложивъ руки на спину, уставила на смущенную дѣвушку мутно-сѣрые глаза, и говоритъ ей хриплымъ дискантомъ: „Пермете... ну, да что тутъ!.. просто ангажирую васъ на мазурку...“ Матери княжны не было вблизи; положенiе княжны было ужасно, она готова была упасть въ обморокъ. Печоринъ подошелъ къ пьяному господину и попросилъ его удалиться, говоря, что княжна дала уже ему слово танцовать съ нимъ мазурку. Разумѣется, слѣдствiемъ этой исторiи было формальное знакомство Печорина съ Лиговскими. Въ продолженiе мазурки Печоринъ говорилъ съ княжною, и нашелъ, что она очень мило шутила, что разговоръ ея былъ остеръ, безъ притязанiя на остроту, живъ и свободенъ; ея замѣчанiя иногда глубоки.

Этотъ разговоръ былъ программою той продолжительной интриги, въ которой Печоринъ игралъ роль соблазнителя отъ нечего дѣлать: княжна какъ птичка билась въ сѣтяхъ, разставленныхъ искусною рукою, а Грушницкій попрежнему продолжалъ свою шутовскую роль. Чѣмъ скучнѣе и несноснѣе становился онъ для княжны, тѣмъ смѣлѣе становились его надежды. Вѣра безпокоилась и страдала, замѣчая новыя отношенія Печорина къ Мери; но при малѣйшемъ укорѣ или намекѣ должна была умолкать, покоряясь его обаятельной власти, которую онъ такъ тиранически употреблялъ надъ нею. Но что же Печоринъ? неужели онъ полюбилъ княжну? — нѣтъ. Стало-быть, онъ хочетъ обольстить ее? — нѣтъ. Можетъ быть, жениться? — нѣтъ. Вотъ что онъ самъ говоритъ объ этомъ: „Я часто себя спрашиваю, зачѣмъ я такъ упорно добиваюсь любви молоденькой дѣвочки, которую обольстить я совсѣмъ не хочу, и на которой никогда не женюсь? Къ чему это женское кокетство? Вѣра меня любитъ больше, чѣмъ княжна Мери будетъ любить когда-нибудь: еслибъ она казалась мнѣ непобѣдимой красавицей, то, можетъ-быть, я бы завлекся трудностью предпріятія. Изъ чего же я хлопочу? изъ зависти къ Грушницкому? Бѣдняжка! онъ вовсе ея не заслуживаетъ. Или это слѣдствіе того сквернаго, но непобѣдимаго чувства, которое заставляетъ насъ уничтожать сладкія заблужденія ближняго, чтобы имѣть мелкое удовольствіе сказать ему, когда онъ въ отчаяніи будетъ спрашивать, чему онъ долженъ вѣрить: „Мой другъ, со мной было то же самое, и ты видишь однако, я обѣдаю, ужинаю и сплю преспокойно, и, надѣюсь, сумѣю умереть безъ крика и слезъ!“

Потомъ онъ продолжаетъ, — и тутъ особенно раскрывается его характеръ:

„А, вѣдь, есть необъятное наслажденіе въ обладаніи молодой, едва распустившейся душой! Она какъ цвѣтокъ, котораго лучшій ароматъ испаряется навстрѣчу первому лучу солнца; его надо сорвать въ ту минуту и, подышавъ имъ досыта, бросить на дорогѣ: авось, кто-нибудь подниметъ! Я чувствую въ себѣ ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчаю на своемъ пути, я смотрю на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ

себѣ какъ на пищу, поддерживающую мои душевныя силы. Самъ я больше не способенъ безумствовать подъ вліяніемъ страсти; честолюбіе у меня подавлено обстоятельствами, но оно проявилось въ другомъ видѣ, ибо честолюбіе есть не что иное, какъ жажда власти, а первое мое удовольствіе подчинять моей волѣ все, что меня окружаетъ; возбуждать къ себѣ чувство любви, преданности и страха, не есть ли первый признакъ и величайшее торжество власти? Быть для кого-нибудь причиною страданій и радости, не имѣя на то никакого положительнаго права, не самая ли это сладкая пища нашей гордости? А что такое счастіе? насыщенная гордость. Еслибъ я почиталъ себя лучше, могущественнѣе всѣхъ на свѣтѣ, я былъ бы счастливъ; еслибъ всѣ меня любили, я въ себѣ нашелъ бы безконечные источники любви. Зло порождаетъ зло; первое страданіе даетъ понятіе объ удовольствіи мучить другого: идея зла не можетъ войти въ голову человѣка безъ того, чтобы онъ не захотѣлъ приложить ее къ дѣйствительности; идеи — созданія органическія, — сказалъ кто-то, ихъ рожденіе даетъ уже имъ форму, и эта форма есть дѣйствіе; тотъ, въ чьей головѣ родилось больше идей, тотъ больше другихъ дѣйствуетъ; отъ этого геній, прикованный къ чиновничьему столу, долженъ умереть или сойти съ ума, точно такъ же, какъ человѣкъ съ могучимъ тѣлосложеніемъ, при сидячей жизни и скромномъ поведеніи, умираетъ отъ апоплексическаго удара“.

Такъ вотъ причины, за которыя бѣдная Мери такъ дорого должна поплатиться!.. Какой страшный человѣкъ этотъ Печоринъ! Потому что его безпокойный духъ требуетъ движенія, дѣятельность ищетъ пищи, сердце жаждетъ интересовъ жизни, потому должна страдать бѣдная дѣвушка? „Эгоистъ, злодѣй, извергъ, безнравственный человѣкъ!“... хоромъ закричатъ, можетъ-быть, строгіе моралисты. Ваша правда, господа; но вы-то изъ чего хлопочете? за что сердитесь? Право, намъ кажется, вы пришли не въ свое мѣсто, сѣли за столъ, за которымъ вамъ не поставлено прибора... Не подходите слишкомъ близко къ этому человѣку, не нападайте на него съ такою запальчивою храбростью: онъ на васъ взглянетъ, улыбнется, и вы будете осуждены, и на смущенныхъ лицахъ вашихъ всѣ прочтутъ судъ вашъ. Вы предаете его анаѳемѣ не за пороки, — въ васъ ихъ больше, и въ васъ они чернѣе и позорнѣе, — но за ту смѣлую свободу, за ту желчную откровенность, съ которою онъ говоритъ о нихъ. Вы позво-

ляете человѣку дѣлать все, что ему угодно, быть всѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ, вы охотно прощаете ему и безуміе, и низость, и развратъ; но, какъ пошлину за право торговли, требуете отъ него моральныхъ сентенцій о томъ, какъ долженъ человѣкъ думать и дѣйствовать, и какъ онъ въ самомъ-то дѣлѣ и не думаетъ и не дѣйствуетъ... И зато ваше инквизиторское ауто-да-фе готово для всякаго, кто имѣетъ благородную привычку смотрѣть дѣйствительности прямо въ глаза, не опуская своихъ глазъ, называть вещи настоящими ихъ именами и показывать другимъ себя не въ бальномъ костюмѣ, не въ мундирѣ, а въ халатѣ, въ своей комнатѣ, въ уединенной бесѣдѣ съ самимъ собою, въ домашнемъ расчетѣ съ своею совѣстью... И вы правы: покажитесь передъ людьми хоть разъ въ своемъ позорномъ неглиже, въ своихъ засаленныхъ ночныхъ колпакахъ, въ своихъ оборванныхъ халатахъ, люди съ отвращеніемъ отвернутся отъ васъ, и общество извергнетъ васъ изъ себя. Но этому человѣку нечего бояться: въ немъ есть тайное сознаніе, что онъ не то, чѣмъ самому себѣ кажется, и что онъ есть только въ настоящую минуту. Да, въ этомъ человѣкѣ есть сила духа и могущество воли, которыхъ въ васъ нѣтъ; въ самихъ порокахъ его проблескиваетъ что-то великое, какъ молнія въ черныхъ тучахъ, и онъ прекрасенъ, полонъ поэзіи даже и въ тѣ минуты, когда человѣческое чувство возстаетъ на него... Ему другое назначеніе, другой путь, чѣмъ вамъ. Его страсти — бури, очищающія сферу духа; его заблужденія, какъ ни страшны они, острыя болѣзни въ молодомъ тѣлѣ, укрѣпляющія его на долгую и здоровую жизнь. Это лихорадки и горячки, а не подагра, не ревматизмъ и геморрой, которыми вы, бѣдные, такъ безплодно страдаете... Пусть онъ клевещетъ на вѣчные законы разума, поставляя высшее счастіе въ насыщенной гордости; пусть онъ клевещетъ на человѣческую природу, видя въ ней одинъ эгоизмъ; пусть клевещетъ на самого себя, принимая моменты своего духа за его полное развитіе и смѣшивая юность съ возмужалостью, — пусть... Настанетъ торжественная минута, и противорѣчіе

разрѣшатся, борьба кончится, и разрозненные звуки души сольются въ одинъ гармоническій аккордъ!.. Даже и теперь онъ проговаривается и противорѣчитъ себѣ, уничтожая одною страницею всѣ предыдущія: такъ глубока его натура, такъ врождена ему разумность, такъ силенъ у него инстинктъ истины! Послушайте, что говоритъ онъ тотчасъ послѣ того мѣста, которое, вѣроятно, такъ возмущаетъ моралистовъ:

„Страсти не что иное, какъ идеи при первомъ своемъ развитіи: онѣ принадлежность юности сердца, и глупецъ тотъ, кто думаетъ ими цѣлую жизнь любоваться: многія спокойныя рѣки начинаются шумными водопадами, а ни одна не скачетъ и не пѣнится до самаго моря. *Но это спокойствіе часто признакъ великой, хотя скрытой силы: полнота и глубина чувствъ и мыслей не допускаетъ бѣшеныхъ порывовъ:* душа, страдая и наслаждаясь, даетъ во всемъ себѣ строгій отчетъ, и убѣждается въ томъ, что такъ должно: она знаетъ, что безъ грозъ постоянный зной солнца ее изсушитъ, она проникается своей собственной жизнью, лелѣетъ и наказываетъ себя, какъ любимаго ребенка. *Только въ этомъ высшемъ состояніи самопознанія человѣкъ можетъ оцѣнить правосудіе Божіе*“.

Но пока (прибавимъ мы отъ себя), пока человѣкъ не дошелъ до этого высшаго состоянія самопознанія, если ему назначено дойти до него,—онъ долженъ страдать отъ другихъ и заставлять страдать другихъ, возставать и падать, падать и возставать, отъ заблужденій переходить къ заблужденію и отъ истины къ истинѣ. Всѣ эти отступленія суть необходимые маневры въ сферѣ сознанія: чтобы дойти до мѣста, часто надо дать большой крюкъ, совершить длинный обходъ, ворочаться съ дороги назадъ. Царство истины есть обѣтованная земля, и путь къ ней — аравійская пустыня. Но, скажете вы, за что же другіе должны гибнуть отъ такихъ страстей и ошибокъ? А развѣ мы сами не гибнемъ иногда какъ отъ собственныхъ, такъ и отъ чужихъ? Кто выйдетъ изъ горнила испытанія чистъ и свѣтелъ какъ золото, натура того благородный металлъ: кто сгоритъ или не очистится, натура того — дерево или желѣзо. И если многія благородныя натуры погибаютъ жертвами случайности, разрѣшеніе на этотъ вопросъ даетъ ре-

лигіи. Для насъ ясно и положительно одно: безъ бурь нѣтъ плодородія, и природа изнываетъ; безъ страстей и противорѣчій нѣтъ жизни, нѣтъ поэзіи. Лишь бы только въ этихъ страстяхъ и противорѣчіяхъ была разумность и человѣчность, и ихъ результаты вели бы человѣка къ его цѣли, — а судъ принадлежитъ не намъ: для каждаго человѣка судъ въ его дѣлахъ и ихъ слѣдствіяхъ! Мы должны требовать отъ искусства, чтобы оно показывало намъ дѣйствительность, какъ она есть, ибо какова бы она ни была, эта дѣйствительность, она больше скажетъ намъ, больше научитъ насъ, чѣмъ всѣ выдумки и поученія моралистовъ...

Но, скажутъ, можетъ-быть, резонеры, — зачѣмъ рисовать картины возмутительныхъ страстей, вмѣсто того, чтобы плѣнять воображеніе изображеніемъ кроткихъ чувствованій природы и любви, и трогать сердце и поучать умъ? — Старая пѣсня, господа, такъ же старая, какъ и „Выйду-ль я на рѣченьку, посмотрю на быструю!“... Литература восемнадцатаго вѣка была по преимуществу моральною и разсудочною, въ ней не было другихъ повѣстей, какъ contes moraux и contes philosophiques; однакожъ эти нравственныя и философскія книги никого не исправили, и вѣкъ все-таки былъ по преимуществу безнравственнымъ и развратнымъ. И это противорѣчіе очень понятно. Законы нравственности въ натурѣ человѣка, въ его чувствѣ, и потому они не противорѣчатъ его дѣламъ; а кто чувствуетъ и поступаетъ сообразно съ своимъ чувствомъ, тотъ мало говоритъ. Разумъ не сочиняетъ, не выдумываетъ законовъ нравственности, но только сознаетъ ихъ, принимая ихъ отъ чувства какъ данныя, какъ факты. И потому чувство и разумъ суть не противорѣчащіе, не враждебные другъ другу, но родственные или, лучше сказать, тождественные элементы духа человѣческаго. Но когда человѣку или отказано природою въ нравственномъ чувствѣ, или оно испорчено дурнымъ воспитаніемъ, безпорядочною жизнью, — тогда его разсудокъ изобрѣтаетъ свои законы нравственности. Говоримъ: разсудокъ, а не разумъ, ибо разумъ есть сознавшее себя чувство, которое даетъ ему въ себѣ пред-

меть и содержаніе для мышленія; а разсудокъ, лишенный дѣйствительнаго содержанія, по необходимости прибѣгаетъ къ произвольнымъ построеніямъ. Вотъ происхожденіе морали, и вотъ причина противорѣчія между словами и поступками записныхъ моралистовъ. Для нихъ дѣйствительность ничего не значитъ: они не обращаютъ никакого вниманія на то, что есть, и не предчувствуютъ его необходимости: они хлопочутъ только о томъ, что и какъ должно быть. Это ложное философское начало породило и ложное искусство еще задолго до XVIII вѣка,—искусство, которое изображало какую-то небывалую дѣйствительность, создавало какихъ-то небывалыхъ людей. Въ самомъ дѣлѣ, неужели мѣсто дѣйствія Корнелевскихъ и Расиновскихъ трагедій — земля, а не воздухъ, ихъ дѣйствующія лица— люди, а не маріонетки? Принадлежатъ ли эти рыцари, герои, наперсники и вѣстники какому-нибудь вѣку, какой-нибудь странѣ? говорилъ ли кто-нибудь отъ созданія міра языкомъ, похожимъ на ихъ языкъ!.. Восемнадцатый вѣкъ довелъ это разсудочное искусство до послѣднихъ предѣловъ нелѣпости: онъ только о томъ и хлопоталъ, чтобы искусство шло навыворотъ дѣйствительности, и сдѣлалъ изъ нея мечту, которая и въ нѣкоторыхъ добрыхъ старичкахъ нашего времени еще находитъ своихъ магическихъ витязей. Тогда думали быть поэтами, воспѣвая Хлой, Филидъ, Дорисъ въ фижмахъ и мушкахъ, и Меналковъ, Дametовъ, Титировъ, Миконовъ, Миртилисовъ и Мелибеевъ въ шитыхъ кафтанахъ: восхваляли мирную жизнь подъ соломенною кровлею, у свѣтлаго ручейка Ладона, съ милою подругою, невинною пастушкою, въ то время какъ сами жили въ раззолоченныхъ палатахъ, гуляли въ стриженыхъ аллеяхъ, вмѣсто одной пастушки, имѣли по тысячѣ овечекъ, и для доставленія себѣ оныхъ благъ готовы были на всяческая...

Нашъ вѣкъ гнушается этимъ лицемѣрствомъ. Онъ громко говоритъ о своихъ грѣхахъ, но не гордится ими: обнажаетъ свои кровавыя раны, а не прячетъ ихъ подъ нищенскими лохмотьями притворства. Онъ понялъ, что со-

знаніе своей грѣховности есть первый шагъ къ спасенію. Онъ знаетъ, что дѣйствительное страданіе лучше мнимой радости.. Для него польза и нравственность только въ одной истинѣ, а истина — въ сущемъ, т.-е. въ томъ, что есть. Потому и искусство нашего вѣка есть воспроизведеніе разумной дѣйствительности. Задача нашего искусства — не представить событія въ повѣсти, романѣ или драмѣ, сообразно съ предположенною заранѣе цѣлью, но развить ихъ сообразно съ законами разумной необходимости. И въ такомъ случаѣ, каково бы ни было содержаніе поэтическаго произведенія, его впечатлѣніе на душу читателя будетъ благодатно, и, слѣдовательно, нравственная цѣль достигнется сама собою. Намъ скажутъ, что безнравственно представлять ненаказаннымъ и торжествующимъ порокъ: мы противъ этого и не споримъ. Но и въ дѣйствительности порокъ торжествуетъ только внѣшнимъ образомъ: онъ въ самомъ себѣ носитъ свое наказаніе и гордою улыбкою только подавляетъ внутреннее терзаніе. Такъ точно и новѣйшее искусство: оно показываетъ, что судъ человѣка — въ дѣлахъ его: оно, какъ необходимость, допускаетъ въ себѣ диссонансы, производимые въ гармоніи нравственнаго духа, но для того, чтобы показать, какъ изъ диссонанса снова возникаетъ гармонія, — черезъ то ли, что раззвучная струна снова настраивается или разрывается вслѣдствіе ея своевольнаго разлада. Это міровой законъ жизни, а, слѣдовательно, и искусства. Вотъ другое дѣло, если поэтъ захочетъ въ своемъ произведеніи показать, что результаты добра и зла одинаковы для людей, — оно будетъ безнравственно, но тогда уже оно и не будетъ произведеніемъ искусства, и какъ крайности сходятся, то оно, вмѣстѣ съ моральными произведеніями, составитъ одинъ общій разрядъ непоэтическихъ произведеній, писанныхъ съ опредѣленною цѣлью. Далѣе мы изъ самаго разбираемаго нами сочиненія докажемъ, что оно не принадлежитъ ни къ тѣмъ ни къ другимъ, и въ основаніи своемъ глубоконравственно. Но пора намъ обратиться къ нему.

На отлогости Машука, въ верстѣ отъ Пятигорска, есть

провалъ. Въ одинъ день тамъ назначено было гулянье и родъ бала подъ открытымъ небомъ. Печоринъ спросилъ Грушницкаго, произведеннаго въ офицеры, идетъ ли онъ къ провалу, а тотъ отвѣчалъ, что ни за что въ свѣтѣ не явится передъ княжною прежде, нежели будетъ готовъ его мундиръ, и просилъ его не предувѣдомлять ее о его производствѣ.

„— Скажи мнѣ однако, какъ твои дѣла съ нею?..

Онъ смутился и задумался: ему хотѣлось похвастаться, солгать—и было совѣстно, а вмѣстѣ съ этимъ было стыдно признаться въ истинѣ.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?..

— Любитъ ли? Помилуй, Печоринъ, какія у тебя понятія? какъ можно такъ скоро? Да если даже она и любитъ, то порядочная женщина этого не скажетъ.

— Хорошо! и, вѣроятно, по-твоему порядочный человѣкъ долженъ тоже молчать о своей страсти?..

— Эхъ, братецъ! На все есть манера; многое не говорится, а отгадывается.

— Это правда... Только любовь, которую мы читаемъ въ глазахъ, ни къ чему женщину не обязываетъ, тогда какъ слова... Берегись, Грушницкій, она тебя надуваетъ...

— Она...—отвѣчалъ онъ, поднявъ глаза къ небу и самодовольно улыбнувшись,—мнѣ жаль тебя, Печоринъ!“

Многочисленное общество отправилось вечеромъ къ провалу. Взбирались на гору, Печоринъ подалъ руку княжнѣ, и она не покидала ея въ продолженіе всей прогулки. Разговоръ ихъ начался злословіемъ. Желчь Печорина взволновалась—и, начавши шутя, онъ кончилъ искреннею злостью. Сперва это забавляло княжну, а потомъ испугало. Она сказала ему, что лучше желала бы попасться подъ ножъ убійцы, чѣмъ ему на язычокъ. Онъ на минуту задумался, а потомъ, принявъ на себя глубоко-тронутый видъ, началъ жаловаться на свою участь, которая, по его словамъ, такъ жалка съ самаго его дѣтства.

„Всѣ читали на моемъ лицѣ признаки дурныхъ свойствъ, которыхъ не было, но ихъ предполагали—и они родились. Я былъ скроменъ —меня обвиняли въ лукавствѣ: я сталъ скрытенъ. Я глубоко чувствовалъ добро и зло: никто меня не ласкалъ, всѣ оскорбляли—я сталъ злопамятенъ; я былъ угрюмъ—другія дѣти

были веселы и болтливы; я чувствовалъ себя выше ихъ — меня ставили ниже; я сдѣлался завистливъ. Я былъ готовъ любить весь міръ,— меня никто не понялъ, и я выучился ненавидѣть. Моя безцвѣтная молодость протекла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ: лучшія мои чувства, боясь насмѣшки, я хоронилъ въ глубинѣ сердца; они тамъ и умерли. Я говорилъ правду — мнѣ не вѣрили: я началъ обманывать; узнавъ хорошо свѣтъ и пружины общества, я сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ я такъ неутомимо добивался. И тогда въ груди моей родилось отчаяніе, — не то отчаяніе, которое лѣчатъ дуломъ пистолета,— но холодное, безсильное отчаяніе, прикрытое любезностью и добродушною улыбкой; я сдѣлался нравственнымъ калѣкой: одна половина души моей не существовала, она высохла, умерла, я ее отрѣзалъ и бросилъ, тогда какъ другая шевелилась и жила къ услугамъ каждаго, и этого никто не замѣтилъ, потому что никто не зналъ о существованіи погибшей ея половины; но вы теперь во мнѣ разбудили воспоминаніе о ней, и я вамъ прочелъ ея эпитафію. Многимъ всѣ вообще эпитафіи кажутся смѣшными, но мнѣ нѣтъ, особенно когда вспомню, что подъ ними покоится. Впрочемъ, я не прошу васъ раздѣлять мое мнѣніе: если моя выходка вамъ кажется смѣшна — пожалуйста, смѣйтесь — предупреждаю васъ, что это меня не огорчитъ ни мало“.

Отъ души ли говорилъ это Печоринъ или притворялся,— трудно рѣшить опредѣлительно; кажется, что тутъ было и то и другое. Люди, которые вѣчно находятся въ борьбѣ съ внѣшнимъ міромъ и съ самимъ собою, всегда недовольны, всегда огорчены и желчны. Огорченіе есть постоянная форма ихъ бытія, и что бы ни попалось имъ на глаза, все служитъ имъ содержаніемъ для этой формы. Мало того, что они хорошо помнятъ свои истинныя страданія,— они еще неистощимы въ выдумываніи небывалыхъ. Вздумайте ихъ утѣшать — они разсердятся; покажите имъ причины ихъ горестей въ настоящемъ ихъ свѣтѣ — они оскорбятся. Помогите имъ бранить самихъ себя, взвалите на нихъ небывалыя обиды жизни, отыщите небывалые недостатки и пороки въ ихъ характерѣ — вы польстите имъ и выиграете ихъ расположеніе. Если вы нападете на человѣка недостаточно глубокаго и сильнаго,— будьте осторожны: вы можете или оскорбить его самолюбіе такъ, что возбудите въ себѣ его ненависть, или убить въ немъ всякую

увѣренность въ себя и возродить отчаяніе, —и тогда вамъ предстоитъ горькая и мучительно скучная роль утѣшителя и повѣреннаго однѣхъ и тѣхъ же жалобъ. Если же это человѣкъ глубокій и сильный,—не бойтесь слишкомъ далеко зайти въ нападкахъ на него и на жизнь: у него есть лазеечка изъ этой западни: „я дуренъ, но, вѣдь, и всѣ таковы“. А вы знаете, что, по пословицѣ, при людяхъ и смерть не страшна,—и какъ бы вы ни представлялись себѣ дурнымъ, но если и лучшій изъ людей не лучше васъ,—ваше самолюбіе спасено. И вотъ почему такіе люди такъ неистощимы въ самообвиненіи: оно обращается имъ въ привычку. Обманывая другихъ, они прежде всего обманываютъ себя. Истинная или ложная причина ихъ жалобъ, — имъ все равно, и желчная горесть ихъ равно искренна и непритворна. Мало того: начиная лгать съ сознаніемъ или начиная шутить—они продолжаютъ и оканчиваютъ искренно. Они сами не знаютъ, когда лгутъ и когда говорятъ правду, когда слова ихъ—вопль души или когда они — фразы. Это дѣлается у нихъ вмѣстѣ и болѣзнью души, и привычкою, и безумствомъ, и кокетничаньемъ. Во всей выходкѣ Печорина вы замѣчаете, что у него страждетъ самолюбіе, отчего родилось у него отчаяніе? — Видите ли: онъ узналъ хорошо свѣтъ и пружины общества, сталъ искусенъ въ наукѣ жизни и видѣлъ, какъ другіе безъ искусства счастливы, пользуясь даромъ тѣми выгодами, которыхъ онъ такъ неутомимо добивался. Какое мелкое самолюбіе! воскликнете вы. Но не торопитесь вашимъ приговоромъ: онъ клевещетъ на себя; повѣрьте мнѣ, онъ и даромъ бы не взялъ того счастія, которому завидовалъ у этихъ *другихъ* и котораго добивался. Но княжнѣ отъ этого не легче: она все приняла за наличную монету. Печоринъ не ошибся, сказавъ, что въ немъ два человѣка: въ то время, какъ одинъ такъ горько жаловался ни на что, другой наблюдалъ и за нимъ и за княжной, и вотъ что замѣтилъ за послѣднею:

„Въ эту минуту я встрѣтилъ ея глаза: въ нихъ бѣгали слезы; рука ея, опираясь на мою, дрожала, щеки пылали: ей было жаль

меня! Состраданіе—чувство, которому покоряются такъ легко всѣ женщины, впустило свои когти въ ея неопытное сердце. Во все время прогулки она была разсѣянна, ни съ кѣмъ не кокетничала,—а это великій признакъ...“

Бѣдная Мери! Какъ систематически, съ какою разсчитанною точностью ведетъ ее злой духъ по пути погибели! Подошедши къ провалу, всѣ дамы оставили своихъ кавалеровъ, но она не оставляла руку Печорина: остроты тамошнихъ денди не смѣшили ея; крутизна обрыва, у котораго она стояла, не пугала ее, тогда какъ другія барышни пищали и закрывали глаза. На возвратномъ пути она была разсѣянна, грустна. „Любили ли вы?“ спросилъ ее Печоринъ: она пристально на него посмотрѣла, покачала головой и снова задумалась... Казалось, что-то хотѣлось сказать, но она не знала, съ чего начать; грудь ея волновалась. „Не правда ли, я была сегодня очень любезна“,—сказала она, при разставаньи, съ принужденною улыбкою. Печоринъ, вмѣсто ея, отвѣтилъ самому себѣ: „Она недовольна собой, она себя обвиняетъ въ холодности... о, это первое, главное торжество! Завтра она захочетъ вознаградить меня. Я все это ужъ знаю наизусть—вотъ что скучно!“—Бѣдная Мери!

Между тѣмъ Вѣра мучилась ревностью, и мучила ею Печорина. Она взяла съ него слово уѣхать въ Кисловодскъ и нанять себѣ квартиру возлѣ того дома, верхъ котораго она займетъ съ мужемъ, а низъ—княгиня Лиговская, которая сбирается туда еще черезъ недѣлю. Вечеръ того же дня Печоринъ провелъ у Лиговскихъ и веселился, замѣчая успѣхи чувства въ княжнѣ. Вѣра все это видѣла и страдала. Чтобы утѣшить ее, онъ разсказалъ вслухъ исторію своей любви съ нею, разумѣется, прикрывъ все вымышленными именами. „Я,—говоритъ онъ,—такъ живо изобразилъ мою нѣжность, мои безпокойства, восторги; я въ такомъ выгодномъ свѣтѣ выставилъ ея поступки, характеръ, что она поневолѣ должна была простить мнѣ мое кокетство съ княжною“.

На другой день—балъ въ рестораціи. За полчаса до бала

къ Печорину явился Грушницкій въ полномъ сіяніи армейскаго мундира.—„Ты, говорятъ, эти дни ужасно волочился за моею княжною?“—сказалъ онъ довольно небрежно и не глядя на Печорина. „Гдѣ намъ, дуракамъ, чай пить!“ отвѣчалъ тотъ. Затѣмъ Грушницкій спросилъ у него духовъ; несмотря на замѣчанія Печорина, что отъ него и такъ несетъ розовою помадой, налилъ полсклянки за галстукъ, въ носовой платокъ и на рукава, и заключилъ опасеніемъ, что ему придется начинать съ княжною мазурку, тогда какъ онъ не знаетъ почти ни одной фигуры. На вопросъ Печорина: „А ты звалъ ее на мазурку?“ онъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и поспѣшилъ дожидаться ее у подъѣзда. Разумѣется, на балу бѣдный Грушницкій разыгралъ, благодаря Печорину, очень смѣшную роль. Княжна очень разсѣянно его слушала и отвѣчала насмѣшками на его трагикомическія выходки. „Нѣтъ,—говорилъ онъ, — лучше бы мнѣ вѣкъ остаться въ этой презрѣнной солдатской шинели, которой, можетъ-быть, я былъ обязанъ вашимъ вниманіемъ..“ — „Въ самомъ дѣлѣ, вамъ шинель гораздо болѣе къ лицу“,— отвѣчала княжна и, замѣтивъ подошедшаго къ нимъ Печорина, обратилась къ нему съ вопросомъ о его мнѣніи объ этомъ предметѣ. „Я съ вами несогласенъ,—отвѣчалъ Печоринъ,—въ мундирѣ онъ еще моложавѣе“. Этотъ злой намекъ на лѣта мальчика, который хотѣлъ бы, чтобы на его лицѣ читали слѣды сильныхъ страстей, взбѣсилъ Грушницкаго: онъ топнулъ ногою и отошелъ. Все остальное время онъ преслѣдовалъ княжну: танцовалъ или съ нею, или vis-à-vis, вздыхалъ и надоѣдалъ ей мольбами и упреками. Послѣ третьей кадрили она ужъ его ненавидѣла.

„— Я этого не ожидалъ отъ тебя,—сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ и взявъ меня за руку.

— Чего?

— Ты съ нею танцуешь мазурку?—спросилъ онъ торжественнымъ голосомъ.—Она мнѣ призналась...

— Ну, такъ что жъ? а развѣ это секретъ?

— Разумѣется... Я долженъ былъ этого ожидать отъ дѣвчонки... отъ кокетки... Ужъ я отомщу!

— Пеняй на свою шинель или на свои эполеты, а зачѣмъ же обвинять ее? Чѣмъ она виновата, что ты ей больше не нравишься?..

— Зачѣмъ же подавать надежды?
— Зачѣмъ же ты надѣялся?“

Печоринъ достигъ своей цѣли: Грушницкій отошелъ отъ него съ чѣмъ-то въ родѣ угрозы. Это его радовало и забавляло, но что же за радость бѣсить добраго, пустого малаго, и для этого играть обдуманную роль, дѣйствовать по обдуманному плану? Что это: слѣдствіе праздности ума или мелкости души? Вотъ что думалъ объ этомъ онъ самъ, сбираясь на балъ.

„Я шелъ медленно; мнѣ было грустно... Неужели,—думалъ я,—мое единственное назначеніе—разрушать чужія надежды? Съ тѣхъ поръ, какъ я живу и дѣйствую, судьба какъ-то всегда приводила меня къ развязкѣ чужихъ драмъ, какъ будто безъ меня никто не могъ бы ни умереть ни прійти въ отчаяніе! Я былъ необходимое лицо пятаго акта; невольно я разыгрывалъ роль палача или предателя. Какую цѣль имѣла на это судьба?.. Ужъ не назначенъ ли я ею въ сочинители мѣщанскихъ трагедій и семейныхъ романовъ, или въ сотрудники поставщику повѣстей, напримѣръ, для „Библіотеки для Чтенія“?... Почему знать?.. Мало ли людей, начиная жизнь, думаютъ кончить ее, какъ Александръ Великій или лордъ Байронъ, а между тѣмъ цѣлый вѣкъ остаются титулярными совѣтниками“.

Мы нарочно выписали это мѣсто, какъ одну изъ самыхъ характеристическихъ чертъ двойственности Печорина. Въ самомъ дѣлѣ, въ немъ два человѣка: первый дѣйствуетъ, второй смотритъ на дѣйствіе перваго, и разсуждаетъ о нихъ или, лучше сказать, осуждаетъ ихъ, потому что они дѣйствительно достойны осужденія. Причины этого раздвоенія, этой ссоры съ самимъ собою, очень глубоки, и въ нихъ же заключается противорѣчіе между глубокостью натуры и жалкостью дѣйствія одного и того же человѣка. Ниже мы коснемся ихъ причинъ, а пока замѣтимъ только, что Печоринъ, ошибочно дѣйствуя, еще ошибочнѣе судитъ себя. Онъ смотритъ на себя, какъ на человѣка, вполнѣ развившагося и опредѣлившагося: удивительно ли, что и его взглядъ на человѣка вообще мраченъ, желченъ и ложенъ?.. Онъ какъ будто не знаетъ, что есть эпоха въ жизни человѣка, когда ему досадно, зачѣмъ дуракъ глупъ, подлецъ низокъ, зачѣмъ толпа пошла, зачѣмъ на сотню пустыхъ людей едва встрѣ-

тишь одного порядочнаго человѣка... Онъ какъ будто не знаетъ, что есть такія пылкія и сильныя души, которыя въ эту эпоху своей жизни находятъ неизъяснимое наслажденіе въ сознаніи своего превосходства, мстятъ посредственности за ея ничтожность, вмѣшиваются въ ея расчеты и дѣла, чтобы мѣшать ей, разрушая ихъ... Но еще болѣе, онъ какъ будто бы не знаетъ, что для нихъ приходитъ другая эпоха жизни—результатъ первой, когда они или равнодушно на все смотрятъ, не сочувствуя добру, не оскорбляясь зломъ, или увѣряются, что въ жизни и зло необходимо, какъ и добро, что въ арміи общества человѣческаго рядовыхъ всегда должно быть больше, чѣмъ офицеровъ, что глупость должна быть глупа, потому что она глупость, а подлость подла, потому что она подлость, и они оставляютъ ихъ итти своею дорогою, если не видятъ отъ нихъ зла, или не видятъ возможности помѣшать ему, и повторяютъ про себя то съ радостью, то съ грустною улыбкою: „и все то благо, все добро“! Увы, какъ дорого достается уразумѣніе самыхъ простыхъ истинъ!.. Печоринъ еще не знаетъ этого, и именно потому, что думаетъ, что все знаетъ.

Позабавившись надъ Грушницкимъ, онъ позабавился и надъ княжною, хотя совсѣмъ другимъ образомъ.

„Я два раза пожалъ ея руку... но второй разъ она ее выдернула, не говоря ни слова.

— Я дурно буду спать эту ночь,—сказала она мнѣ, когда мазурка кончилась.

— Этому виноватъ Грушницкій.

— О, нѣтъ!—И лицо ея стало такъ задумчиво, такъ грустно, что я далъ себѣ слово въ этотъ вечеръ непремѣнно поцѣловать ея руку.

Стали разъѣзжаться. Сажая княжну въ карету, я быстро прижалъ ея маленькую ручку къ губамъ своимъ. Было темно, и никто не могъ этого видѣть.

Я возвратился въ залу очень довольный собою“.

Съ этого времени исторія круто поворотилась, и изъ комической начала переходить въ трагическую. Доселѣ Печоринъ сѣялъ—теперь настаетъ время пожинать ему плоды посѣяннаго. Мы думаемъ, что въ этомъ и должна заключаться истинная нравственность поэтическаго произведенія, а не въ пошлыхъ сентенціяхъ.

Грушницкій, наконецъ, понялъ, что онъ одураченъ, но вмѣсто того, чтобы въ самомъ себѣ увидѣть причину своего позора, онъ увидѣлъ ее въ Печоринѣ. Къ нему присталъ драгунскій капитанъ и всѣ другіе, которыхъ оскорбляло превосходство Печорина — и противъ Печорина начала составляться враждебная партія; но онъ не испугался, а обрадовался этому, увидѣвъ новую пищу для своей праздной дѣятельности... „Очень радъ: я люблю враговъ, хотя не по-христіански. Они меня забавляютъ, волнуютъ мнѣ кровь. Быть всегда на стражѣ, ловить каждый взглядъ, значеніе каждаго слова, угадывать намѣреніе, притворяться обманутымъ, и вдругъ однимъ толчкомъ опрокинуть все огромное и многотрудное зданіе ихъ хитростей и замысловъ—вотъ что я называю жизнью!“ — Ошибочное названіе!—восклицаете вы, — и мы согласны съ вами; но сила всегда остается силою, и всегда будетъ полна поэзіи, всегда будетъ восхищать и удивлять васъ, хотя бы она дѣйствовала и деревяннымъ мечомъ, вмѣсто булатнаго... Есть люди, въ рукахъ которыхъ и простая палка опаснѣе, чѣмъ у иныхъ шпага: Печоринъ изъ такихъ людей..

На другой день Вѣра уѣхала съ мужемъ въ Кисловодскъ. Печоринъ винитъ ее самое въ причинѣ ея жалобъ на него: она отказываетъ ему въ свиданіи наединѣ. „Авось—говоритъ онъ—ревность сдѣлаетъ то, чего не могли мои просьбы“. Вечеромъ онъ заходилъ къ Лиговскимъ и не видалъ княжны—она больна. Возвратясь домой, онъ замѣтилъ, что ему чего-то не достаетъ. „Я не видалъ ея! Она больна! Ужъ не влюбился ли я въ самомъ дѣлѣ? Какой вздоръ!“ — Видите ли: какъ увлекательна эта игра въ увлеченіе, какъ легко, увлекая другихъ, увлечься и самому?. Какъ ни старается Печоринъ выставить себя холоднымъ обольстителемъ безъ всякой цѣли, отъ нечего дѣлать, однако для насъ его холодность очень подозрительна. Конечно, это еще не любовь, но, вѣдь, трудно разбирать и различать свои ощущенія: собственное сердце всякаго есть самый извилистый, самый темный лабиринтъ.. На другой день онъ застать ее одну. Она была блѣдна и задумчива „Вы на меня

сердитесь?“ Она заплакала и закрыла лицо руками. „Что съ вами?“—„Вы меня не уважаете!..“ отвѣчала она. Онъ ей сказалъ что-то въ родѣ извиненія и тщеславной загадки на счетъ своего характера—и вышелъ; но, уходя, слышалъ, какъ она плакала. Бѣдная дѣвушка! стрѣла такъ глубоко вошла въ ея сердце, что дѣло не можетъ кончиться хорошо!.. Въ тотъ же день Печоринъ узналъ отъ Вернера, что ходятъ слухи, будто онъ женится на княжнѣ...

Наконецъ, дѣйствіе переносится въ Кисловодскъ. Однажды многочисленная кавалькада отправилась смотрѣть Кольцо-скалу, образующую ворота, верстахъ въ трехъ отъ Кисловодска. Когда, на возвратномъ пути, переѣзжали черезъ Подкумокъ, у княжны закружилась голова, оттого что она смотрѣла въ воду.—„Мнѣ дурно!“—проговорила она слабымъ голосомъ. Печоринъ обвилъ рукою ея гибкій станъ, щека ея почти касалась его щеки, отъ нея вѣяло пламенемъ... „Что вы со мной дѣлаете? Боже мой!..“ говорила она; но онъ не обращалъ вниманія на ея слова—и губы его коснулись ея щеки... Выѣхавъ на берегъ, всѣ пустились рысью, княжна пріостановила свою лошадь, и они опять поѣхали позади всѣхъ. Послѣ долгаго молчанія, умышленнаго со стороны Печорина, она, наконецъ, сказала голосомъ, въ которомъ были слезы:

„Или вы меня презираете или очень любите! Можетъ-быть, вы хотите посмѣяться надо мною, возмутить мою душу, и потомъ оставить... Это было бы такъ подло, такъ низко, что одно предположеніе... О, нѣтъ! не правда ли,—прибавила она голосомъ нѣжной довѣрчивости:—не правда ли, во мнѣ нѣтъ ничего такого, что бы исключало уваженіе? Вашъ дерзкій поступокъ... я должна вамъ его простить, потому что позволила... Отвѣчайте, говорите же; я хочу слышать вашъ голосъ!

Въ послѣднихъ словахъ было такое женское нетерпѣніе, что я невольно улыбнулся; къ счастью, начинало смеркаться... Я ничего не отвѣчалъ.

— Вы молчите?—продолжала она:—вы, можетъ-быть, хотите, чтобы я первая сказала вамъ, что я васъ люблю?..

Я молчалъ.

— Хотите ли этого?—продолжала она, быстро обратясь ко мнѣ... Въ рѣшительности ея взора и голоса было что-то страшное...

— Зачѣмъ?—отвѣчалъ я, пожавъ плечами.

Она ударила хлыстомъ свою лошадь и пустилась во весь духъ по узкой, опасной дорогѣ: это произошло такъ скоро, что я едва могъ ее догнать, и то, когда уже она присоединилась къ остальному обществу. До самого дома она говорила и смѣялась поминутно; въ ея движеніяхъ было что-то лихорадочное; на меня не взглянула ни разу. Всѣ замѣтили эту необыкновенную веселость. И княгиня внутренно радовалась, глядя на свою дочку; а у дочки просто нервическій припадокъ, она проведетъ ночь безъ сна и будетъ плакать. *Эта мысль мнѣ доставляетъ необъятное наслажденіе: есть минуты, когда я понимаю Вампира!.. а еще слыву добрымъ малымъ, и добиваюсь этого названія*".

Что такое вся эта сцена? Мы понимаемъ ее только какъ свидѣтельство, до какой степени ожесточенія и безнравственности можетъ довести человѣка вѣчное противорѣчіе съ самимъ собою, вѣчно неудовлетворяемая жажда истинной жизни, истиннаго блаженства; но послѣдней черты ея мы рѣшительно не понимаемъ... Она кажется намъ преумышленною клеветою на самого себя, чертою изысканною и натянутою,—словомъ, намъ кажется, что здѣсь Печоринъ впалъ въ Грушницкаго, хотя и болѣе страшнаго, чѣмъ смѣшного... И, если мы не ошибаемся въ своемъ заключеніи, это очень понятно: состояніе противорѣчія съ самимъ собою необходимо условливаетъ большую или меньшую изысканность и натянутость въ положеніяхъ...

Возвращаясь домой слободкою, Печоринъ услышалъ изъ одного дома нестройный говоръ и шумные крики. Онъ слѣзъ съ коня, и сталъ подслушивать. Говорили о немъ. Драгунскій капитанъ кричалъ, что его надо проучить, что эти петербургскіе слетки зазнаются, пока ихъ не ударишь по носу; что Печоринъ думаетъ, что онъ только одинъ и жилъ въ свѣтѣ, оттого что носитъ всегда чистыя перчатки и вычищенные сапоги, и что онъ долженъ быть трусъ. Грушницкій подтвердилъ достовѣрность послѣдняго предположенія, выдумавъ какое-то происшествіе, въ которомъ будто бы Печоринъ сыгралъ передъ нимъ не слишкомъ выгодную для своей чести роль. Почтенная компанія поджигаетъ Грушницкаго—имя княжны упоминается. Впрочемъ, драгунскій капитанъ хочетъ только позабавиться надъ Печоринымъ, заставить его обнаружить свою трусость. Онъ

предлагаетъ Грушницкому вызвать его на дуэль, а себѣ предоставляетъ поставить ихъ въ шести шагахъ, и въ пистолеты не положить пуль.

„Я съ трепетомъ ждалъ отвѣта Грушницкаго; холодная злость овладѣла мною при мысли, что еслибъ не случай, то я могъ бы сдѣлаться посмѣшищемъ этихъ дураковъ. Еслибъ Грушницкій не согласился, я бросился бъ ему на шею. Но послѣ нѣкотораго молчанія онъ всталъ съ своего мѣста, протянулъ руку капитану и сказалъ очень важно: хорошо, я согласенъ".

По утру Печоринъ встрѣтилъ княжну у колодца. Это свиданіе было странною развязкою пустой и ничтожной драмы, которая предшествовала другой драмѣ, не менѣе пустой и ничтожной въ сущности, но еще съ болѣе странною развязкою.

„— Вы больны?—сказала она, пристально посмотрѣвъ на меня.

— Я не спалъ всю ночь.

— И я также... я васъ обвиняла... можетъ-быть, напрасно?— Но объяснитесь, я могу вамъ простить все...

— Все ли?

— Все... только говорите правду... только скорѣе... Видите ли, я много думала, стараясь объяснить, оправдать ваше поведеніе: можетъ-быть, вы боитесь препятствій со стороны моихъ родныхъ... это ничего: когда они узнаютъ... (ея голосъ задрожалъ) я ихъ упрошу. Или ваше собственное положеніе... но знайте, что я всѣмъ могу пожертвовать для того, котораго люблю... О, отвѣчайте скорѣе, сжальтесь: вы меня не презираете; не правда ли? Она схватила меня за руку.

Княгиня шла впереди насъ съ мужемъ Вѣры, и ничего не видала, но насъ могли видѣть гуляющіе больные, самые любопытные сплетники изъ всѣхъ любопытныхъ, и я быстро освободилъ свою руку отъ ея страстнаго пожатія.

— Я вамъ скажу всю истину,—отвѣчалъ я княжнѣ:—не буду оправдываться ни объяснять своихъ поступковъ: *я васъ не люблю*.

Ея губы слегка поблѣднѣли...—Оставьте меня! сказала она едва внятно... Я пожалъ плечами, повернулся и ушелъ".

На этотъ разъ Печоринъ снисходительнѣе къ намъ: онъ приподнялъ таинственное покрывало, которымъ облекъ свое сатанинское величіе, очень просто, хотя и прекрасною прозою, объяснилъ причину этой сцены, какъ бы желая оправдаться въ ней. Онъ говоритъ, что какъ бы страстно ни любилъ онъ женщину, но какъ скоро она дастъ ему по-

чувствовать, что онъ долженъ на ней жениться — прости любовь!.. Этотъ страхъ лишиться постылой и ни для чего не нужной ему свободы онъ приписываетъ предсказанію старушки, которая, когда еще онъ былъ ребенкомъ, гадала про него его матери, и предрекла ему смерть отъ злой жены.. Нѣтъ, это все не то!.. Печоринъ не любилъ княжны; онъ оскорбилъ бы самого себя, если бы назвалъ любовью легонькое чувство, возбужденное его собственнымъ кокетствомъ и самолюбіемъ. Потомъ: бракъ есть дѣйствительность любви. Любить истинно можетъ только вполнѣ созрѣвшая душа, и въ такомъ случаѣ любовь видитъ въ бракѣ свою высочайшую награду и, при блескѣ вѣнца, не блекнетъ, а пышнѣе распускаетъ свой ароматный цвѣтъ, какъ при лучахъ солнца... Всякое чувство дѣйствительно въ отношеніи къ самому себѣ, какъ выраженіе моментальнаго состоянія духа: и первая любовь едва проснувшейся для жизни души отрока имѣетъ свою поэзію и свою истину: но, будучи дѣйствительна по своей сущности, она совершенно призрачна по своей формѣ, и въ сравненіи съ любовью возмужалаго человѣка есть то же, что первое безсвязное лепетаніе младенца въ сравненіи съ разумною рѣчью мужа. Это больше потребность любви, чѣмъ самая любовь, и потому она обращается на первый предметъ, способный поразить юную фантазію истиннымъ или мнимымъ сходствомъ съ ея идеаломъ, и такъ же скоро погасаетъ, какъ и вспыхиваетъ. Такая любовь можетъ много разъ повториться въ жизни человѣка; она или ненавидитъ бракъ, и отвращается его, какъ идеи, профанирующей ея идеальность, или представляетъ его высочайшимъ блаженствомъ, и стремится къ нему только до тѣхъ поръ, пока онъ не предстанетъ къ ней съ своимъ строго-испытующимъ, недовѣрчиво-суровымъ взоромъ: тогда бѣдная любовь потупляетъ передъ нимъ свои глаза какъ ребенокъ, застигнутый въ шалости строгимъ гувернеромъ... Да, бракъ есть гибель такой любви, и вотъ почему такъ много бываетъ „несчастныхъ браковъ по любви"... Только дѣйствительное чувство не боится своего осуществленія, не трепещетъ

своей повѣрки: только дѣйствительность смѣло смотритъ въ глаза дѣйствительности, не потупляя своихъ глазъ.. И неужели Печоринъ, этотъ человѣкъ, столь глубокій и могучій, могъ почесть свое чувство къ княжнѣ дѣйствительнымъ, и удивиться, что ея намекъ о бракѣ такъ же легко уничтожилъ его чувство, какъ видъ лозы уничтожаетъ рѣзвость ребенка? Нѣтъ, изъ всего этого опять-таки видно только одно, что Печоринъ еще рано почелъ себя допившимъ до дна чашу жизни, тогда какъ онъ еще не сдулъ порядочно кипящей пѣны... Повторяемъ: онъ еще не знаетъ самого себя, и если не должно ему вѣрить, когда онъ оправдываетъ себя или приписываетъ себѣ разныя нечеловѣческія свойства и пороки, то винить ли его за это?— Вините, если въ глазахъ вашихъ юноша виноватъ тѣмъ, что онъ молодъ, а старецъ тѣмъ, что онъ старъ! Есть люди, въ которыхъ потребность жизни такъ сильна, что составляетъ ихъ мученіе до тѣхъ поръ, пока не удовлетворится, —и есть люди, которые долго живутъ и умираютъ неудовлетворенные, ибо дѣйствительны только потребности, а удовлетвореніе всегда зависитъ отъ случая, который такъ же можетъ сбыться, какъ и можетъ не сбыться. И вотъ когда такіе люди бросаются всюду, ища удовлетворенія, и не находятъ его, —ихъ отчаяніе порождаетъ клеветы на вѣчные законы разумной дѣйствительности; но они правы передъ самими собою въ этихъ клеветахъ, хотя и неправы передъ дѣйствительностью. Можно ли винить ихъ за несчастіе? Можно ли винить ихъ за то, что они съ такою жадностью бросаются на все, что волнуетъ душу призраками блаженства? Не всѣ же родятся съ этимъ апатическимъ благоразуміемъ, источникъ котораго—гнилая и мертвая натура...

Въ Кисловодскъ пріѣхалъ фокусникъ. Разумѣется, на водахъ нельзя презирать никакимъ родомъ развлеченія,— и на первое представленіе всѣ бросились. Сама княгиня Лиговская, несмотря на то, что дочь ея была больна, взяла билетъ. Печоринъ получилъ отъ Вѣры записку, которою она назначала ему свиданіе въ 9 часовъ вечера, извѣщая

его, что мужъ ея уѣхалъ въ Пятигорскъ до утра слѣдующаго дня, а людямъ, какъ своимъ, такъ и Лиговскихъ, она раздала билеты. Повертѣвшись на представленіи и замѣтивъ въ заднихъ рядахъ лакеевъ и горничныхъ Вѣры и княгини, Печоринъ отправился на свиданіе.

На дворѣ было темно. Вдругъ Печорину показалось, что кто-то идетъ за нимъ. Изъ предосторожности, онъ обошелъ вокругъ дома, будто гуляя. Проходя мимо оконъ княжны, онъ снова услышалъ за собою шаги,—и человѣкъ, завернутый въ шинель, пробѣжалъ мимо него. Печоринъ бросился на темную лѣстницу — дверь отворилась, и маленькая ручка охватила его руку...

Около двухъ часовъ пополуночи Печоринъ спустился изъ окна, съ верхняго балкона на нижній, посредствомъ двухъ связанныхъ шалей. У княжны горѣлъ огонь, и что-то толкнуло Печорина къ окну. Благодаря не совсѣмъ задернутому занавѣсу, вотъ что увидѣлъ онъ: „Мери сидѣла на своей постели, скрестивъ на колѣняхъ руки; ея густые волосы были собраны подъ ночнымъ чепчикомъ, обшитымъ кружевами; большой пунцовый платокъ покрывалъ ея бѣлыя плечики, а маленькая ножка пряталась въ пестрыхъ персидскихъ туфляхъ. Она сидѣла неподвижно, опустивъ голову на грудь; передъ нею на столикѣ была открыта книга, но глаза ея, неподвижные и полные неизъяснимой грусти, казалось, въ сотый разъ пробѣгали одну и ту же страницу, тогда какъ мысли ея были далеко...“

Какъ много говорятъ эти немногія и простыя строки! Какую длинную и мучительную повѣсть оскорбленнаго женскаго достоинства, оскорбленной женской любви, затаенныхъ страданій и холодно-жгучаго отчаянія разсказываютъ онѣ!.. Бѣдная Мери!..

Въ эту минуту кто-то шевельнулся за кустомъ: Печоринъ спрыгнулъ съ балкона на землю, и невидимая рука схватила его за плечо. „А-га!—сказалъ грубый голосъ:— попался!.. Будешь у меня къ княжнамъ ходить ночью!..“— „Держи его крѣпче!“—закричалъ другой голосъ,—и Печоринъ узналъ Грушницкаго и драгунскаго капитана. Силь-

нымъ ударомъ по головѣ сшибъ онъ послѣдняго и бросился въ кусты. „Воры, караулъ!“ кричали преслѣдователи; раздался ружейный выстрѣлъ, и дымящійся пыжъ упалъ почти къ ногамъ Печорина. Черезъ минуту онъ былъ уже дома и лежалъ, раздѣтый, въ своей постели. Едва человѣкъ его успѣлъ запереть на замокъ дверь, какъ драгунскій капитанъ и Грушницкій начали стучаться, крича: „Печоринъ! вы спите? здѣсь вы? — „Сплю“, — отвѣчалъ онъ имъ сердито. — „Вставайте! — воры... Черкесы...“ — „У меня насморкъ, боюсь простудиться“.

Они ушли. Между тѣмъ сдѣлалась тревога. Изъ крѣпости прискакалъ казакъ. Все зашевелилось, начали искать черкесовъ, и на другой день всѣ были убѣждены въ ночномъ нападеніи черкесовъ. На другой день утромъ Печоринъ встрѣтился у колодца съ мужемъ Вѣры, съ которымъ и пошелъ въ ресторацію завтракать. Добрый старикъ разсказывалъ ему о страхахъ жены своей въ прошлую ночь. „Надобно жъ, чтобъ это случилось именно тогда, какъ я въ отсутствіи!“ говорилъ онъ. Они усѣлись завтракать у двери, ведущей въ угловую комнату, гдѣ находилось человѣкъ десять молодежи, въ числѣ которой былъ и Грушницкій. Итакъ, судьба снова доставила Печорину случай подслушать Грушницкаго. Этотъ послѣдній за тайну открывалъ обществу, что причиною ночной тревоги были не черкесы, а одинъ человѣкъ, имя котораго онъ долженъ утаить, и который былъ у княжны. „Какова княжна! — заключилъ онъ, — а? Ну, ужъ признаюсь, московскія барышни! послѣ этого чему же можно вѣрить? Мы хотѣли его схватить! только онъ вырвался, и, какъ заяцъ, бросился въ кусты; тутъ я по немъ выстрѣлилъ“. Замѣтивъ, что ему никто не вѣрилъ, онъ сталъ увѣрять честнымъ словомъ въ справедливости разсказаннаго имъ и, наконецъ, даже изъявилъ готовность назвать виновника исторіи.

„— Скажи, скажи, кто жъ онъ! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

„— Печоринъ, — отвѣчалъ Грушницкій.

Въ эту минуту онъ поднялъ глаза, — я стоялъ въ дверяхъ противъ него; онъ ужасно покраснѣлъ. Я подошелъ къ нему и сказалъ медленно и внятно:

— Мнѣ очень жаль, что я вошелъ послѣ того, какъ вы уже дали честное слово въ подтвержденіе самой отвратительной клеветы. Мое присутствіе избавило бы васъ отъ лишней подлости".

Грушницкій вскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ разгорячиться. Печоринъ, разумѣется, сталъ требовать отъ него, чтобы онъ отказался отъ своихъ словъ. Грушницкій стоялъ передъ нимъ, потупивъ глаза, въ сильномъ волненіи; но борьба совѣсти съ самолюбіемъ была непродолжительна, тѣмъ болѣе, что драгунскій капитанъ толкнулъ его локтемъ: не подымая глазъ на Печорина, снова подтвердилъ онъ ему истину своего обвиненія. Печоринъ отвелъ капитана и переговорилъ съ нимъ. На крыльцѣ ресторацiи мужъ Вѣры схватилъ его за руку съ чувствомъ, похожимъ на восторгъ, называлъ его благороднѣйшимъ человѣкомъ, а Грушницкаго подлецомъ, и изъявлялъ свою радость, что у него нѣтъ дочерей... Бѣдный мужъ!..

Оттуда Печоринъ пошелъ къ Вернеру, разсказалъ ему все, и попросилъ въ свои секунданты. Черезъ часъ Вернеръ пришелъ къ нему, уже переговоривши съ драгунскимъ капитаномъ. „Противъ васъ точно есть заговоръ",—сказалъ онъ ему. Пока Вернеръ снималъ въ передней калоши, онъ былъ свидѣтелемъ жаркаго спора капитана съ Грушницкимъ, изъ котораго понялъ, что Грушницкій не соглашался дурачить Печорина, но требовалъ, какъ обиженный, рѣшительной дуэли. Переговоры Вернера съ капитаномъ порѣшились на томъ, чтобы мѣстомъ дуэли было глухое ущелье, верстахъ въ пяти отъ Кисловодска, и чтобы стрѣляться на другой день, въ четыре часа утра, въ шести шагахъ, а убитаго — на счетъ черкесовъ. Затѣмъ Вернеръ сообщилъ свое подозрѣніе, что капитанъ намѣренъ положить пулю только въ пистолетъ Грушницкаго, и спросилъ Печорина, должно ли имъ показать, что они догадались, на что послѣдній рѣшительно не согласился, говоря, что онъ и безъ того разстроитъ ихъ планы.

Вечеромъ къ Печорину приходилъ лакей съ приглашеніемъ отъ княгини, но онъ сказался больнымъ. Всю ночь онъ не спалъ, въ головѣ его пробѣгали мысли за мыслями.

Отъ угрозъ Грушницкому, котораго онъ почиталъ вѣрною жертвою своею, онъ перешелъ къ мысли о непостоянствѣ счастія, которое доселѣ неизмѣнно служило ему. „Что жъ, — думалъ онъ, — умереть, такъ умереть! потеря для міра небольшая; да и мнѣ самому порядочно ужъ скучно. Я — какъ человѣкъ, зѣвающій на балѣ, который не ѣдетъ спать только потому, что еще нѣтъ его кареты. Но карета готова... Прощайте!..“ Затѣмъ онъ обращается на всю жизнь свою, и ему невольно приходитъ въ голову вопросъ о цѣли его жизни. „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился? А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначеніе высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы необъятныя... Но я не угадалъ этого назначенія, я увлекся приманками страстей пустыхъ и неблагодарныхъ; изъ горнила ихъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій — лучшій цвѣтъ жизни!..“

Поучительна нѣмая бесѣда съ самимъ собою человѣка, который завтра готовится быть или убитымъ или убійцею!.. Мысль невольно обращается на себя, и сквозь мглу предразсужденій и умышленныхъ софизмовъ блеститъ лучъ ужасной истины... Но рѣшеніе принято, шагъ сдѣланъ, и возврата нѣтъ: само общество, которое смотритъ на кровавыя сдѣлки, какъ на безнравственность, само общество, противорѣча себѣ, запрещаетъ этотъ возвратъ своимъ насмѣшливо-презрительнымъ взглядомъ, своимъ невидимо-остановившимся на жертвѣ перстомъ... Кровавая развязка дѣла доставляетъ ему средства читать себѣ для другихъ правоученія, произвести ближнему приговоръ и надавать ему поздныхъ совѣтовъ; отступленіе лишаетъ его занимательнаго анекдота, прекраснаго случая къ развлеченію на чужой счетъ. Что́ жъ тутъ дѣлать? разумѣется, идти впередъ, а чтобы вниканіе въ себя и въ сущность дѣла не лишило смѣлости, закрыть глаза на истину, и обѣими руками ухватиться за первый представившійся софизмъ, котораго ложность самому очевидна. Печоринъ такъ и сдѣлалъ: онъ рѣшилъ, что не сто́итъ труда жить, и онъ правъ передъ собою, или, по край-

ней мѣрѣ, не виноватъ передъ тѣми строгими судьями чужихъ поступковъ, которые сами не участвуютъ въ жизни, но на живущихъ смотрятъ, какъ зрители на актеровъ, то аплодируя, то шикая...

Несмотря на тайное безпокойство, мучившее Печорина, онъ не только имѣлъ силы заставить себя взяться за романъ Вальтеръ-Скотта — „Шотландскіе Пуритане“, но еще и увлечься волшебнымъ вымысломъ.

Когда разсвѣло, онъ посмотрѣлся въ зеркало: тусклая блѣдность покрывала лицо его, хранившее слѣды мучительной безсонницы, но глаза, хотя окруженные коричневою тѣнью, блистали гордо и неумолимо. „Я, — говорилъ онъ, остался доволенъ собою“. Купанье въ Нарзанѣ сдѣлало его совершенно свѣжимъ и бодрымъ. Возвратясь съ купанья, онъ нашелъ у себя Вернера. Они сѣли на лошадей и поѣхали. Тутъ слѣдуетъ мимоходомъ краткое, полное поэзіи описаніе прекраснаго кавказскаго утра.

Они ѣхали молча.

„— Написали ли вы свое завѣщаніе? — вдругъ спросилъ Вернеръ.

— Нѣтъ.

— А если будете убиты?

— Наслѣдники отыщутся сами.

— Неужели у васъ нѣтъ друзей, которымъ бы вы хотѣли послать послѣднее прости?..

Я покачалъ головой.

— Неужели нѣтъ женщины, которой вы хотѣли бы оставить что-нибудь на память?..

— Хотите ли, докторъ, — отвѣчалъ я ему, — чтобъ я раскрылъ вамъ мою душу?.. Видите ли: я выжилъ изъ тѣхъ лѣтъ, когда умираютъ, произнося имя своей любезной и завѣщая другу клочекъ напомаженныхъ или ненапомаженныхъ волосъ. Думая о близкой и возможной смерти, я думаю объ одномъ себѣ; иные не дѣлаютъ и этого. Друзья, которые завтра меня забудутъ или, хуже, взведутъ на мой счетъ Богъ знаетъ какія небылицы; женщины, которыя, обнимая другого, будутъ смѣяться надо мною, чтобъ не возбудить въ немъ ревности къ усопшему, — Богъ съ ними! Изъ жизненной бури я вынесъ только нѣсколько идей и ни одного чувства. Я давно ужъ живу не сердцемъ, а головою. Я взвѣшиваю, разбираю свои собственныя страсти и поступки съ строгимъ любопытствомъ, но безъ участія. Во мнѣ два человѣка: одинъ живетъ въ полномъ

смыслѣ этого слова, другой мыслитъ и судитъ его; первый, можетъ-быть, чрезъ часъ простится съ вами и міромъ навѣки, а второй... второй?..“

Это признаніе обнаруживаетъ всего Печорина. Въ немъ нѣтъ фразъ, и каждое слово искренно. Безсознательно, но вѣрно выговорилъ Печоринъ всего себя. Этотъ человѣкъ не пылкій юноша, который гоняется за впечатлѣніями, и всего себя отдаетъ первому изъ нихъ, пока оно не изгладится, и душа не запроситъ новаго. Нѣтъ, онъ вполнѣ пережилъ юношескій возрастъ, этотъ періодъ романтическаго взгляда на жизнь: онъ уже не мечтаетъ умереть за свою возлюбленную, произнося ея имя и завѣщевая другу локонъ волосъ, не принимаетъ слова за дѣло, порывъ чувства, хотя бы самаго возвышеннаго и благороднаго, за дѣйствительное состояніе души человѣка. Онъ много перечувствовалъ, много любилъ, и по опыту знаетъ, какъ непродолжительны всѣ чувства, всѣ привязанности: онъ много думалъ о жизни, и по опыту знаетъ, какъ ненадежны всѣ заключенія и выводы для тѣхъ, кто прямо и смѣло смотритъ на истину, не тѣшитъ и не обманываетъ себя убѣжденіями, которымъ уже самъ не вѣритъ... Духъ его созрѣлъ для новыхъ чувствъ и новыхъ думъ, сердце требуетъ новой привязанности: *дѣйствительность* — вотъ сущность и характеръ всего этого новаго. Онъ готовъ для него; но судьба еще не даетъ ему новыхъ опытовъ, и, презирая старые, онъ все-таки по нимъ же судитъ о жизни. Отсюда это безвѣріе въ дѣйствительность чувства и мысли, это охлажденіе къ жизни, въ которой ему видится то оптическій обманъ, то безсмысленное мельканіе китайскихъ тѣней. Это — переходное состояніе духа, въ которомъ для человѣка все старое разрушено, а новаго еще нѣтъ, и въ которомъ человѣкъ есть только возможность чего-то дѣйствительнаго въ будущемъ и совершенный призракъ въ настоящемъ. Тутъ-то возникаетъ въ немъ то, что на простомъ языкѣ называется и „хандрою“, и „ипохондріею“, и „мнительностью“, и „сомнѣніемъ“, и другими словами, далеко не выражающими сущности явленія, и что на языкѣ философскомъ называется *рефлексіею*. Мы

не будемъ объяснять ни этимологическаго ни философскаго значенія этого слова, а скажемъ коротко, что въ состояніи рефлексіи человѣкъ распадается на два человѣка, изъ которыхъ одинъ живетъ, а другой наблюдаетъ за нимъ, и судитъ о немъ. Тутъ нѣтъ полноты ни въ какомъ чувствѣ, ни въ какой мысли, ни въ какомъ дѣйствіи: какъ только зародится въ человѣкѣ чувство, намѣреніе, дѣйствіе, тотчасъ какой-то скрытый въ немъ самомъ врагъ уже подсматриваетъ зародышъ, анализируетъ его, изслѣдуетъ, вѣрна ли, истинна ли эта мысль, дѣйствительно ли чувство, законно ли намѣреніе, и какая ихъ цѣль, и къ чему они ведутъ,—и благоуханный цвѣтъ чувства блекнетъ, не распустившись, мысль дробится въ безконечность, какъ солнечный лучъ въ граненомъ хрусталѣ; рука, подъятая для дѣйствія, какъ внезапно окаменѣлая, останавливается на взмахѣ и не ударяетъ...

Такъ робкими всегда творитъ насъ совѣсть.
Такъ яркій въ насъ рѣшимости румянецъ
Подъ тѣнію тускнѣетъ размышленья,
И замысловъ отважные порывы,
Отъ сей препоны уклоняя бѣгъ свой,
Именъ дѣяній не стяжаютъ...

говоритъ Шекспировъ Гамлетъ, этотъ поэтическій апоѳеозъ рефлексіи. Ужасное состояніе! Даже въ объятіяхъ любви, среди блаженнѣйшаго упоенія и полноты жизни, возстаетъ этотъ враждебный внутренній голосъ, чтобы заставить человѣка думать, и, вырвавъ изъ его рукъ очаровательный образъ, замѣнить его отвратительнымъ скелетомъ...

. . . въ такое время,
Когда не думаетъ никто.

Но это состояніе сколько ужасно, столько же необходимо. Это одинъ изъ величайшихъ моментовъ духа. Полнота жизни въ чувствѣ, но чувство не есть еще послѣдняя степень духа, дальше которой онъ не можетъ развиваться. При одномъ чувствѣ человѣкъ есть рабъ собственныхъ ощущеній, какъ животное есть рабъ собственнаго инстинкта. Достоинство безсмертнаго духа человѣческаго заключается въ его разумности, а послѣдній, высшій актъ разумности

есть мысль. Въ мысли независимость и свобода человѣка отъ собственныхъ страстей и темныхъ ощущеній. Когда человѣкъ поднимаетъ въ гнѣвѣ руку на врага своего—онъ слѣдуетъ чувству, его одушевляющему; но только разумная мысль о своемъ человѣческомъ достоинствѣ и о своемъ человѣческомъ братствѣ со врагомъ можетъ удержать порывъ гнѣва и обезоружить поднятую для убійства руку. Но переходъ изъ непосредственности въ разумное сознаніе необходимо совершается черезъ рефлексію, болѣе или менѣе болѣзненную, смотря по свойству индивидуума. Если человѣкъ чувствуетъ хоть сколько-нибудь свое родство съ человѣчествомъ и хоть сколько-нибудь сознаетъ себя духомъ въ духѣ,—онъ не можетъ быть чуждъ рефлексіи. Исключенія остаются только или за натурами чисто-практическими, или за людьми мелкими и ничтожными, которые чужды интересовъ духа, и которыхъ жизнь—апатическая дремота. И нашъ вѣкъ есть по преимуществу вѣкъ рефлексіи, почему отъ нея не освобождены ни тѣ мирныя и счастливыя натуры, которыя съ глубокостью соединяютъ тихость и невозмущаемое спокойствіе, ни самыя практическія натуры, если онѣ не лишены глубокости. Отсюда значеніе цѣлой германской литературы: въ основаніи почти каждаго изъ ея произведеній лежитъ нравственный, религіозный или философскій вопросъ. „Фаустъ“ Гёте есть поэтическій апофеозъ рефлексіи нашего вѣка. Естественно, что такое состояніе человѣчества нашло свой отзывъ и у насъ: но оно отразилось въ нашей жизни особеннымъ образомъ, вслѣдствіе неопредѣленности, въ которую поставлено наше общество насильственнымъ выходомъ изъ своей непосредственности, черезъ великую реформу Петра. Дивно-художественная „Сцена Фауста“ Пушкина представляетъ собою высокій образъ рефлексіи, какъ болѣзни многихъ индивидуумовъ нашего общества. Ея характеръ—апатическое охлажденіе къ благамъ жизни, вслѣдствіе невозможности предаваться имъ со всею полнотою. Отсюда: томительная бездѣйственность въ дѣйствіяхъ, отвращеніе ко всякому дѣлу, отсутствіе всякихъ интересовъ въ душѣ, неопредѣ-

ленность желаній и стремленій, безотчетная тоска, мечтательность при избыткѣ внутренней жизни. Это противорѣчіе превосходно выражено авторомъ разбираемаго нами романа въ его чудно-поэтической „Думѣ“, исполненной благороднаго негодованія, могучей жизни и поразительной вѣрности идей. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно припомнить изъ нея слѣдующіе четыре стиха, въ которыхъ сказано больше, чѣмъ въ двѣнадцати томахъ иного „господина-сочинителя“:

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови!..

Печоринъ есть одинъ изъ тѣхъ, къ кому особенно должно относиться это энергическое воззваніе благороднаго поэта, котораго это самое и заставило назвать героя романа героемъ нашего времени. Отсюда происходитъ и недостатокъ опредѣленности, недостатокъ художественной рельефности въ изображеніи этого лица, но отсюда же выходитъ и его высочайшій поэтическій интересъ для всѣхъ, кто принадлежитъ къ *нашему времени* не по одному году и числу мѣсяца, въ которые родился, и то сильное неотразимо-грустное впечатлѣніе, которое онъ на насъ производитъ. Но мы еще возвратимся къ этому предмету, когда кончимъ изложеніе содержанія романа.

Подробности свиданія противниковъ на мѣстѣ роковой раздѣлки переданы авторомъ съ ужасающею истиною и поэзіею. Чтобы разстроить безчестныя намѣренія своихъ враговъ, возбудивъ трусость въ Грушницкомъ, Печоринъ предложилъ ему стрѣляться на узенькой площадкѣ отвѣсной скалы, сажень въ тридцать вышины, и съ острыми камнями внизу. „Каждый изъ насъ (говоритъ онъ Грушницкому) станетъ на самомъ краю площадки; такимъ образомъ даже легкая рана будетъ смертельна: это должно быть согласно съ вашимъ желаніемъ, потому что вы сами назначили шесть шаговъ. Тотъ, кто будетъ раненъ, полетитъ непремѣнно внизъ, разобьется вдребезги: пулю докторъ выпетъ. И тогда

можно будетъ очень, очень легко объяснить эту скоропостижную смерть неудачнымъ прыжкомъ. Мы бросимъ жребій, кому первому стрѣлять. Объясняю вамъ въ заключеніе, что иначе я не буду драться"... Грушницкій былъ поставленъ въ затрудненіе—лицо его ежеминутно мѣнялось. Теперь ему нельзя было отдѣлаться легкою раною, нанесенною противнику или полученною имъ самимъ. Съ другой стороны, ему пришлось бы или выстрѣлить на воздухъ, или сдѣлаться убійцею, или отказаться отъ своего подлаго замысла. Капитанъ отвѣчалъ на вызовъ Печорина: „пожалуй!", и Грушницкій принужденъ былъ кивнуть головою въ знакъ согласія. Однако онъ отвелъ капитана въ сторону, и сталъ говорить съ нимъ съ большимъ жаромъ. Печоринъ видѣлъ, какъ дрожали его посинѣлыя губы, и слышалъ, какъ капитанъ, отвернувшись съ презрѣніемъ, отвѣчалъ ему довольно громко: „ты дуракъ! ничего не понимаешь!"

Взошли на площадку, изображавшую почти треугольникъ. Условились, чтобы тотъ, которому первому достанется встрѣтить выстрѣлъ, сталъ на углу площадки, спиною къ пропасти; если же онъ не будетъ убитъ, противники должны были помѣняться мѣстами. Бросили жребій. Грушницкому досталось стрѣлять первому. Когда стали на мѣста, Печоринъ сказалъ Грушницкому, что если онъ промахнется, то не долженъ надѣяться промаха съ его стороны. Грушницкій покраснѣлъ: мысль убить человѣка безоружнаго, казалось, боролась въ немъ со стыдомъ признаться въ подломъ умыслѣ. Докторъ снова сталъ совѣтовать Печорину обнаружить ихъ умыселъ, и самъ было хотѣлъ это сдѣлать. „Ни за что на свѣтѣ, докторъ!—отвѣчалъ Печоринъ, удерживая его за руку,—вы все испортите, вы мнѣ дали слово не мѣшать... какое вамъ дѣло? Можетъ-быть, я хочу быть убитымъ..." — „О! это другое!.. только на меня на томъ свѣтѣ не жалуйтесь..."—отвѣчалъ Вернеръ, посмотрѣвъ на него съ удивленіемъ.

Капитанъ зарядилъ пистолеты и подалъ одинъ Грушницкому, шепнувъ ему что-то, а другой—Печорину. Печоринъ выдался впередъ, опершись рукою о колѣно, чтобы, въ

случаѣ легкой раны, не полетѣть въ бездну; Грушницкій, съ блѣднымъ лицомъ, дрожащими колѣнями, сталъ наводить пистолетъ, мѣтя въ лобъ; но тутъ совершилось то, что необходимо должно было совершиться вслѣдствіе слабости характера Грушницкаго, неспособнаго ни къ положительному добру ни къ положительному злу: пистолетъ опустился, и блѣдный какъ смерть, обратившись къ своему секунданту, Грушницкій сказалъ глухимъ голосомъ: „не могу!“ — „Трусъ!“ отвѣчалъ капитанъ, — выстрѣлъ раздался — пуля легко оцарапала колѣно Печорина, который невольно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ, чтобы поскорѣе отдѣлиться отъ края. Какая вѣрная черта человѣческой натуры, въ которой ни порывы самолюбія ни жизненная сила воли не могутъ заглушить инстинкта самосохраненія!..

Теперь настала очередь Печорина. Капитанъ сыгралъ сцену прощанія съ Грушницкимъ, едва удерживаясь отъ смѣха. Можно себѣ представить, какія чувства волновали Печорина при видѣ соперника, который теперь съ спокойною дерзостью смотрѣлъ на него и, кажется, удерживалъ улыбку, а за минуту хотѣлъ убить его какъ собаку... Какъ бы для очистки своей совѣсти, онъ предложилъ ему попросить у него прощеніе, но, услышавъ гордый отказъ, произнесъ слѣдующія слова съ разстановкою, громко и внятно, какъ произносятъ смертный приговоръ: „Докторъ, эти господа, вѣроятно второпяхъ, забыли положить пулю въ мой пистолетъ: прошу васъ зарядить его снова, — и хорошенько!“ Капитанъ старался казаться обиженнымъ и утверждалъ, что это неправда; но Печоринъ заставилъ его замолчать, сказавъ, что если это такъ, то онъ и съ нимъ будетъ стрѣляться на тѣхъ же условіяхъ. Грушницкій подалъ рѣшительный голосъ въ пользу переряженія пистолета. „Дуракъ же ты, братецъ“, — сказалъ капитанъ, плюнувъ и топнувъ ногою, — „пошлый дуракъ!.. Ужъ положился на меня, такъ слушайся во всемъ... подѣломъ же тебѣ! околѣвай себѣ какъ муха!..“ Печоринъ снова предложилъ Грушницкому — признаться въ своей клеветѣ, обѣщаясь этимъ и кончить дѣло, и даже напоминалъ ему о ихъ преж-

ней дружбѣ. Здѣсь предстоялъ автору прекрасный случай изобразить трогательную сцену примиренія враговъ и обращенія на путь истины заблудшаго человѣка, и тѣмъ премного утѣшить моралистовъ и любителей пряничныхъ эффектовъ; но глубоко-художническій инстинктъ истины, безсознательно открывающій поэту самыя сокровенныя таинства человѣческой природы, заставилъ его написать сцену совсѣмъ въ другомъ родѣ,—сцену, которая поражаетъ своею ужасною, безпощадною истинностью и своею потрясающею эффектностью, при высочайшей простотѣ и естественности... Лицо Грушницкаго вспыхнуло, глаза засверкали. „Стрѣляйте!“—отвѣчалъ онъ,—„я себя презираю, а васъ ненавижу. Если вы меня не убьете, я васъ зарѣжу ночью изъ-за угла. Намъ на землѣ вдвоемъ нѣтъ мѣста...“.

Да, это геніальная черта, смѣлый и мощный взмахъ художнической кисти!.. Не забудьте, что у Грушницкаго нѣтъ только характера, но что натура его не чужда была нѣкоторыхъ добрыхъ сторонъ: онъ неспособенъ былъ ни къ дѣйствительному добру ни къ дѣйствительному злу; но торжественное трагическое положеніе, въ которомъ самолюбіе его играло бы напропалую, необходимо должно было возбудить въ немъ мгновенный и смѣлый порывъ страсти. Самолюбіе увѣрило его въ небывалой любви къ княжнѣ и въ любви княжны къ нему; самолюбіе заставило его видѣть въ Печоринѣ своего соперника и врага; самолюбіе рѣшило его на заговоръ противъ чести Печорина; самолюбіе не допустило его послушаться голоса своей совѣсти и увлечься своимъ добрымъ началомъ, чтобы признаться въ заговорѣ; самолюбіе заставило его выстрѣлить въ безоружнаго человѣка; то же самое самолюбіе и сосредоточило всю силу его души въ такую рѣшительную минуту, и заставило предпочесть вѣрную смерть вѣрному спасенію чрезъ признаніе. Этотъ человѣкъ—апофеозъ мелочного самолюбія и слабости характера: отсюда всѣ его поступки,—и, несмотря на кажущуюся силу его послѣдняго поступка, онъ вышелъ прямо изъ слабости его характера. Самолюбіе—великій рычагъ въ душѣ человѣка: оно родитъ чудеса! Бываютъ на

свѣтѣ люди, которые, не блѣднѣя, какъ передъ чашкою чая, стоятъ передъ дуломъ своего противника, и которые прячутся подъ фуры во время сраженія...

Спускаясь по тропинкѣ внизъ, Печоринъ замѣтилъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ Грушницкаго, — и невольно закрылъ глаза. Возвращаясь въ Кисловодскъ, онъ опустилъ поводья и далъ волю коню. Солнце уже садилось, когда, измученный, на измученной лошади, пріѣхалъ онъ домой. Тамъ засталъ онъ двѣ записки — одну отъ доктора, другую отъ Вѣры.

Докторъ увѣдомлялъ его, что тѣло уже перенесено, но что, благодаря ихъ мѣрамъ, заранѣе взятымъ, подозрѣній нѣтъ никакихъ, и что онъ можетъ спать спокойно — если можетъ...

Долго не рѣшался онъ открыть вторую записку: тяжелое предчувствіе мучило его — и оно не обмануло его. Письмо Вѣры начинается прощаніемъ навсегда. Мужъ разсказалъ ей о ссорѣ Печорина съ Грушницкимъ, — и это такъ поразило и взволновало ее, что она не понимала, что̀ отвѣчала ему, и только догадывалась, что то̀ было признаніе въ своей тайной любви, потому что мужъ оскорбилъ ее ужаснымъ словомъ и, вышедъ изъ комнаты, велѣлъ закладывать карету. Мысль о вѣчной разлукѣ увлекла ее къ объясненію своихъ отношеній къ Печорину, — и вотъ примѣчательнѣйшее мѣсто письма:

„Мы разстаемся навѣки, однакожъ ты можешь быть увѣренъ, что я никогда не буду любить другого: моя душа истощила на тебѣ всѣ свои сокровища, свои слезы и надежды. Любившая разъ тебя не можетъ смотрѣть безъ нѣкотораго презрѣнія на прочихъ мужчинъ, не потому, чтобы ты былъ лучше ихъ, о нѣтъ! но въ твоей природѣ есть что-то особенное, тебѣ одному свойственное, что-то гордое и таинственное; въ твоемъ голосѣ, что̀ бы ты ни говорилъ, есть власть непобѣдимая; никто не умѣетъ такъ постоянно хотѣть быть любимымъ; ни въ комъ зло не бываетъ такъ привлекательно; ни чей взоръ не обѣщаетъ столько блаженства; никто не умѣетъ лучше пользоваться своими преимуществами, и никто не можетъ быть такъ истинно несчастливъ, какъ ты, потому что никто столько не старается увѣрить себя въ противномъ".

Письмо заключается изъявленіемъ сомнительной увѣрен-

ности, что онъ не любитъ Мери, и не женится на ней. „Послушай, ты долженъ мнѣ принести эту жерву: я для тебя потеряла все на свѣтѣ...“.

Велѣвъ осѣдлать измученнаго коня, какъ безумный помчался Печоринъ въ Пятигорскъ. При возможности потерять Вѣру, она стала для него дороже всего на свѣтѣ — жизни, чести, счастія! Натискъ судьбы взволновалъ могучую натуру, изнемогавшую въ спокойствіи и мирѣ, и возбудилъ ея дремавшее чувство... Здѣсь невольно приходятъ на умъ эти стихи Пушкина:

О, люди! всѣ похожи вы
На прародительницу Еву:
Что вамъ дано, то не влечетъ;
Васъ безпрестанно змій зоветъ
Къ себѣ, къ таинственному древу:
Запретный плодъ вамъ подавай,
А безъ того вамъ рай не въ рай.

Стремглавъ скача и погоняя безпощадно, онъ сталъ замѣчать, что конь его тяжело дышитъ и спотыкается. Оставалось пять верстъ до Ессентуковъ, казачьей станицы, гдѣ бы могъ пересѣсть онъ на другую лошадь. Еще бы только десять минутъ, но конь рухнулся и издохъ... Печоринъ хотѣлъ итти пѣшкомъ, но, измученный тревогами дня и безсонницею, онъ упалъ на мокрую траву и какъ ребенокъ заплакалъ... Напряженная гордость, холодная твердость — плодъ сухого отчаянія, софизмы свѣтской философіи — все исчезло и умолкло; уже не стало человѣка, волнуемаго страстями, потрясаемаго борьбою внутреннихъ противорѣчій, — передъ нами бѣдное, безсильное дитя, слезами омывающее грѣхи свои, чуждое, на эту минуту, ложнаго стыда, и не жалующееся ни на судьбу, ни на людей, ни на самого себя...

„И долго лежалъ я неподвижно, и плакалъ горько, не стараясь удержать слезъ и рыданій; я думалъ, грудь моя разорвется; вся моя твердость, все мое хладнокровіе исчезли какъ дымъ, душа обезсилѣла, разсудокъ замолкъ; и еслибъ въ эту минуту кто-нибудь увидѣлъ, онъ бы съ презрѣніемъ отвернулся“.

Когда ночная роса и горный вѣтеръ освѣжили его горящую голову, онъ разсудилъ, что горькій прощальный по-

цѣлуй немного бы прибавилъ къ его воспоминаніямъ, а разлука послѣ него была бы тяжеле, — и возвратился въ Кисловодскъ въ пять часовъ утра, бросился въ постель и проспалъ мертвымъ сномъ до вечера. Тутъ пришелъ къ нему Вернеръ и извѣстилъ его, что княжна Лиговская больна разслабленіемъ нервъ; что начальство догадывается объ истинныхъ причинахъ смерти Грушницкаго, и что ему должно взять свои мѣры. Въ самомъ дѣлѣ, на другой день утромъ онъ получилъ приказаніе отъ высшаго начальства отправиться въ крѣпость N, гдѣ судьба и свела его съ Максимомъ Максимычемъ.

Передъ отъѣздомъ онъ зашелъ къ княгинѣ Лиговской проститься. Она встрѣтила его, какъ человѣка, навѣрное явившагося къ ней, какъ къ матери, съ предложеніемъ руки дочери. Тутъ слѣдуетъ превосходная комическая сцена, гдѣ княгиня, намекая Печорину, что ей извѣстны его отношенія къ Мери, даетъ ему знать, что не будетъ противиться ихъ соединенію, и охотно прощаетъ ему странность его поведенія въ отношеніи къ ея дочери. Нѣсколько разъ прерывала она свой большой монологъ пыхтѣніемъ и вздохами, и, наконецъ, заплакала. Печоринъ попросилъ у нея позволенія наединѣ переговорить съ ея дочерью, на что княгиня принуждена была согласиться.

„Прошло пять минутъ; сердце мое билось, но мысли были спокойны, голова холодна; какъ я ни искалъ въ груди моей хоть искры любви къ милой Мери, старанія мои были напрасны.

Вотъ дверь отворилась, и вошла она. Боже! какъ перемѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ я не видалъ ее,—а давно ли? Дойдя до середины комнаты, она пошатнулась; я вскочилъ, подалъ ей руку и довелъ ее до креселъ.

Я стоялъ противъ нея. Мы долго молчали; ея большіе глаза, наполненные неизъяснимой грустью, казалось, искали въ моихъ что-нибудь похожее на надежду; ея блѣдныя губы напрасно старались улыбнуться; ея нѣжныя руки, сложенныя на колѣняхъ, были такъ худы и прозрачны, что мнѣ стало жаль ея.

— Княжна, — сказалъ я,—вы знаете, что я надъ вами смѣялся!.. Вы должны презирать меня.

На ея щекахъ показался болѣзненный румянецъ.

Я продолжалъ: слѣдственно, вы меня любить не можете.

Она отвернулась, облокотилась на столъ, закрыла глаза рукою, и мнѣ показалось, что въ нихъ блеснули слезы.

— Боже мой!—произнесла она едва внятно.

Это становилось невыносимо; еще минута, и я бы упалъ къ ногамъ ея.

— Итакъ, вы сами видите, сказалъ я сколько могъ твердымъ голосомъ и съ принужденною усмѣшкою,—вы сами видите, что я не могу на васъ жениться. Еслибъ вы даже этого теперь хотѣли, то скоро бы раскаялись; мой разговоръ съ вашей матушкой принудилъ меня объясниться съ вами такъ откровенно и такъ грубо; я надѣюсь, что она въ заблужденіи: вамъ ее легко разувѣрить. Вы видите, я играю въ вашихъ глазахъ самую жалкую и гадкую роль, и даже въ этомъ признаюсь: вотъ все, что могу для васъ сдѣлать. Какое бы вы дурное мнѣніе обо мнѣ ни имѣли, я ему покоряюсь... Видите ли, я передъ вами низокъ?.. Не правда ли, если даже вы меня и любили, то съ этой минуты презираете?..

Она обернулась ко мнѣ блѣдная, какъ мраморъ, только глаза ея чудно сверкали.—Я васъ ненавижу!.—сказала она.

Я поблагодарилъ, поклонился почтительно и вышелъ“.

Нужно ли что-нибудь говорить объ этой сценѣ, гдѣ бѣдная Мери является въ такомъ безконечно поэтическомъ апоѳеозѣ страданія отъ обманутаго чувства и оскорбленнаго самолюбія и достоинства женщины, и гдѣ каждое ея движеніе, каждый звукъ ея голоса запечатлѣны такою неотразимою прелестью и истиною, а положеніе такъ трогательно и возбуждаетъ такое сильное и горестное участіе?.. Нѣтъ, кому эта сцена не скажетъ всего, тому наши слова ничего не пояснятъ...

Черезъ часъ скакалъ онъ на тройкѣ курьерскихъ изъ Кисловодска, и на дорогѣ увидѣлъ своего коня: сѣдло было снято и, вмѣсто него, два ворона сидѣли у него на спинѣ... Онъ вздохнулъ и отвернулся...

„И теперь, здѣсь, въ этой скучной крѣпости, я часто, пробѣгая мыслью прошедшее, спрашиваю себя, отчего я не хотѣлъ ступить на этотъ путь, открытый мнѣ судьбою, гдѣ меня ожидали тихія радости и спокойствіе душевное?.. Нѣтъ, я бы не ужился съ этою долею! Я какъ матросъ, рожденный и выросшій на палубѣ разбойничьяго брига: его душа сжилась съ бурями и битвами, и, выброшенный на берегъ, онъ скучаетъ и томится, какъ ни мани его тѣнистая роща, какъ ни свѣти ему мирное солнце; онъ ходитъ себѣ цѣлый день по прибрежному песку, прислуши-

вается къ однообразному ропоту набѣгающихъ волнъ и всматривается въ туманную даль: не мелькнетъ ли тамъ, на блѣдной чертѣ, отдѣляющей синюю пучину отъ сѣрыхъ тучекъ, желанный парусъ, сначала подобный крылу морской чайки, но мало-по-малу отдѣляющійся отъ пѣны валуновъ и ровнымъ бѣгомъ приближающійся къ пустынной пристани".

Такою лирическою выходкою, полною безконечной поэзіи и обнаруживающею всю глубину и мощь этого человѣка, заканчивается журналъ Печорина. Теперь это таинственное лицо, такъ сильно волновавшее наше любопытство и въ исторіи Бэлы, и при свиданіи съ Максимъ Максимычемъ, и въ разсказѣ о собственномъ приключеніи въ Тамани,— теперь оно все передъ нами во весь ростъ свой. Черезъ него самого познакомились мы со всѣми изгибами его сердца, со всѣми событіями его жизни, и теперь уже самъ онъ ничего новаго не въ состояніи сказать намъ о самомъ себѣ. Но, между тѣмъ, прочтя „Княжну Мери", мы все еще не разстались съ нимъ, и еще разъ встрѣчаемся съ нимъ, какъ съ разсказчикомъ необыкновеннаго случая, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Мы не будемъ ни подробно излагать содержанія этого разсказа ни дѣлать изъ него выписокъ. Въ обществѣ офицеровъ зашелъ споръ о восточномъ фатализмѣ, и молодой офицеръ Вуличъ предложилъ пари противъ предопредѣленія, схватилъ со стѣны первый попавшійся ему изъ множества висѣвшихъ на стѣнѣ пистолетовъ, насыпалъ на полку пороха, приставилъ пистолетъ ко лбу, спустилъ курокъ — осѣчка!.. Захотѣли узнать, точно ли пистолетъ былъ заряженъ, выстрѣлили въ фуражку, — и, когда дымъ разсѣялся, всѣ увидѣли, что фуражка была прострѣлена. Еще до выстрѣла Печорину въ лицѣ и голосѣ Вулича показалось что-то такое странное и таинственное, что невольно убѣдился въ близкой смерти этого человѣка, и предрекъ ему смерть. Въ самомъ дѣлѣ, выходя изъ общества, Вуличъ былъ убитъ на улицѣ станицы пьянымъ казакомъ.. Да здравствуетъ фатализмъ!.. Все, что мы пересказали въ нѣсколькихъ строкахъ, составляетъ въ романѣ порядочный отрывокъ съ превосходно изложенными подробностями, увлекательный по разсказу. Особенно хоро-

шо обрисовапъ характеръ героя—такъ и видите его передъ собою, тѣмъ болѣе, что онъ очень похожъ на Печорина. Самъ Печоринъ является тутъ дѣйствующимъ лицомъ, и едва ли еще не болѣе на первомъ планѣ, чѣмъ самъ герой разсказа. Свойство его участія въ ходѣ повѣсти, равно какъ и его отчаянная, фаталическая смѣлость при взятіи взбѣсившагося казака если не прибавляютъ ничего новаго къ даннымъ о его характерѣ, то все-таки добавляютъ уже извѣстное намъ, и тѣмъ самымъ усугубляютъ единство мрачнаго и терзающаго душу впечатлѣнія цѣлаго романа, который есть біографія одного лица. — Это усиленіе впечатлѣнія особенно заключается въ основной идеѣ разсказа, которая есть фатализмъ, вѣра въ предопредѣленіе, одно изъ самыхъ мрачныхъ заблужденій человѣческаго разсудка, которое лишаетъ человѣка нравственной свободы, изъ слѣпого случая дѣлая необходимость. Предразсудокъ — явно выходящій изъ положенія Печорина, который не знаетъ, чему вѣрить, на чемъ опереться, и съ особеннымъ увлеченіемъ хватается за самыя мрачныя убѣжденія, лишь бы только давали они поэзію его отчаянію и оправдывали его въ собственныхъ глазахъ.

Что же за человѣкъ этотъ Печоринъ?—Здѣсь мы должны обратиться къ „Предисловію“, написанному авторомъ романа къ журналу Печорина.

„Теперь я долженъ нѣсколько объяснить причины, побудившія меня передать публикѣ сердечныя тайны человѣка, котораго я никогда не зналъ. Добро бы я былъ еще его другомъ; коварная нескромность истиннаго друга понятна каждому, но я видѣлъ его только разъ въ моей жизни на большой дорогѣ; слѣдовательно, не могу питать къ нему той неизъяснимой ненависти, которая, таясь подъ личиною дружбы, ожидаетъ только смерти или несчастія любимаго предмета, чтобъ разразиться надъ головою громомъ упрековъ, совѣтовъ и сожалѣній“.

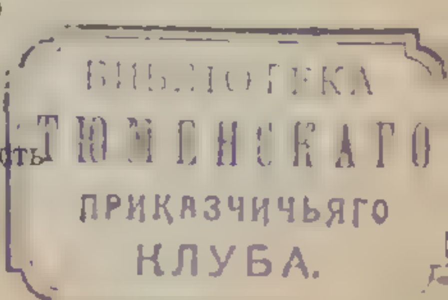
Несмотря на всю софистическую ложность этой горькой выходки,—самая же желчность свидѣтельствуетъ уже, что въ ней есть своя истинная сторона. Въ самомъ дѣлѣ, и дружба, подобно любви, есть роза съ роскошнымъ цвѣтомъ, упоительнымъ ароматомъ, но и съ колючими шипа-

ми. Каждая индивидуальность, какъ бы по природѣ своей, враждебна другой, и силится пересоздать ее по своему, и въ самомъ дѣлѣ, когда сходятся двѣ субъективности, онѣ, такъ сказать, чрезъ взаимное треніе другъ объ друга сглаживаются и измѣняются, заимствуя одна отъ другой то, чего имъ не достаетъ. Отсюда это взаимное цензорство въ дружбѣ, эта страсть разражаться надъ головою друга градомъ упрековъ, насмѣшекъ и сожалѣній. Самолюбіе тутъ играетъ свою роль; но если дружба основана не на дѣтской привязанности или какой-нибудь внѣшней связи, — истинная привязанность, внутреннее человѣческое чувство всегда играетъ тутъ свою роль. Авторъ видитъ въ дружбѣ одни пики—и его ошибка не въ ложности, а въ односторонности взгляда. Онъ, видимо, находится въ томъ состояніи духа, когда въ нашемъ разумѣніи всякая мысль распадается на свои же собственные моменты, до тѣхъ поръ, пока духъ нашъ не созрѣетъ для великаго процесса разумнаго примиренія противоположностей въ одномъ и томъ же предметѣ. Вообще, хотя авторъ и выдаетъ себя за человѣка, совершенно чуждаго Печорину, но онъ сильно симпатизируетъ съ нимъ, и въ ихъ взглядѣ на вещи — удивительное сходство. Слѣдующее мѣсто изъ „Предисловія" еще болѣе подтверждаетъ нашу мысль:

„Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина. Мой отвѣтъ — заглавіе этой книги.—Да это злая иронія! скажутъ они.—Не знаю".

Итакъ, „Герой нашего времени" — вотъ основная мысль романа. Въ самомъ дѣлѣ, послѣ этого весь романъ можетъ почесться злою ироніею, потому что большая часть читателей навѣрное воскликнетъ: „Хорошъ же герой!" — А чѣмъ же онъ дуренъ?—смѣемъ васъ спросить.

Зачѣмъ же такъ неблагосклонно
Вы отзываетесь о немъ?
За то-ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ.
Что пылкихъ думъ неосторожность
Себялюбивую ничтожность
Иль оскорбляетъ иль смѣшитъ.

Что умъ, любя просторъ, тѣснитъ,
Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за дѣла,
Что глупость вѣтрена и зла,
Что важнымъ людямъ важны вздоры,
И что посредственность одна
Намъ по плечу и нестрашна?

Вы говорите противъ него, что въ немъ нѣтъ вѣры. Прекрасно! но, вѣдь, это то же самое, что обвинять нищаго за то, что у него нѣтъ золота: онъ бы и радъ имѣть его, да не дается оно ему. И притомъ развѣ Печоринъ радъ своему безвѣрію? развѣ онъ гордится имъ? развѣ онъ не страдалъ отъ него? развѣ онъ не готовъ цѣною жизни и счастья купить эту вѣру, для которой еще не насталъ часъ его?.. Вы говорите, что онъ эгоистъ?—Но развѣ онъ не презираетъ и не ненавидитъ себя за это? развѣ сердце его не жаждетъ любви чистой и безкорыстной? Нѣтъ, это не эгоизмъ: эгоизмъ не страдаетъ, не обвиняетъ себя, но доволенъ собою, радъ себѣ. Эгоизмъ не знаетъ мученія; страданіе есть удѣлъ одной любви. Душа Печорина не каменная почва, но засохшая отъ зноя пламенной жизни земля: пусть взрыхлитъ ее страданіе и ороситъ благодатный дождь,—и она произраститъ изъ себя пышные, роскошные цвѣты небесной любви. Этому человѣку стало больно и грустно, что всѣ его не любятъ,—и кто же эти „всѣ?“—пустые, ничтожные люди, которые не могутъ простить ему его превосходства надъ ними. А его готовность задушить въ себѣ ложный стыдъ, голосъ свѣтской чести и оскорбленнаго самолюбія, когда онъ за признаніе въ клеветѣ готовъ былъ простить Грушницкому, — человѣку, сейчасъ только выстрѣлившему въ него пулею и безстыдно ожидавшему отъ него холостого выстрѣла? А его слезы и рыданія въ пустынной степи, у тѣла издохшаго коня?—нѣтъ, все это не эгоизмъ! Но его—скажете вы—холодная расчетливость, систематическая разсчитанность, съ которою онъ обольщаетъ бѣдную дѣвушку, не любя ея, и только для того, чтобы посмѣяться надъ нею, и чѣмъ-нибудь занять свою праздность? — Такъ, но мы и не думаемъ оправдывать его въ

такихъ поступкахъ, ни выставлять его образцомъ, высокимъ идеаломъ чистѣйшей нравственности: мы только хотимъ сказать, что въ человѣкѣ должно видѣть человѣка, и что идеалы нравственности существуютъ въ однихъ классическихъ трагедіяхъ и морально-сантиментальныхъ романахъ прошлаго вѣка. Судя о человѣкѣ, должно брать въ разсмотрѣніе обстоятельства его развитія и сферу жизни, въ которую онъ поставленъ судьбою. Въ идеяхъ Печорина много ложнаго, въ ощущеніяхъ его есть искаженіе: но все это выкупается его богатою натурою. Его, во многихъ отношеніяхъ, дурное настоящее обѣщаетъ прекрасное будущее. Вы восхищаетесь быстрымъ движеніемъ парохода, видите въ немъ великое торжество духа надъ природою — и хотите потомъ отрицать въ немъ всякое достоинство, когда онъ сокрушаетъ, какъ зерно жерновъ, неосторожныхъ, попавшихъ подъ его колеса: не значитъ ли это противорѣчить самимъ себѣ? опасность отъ парохода есть результатъ его чрезмѣрной быстроты: слѣдовательно, порокъ его выходитъ изъ его достоинства. Бываютъ люди, которые отвратительны при всей безукоризненности своего поведенія, потому что она въ нихъ есть слѣдствіе безжизненности и слабости духа. Порокъ возмутителенъ и въ великихъ людяхъ; но наказанный, онъ приводитъ въ умиленіе вашу душу. Это наказаніе только тогда есть торжество нравственнаго духа, когда оно является не извнѣ, но есть результатъ самаго порока, отрицаніе собственной личности индивидуума въ оправданіе вѣчныхъ законовъ оскорбленной нравственности. Авторъ разбираемаго нами романа, описывая наружность Печорина, когда онъ съ нимъ встрѣтился на большой дорогѣ, вотъ что говоритъ о его глазахъ: „Они не смѣялись, когда онъ смѣялся... Вамъ не случалось замѣчать такой странности у нѣкоторыхъ людей? Это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти. Изъ-за полуопущенныхъ рѣсницъ они сіяли какимъ-то фосфорическимъ блескомъ, если можно такъ выразиться. То не было отраженіе жара душевнаго или играющаго воображенія: то былъ блескъ, подобный блеску гладкой стали,

ослѣпительный, но холодный; взглядъ его — непродолжительный, но проницательный и тяжелый, оставлялъ по себѣ непріятное впечатлѣніе нескромнаго вопроса, и могъ казаться дерзкимъ, еслибъ не былъ столь равнодушно спокоенъ“. Согласитесь, что какъ эти глаза, такъ и вся сцена свиданія Печорина съ Максимъ Максимычемъ показываютъ, что если это порокъ, то совсѣмъ не торжествующій, и надо быть рожденнымъ для добра, чтобъ такъ жестоко быть наказану за зло?.. Торжество нравственнаго духа гораздо поразительнѣе совершается надъ благородными натурами, чѣмъ надъ злодѣями...

А между тѣмъ этотъ романъ совсѣмъ не злая иронія, хотя и очень легко можетъ быть принятъ за иронію: это одинъ изъ тѣхъ романовъ,

Въ которыхъ отразился вѣкъ,
И современный человѣкъ
Изображенъ довольно вѣрно
Съ его безнравственной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечтанью преданной безмѣрно,
Съ его озлобленнымъ умомъ,
Кипящимъ въ дѣйствіи пустомъ.

„Хорошъ же современный человѣкъ!“ воскликнулъ одинъ нравоописательный „сочинитель“, разбирая или, лучше сказать, ругая седьмую главу „Евгенія Онѣгина“. Здѣсь мы почитаемъ кстати замѣтить, что всякій современный человѣкъ, въ смыслѣ представителя своего вѣка, какъ бы онъ ни былъ дуренъ, не можетъ быть дуренъ, потому что нѣтъ дурныхъ вѣковъ, и ни одинъ вѣкъ не хуже и не лучше другого, потому что онъ есть необходимый моментъ въ развитіи человѣчества или общества.

Пушкинъ спрашивалъ самого себя о своемъ Онѣгинѣ:

Чудакъ печальный и опасный,
Созданье ада иль небесъ,
Сей ангелъ, сей надменный бѣсъ,
Что жъ онъ? Ужели подражанье,
Ничтожный призракъ, иль еще
Москвичъ въ Гарольдовомъ плащѣ,
Чужихъ причудъ истолкованье,
Словъ модныхъ полный лексиконъ,—
Ужъ не пародія ли онъ?

И тѣмъ самымъ вопросомъ онъ разрѣшилъ загадку и нашелъ слово. Онѣгинъ не подражаніе, а отраженіе, но отразившееся не въ фантазіи поэта, а въ современномъ обществѣ, которое онъ изобразилъ въ лицѣ героя своего поэтическаго романа. Сближеніе съ Европою должно было особеннымъ образомъ отразиться въ нашемъ обществѣ, — и Пушкинъ геніальнымъ инстинктомъ великаго художника угадалъ это отраженіе въ лицѣ Онѣгина. Но Онѣгинъ для насъ уже прошедшее, и прошедшее невозвратное.

Если бы онъ явился въ наше время, вы имѣли бы право спросить вмѣстѣ съ поэтомъ:

Все тотъ же ль онъ иль усмирился?
Иль корчитъ также чудака?
Скажите, чѣмъ онъ возвратился?
Что намъ представитъ онъ пока?
Чѣмъ нынѣ явится?—Мельмотомъ,
Космополитомъ, патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?
Иль просто будетъ добрый малый,
Какъ вы да я, какъ цѣлый свѣтъ?

Печоринъ Лермонтова есть лучшій отвѣтъ на всѣ эти вопросы. Это Онѣгинъ нашего времени, герой нашего времени. Несходство ихъ между собою гораздо меньше разстоянія между Онегою и Печорою. Иногда въ самомъ имени, которое истинный поэтъ даетъ своему герою, есть разумная необходимость, хотя, можетъ-быть, и невидимая самимъ поэтомъ.

Со стороны художественнаго выполненія, нечего и сравнивать Онѣгина съ Печоринымъ. Но какъ выше Онѣгинъ Печорина въ художественномъ отношеніи, такъ Печоринъ выше Онѣгина по идеѣ. Впрочемъ, это преимущество принадлежитъ нашему времени, а не Лермонтову.

Что такое Онѣгинъ? Лучшею характеристикою и опредѣленіемъ этого лица можетъ служить французскій эпиграфъ къ поэмѣ: „Pétri de vanité il avait encore plus de cette espèce d'orgueil qui fait avouer avec la même indifférence les bonnes comme les mauvaises actions, suite d'un sentiment

de supériorité, peut-être imaginaire". Мы думаемъ, что это превосходство въ Онѣгинѣ нисколько не было воображаемымъ, потому что онъ „вчужѣ чувства уважалъ", и что въ „его сердцѣ была и гордость и прямая честь". Онъ является въ романѣ человѣкомъ, котораго убили воспитаніе и свѣтская жизнь, которому все приглядѣлось, все пріѣлось, все прилюбилось, и котораго вся жизнь состояла въ томъ:

Что онъ равно зѣвалъ
Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Не таковъ Печоринъ. Этотъ человѣкъ не равнодушно, не апатически несетъ свое страданіе: бѣшено гоняется онъ за жизнью, ища ея повсюду; горько обвиняетъ онъ себя въ своихъ заблужденіяхъ. Въ немъ неумолчно раздаются внутренніе вопросы, тревожатъ его, мучатъ, и онъ въ рефлексіи ищетъ ихъ разрѣшенія: подсматриваетъ каждое движеніе своего сердца, разсматриваетъ каждую мысль свою. Онъ сдѣлалъ изъ себя самый любопытный предметъ своихъ наблюденій и, стараясь быть какъ можно искреннѣе въ своей исповѣди, не только откровенно признается въ своихъ истинныхъ недостаткахъ, но еще и выдумываетъ небывалые, или ложно истолковываетъ самыя естественныя свои движенія. Какъ въ характеристикѣ современнаго человѣка, сдѣланной Пушкинымъ, выражается весь Онѣгинъ, такъ Печоринъ весь въ этихъ стихахъ Лермонтова:

И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.

„Герой нашего времени" — это грустная дума о нашемъ времени, какъ и та, которою такъ благородно, такъ энергически возобновилъ поэтъ свое поэтическое поприще, и изъ которой мы взяли эти четыре стиха...

Но, несмотря на то, изображеніе Печорина не совсѣмъ художественно. Однако причина этого не въ недостаткѣ таланта автора, а въ томъ, что изображаемый имъ характеръ, какъ мы уже слегка и намекнули, такъ близокъ къ нему, что онъ не въ силахъ былъ отдѣлиться отъ него и объек-

тивировать его. Мы убѣждены, что никто не можетъ видѣть въ словахъ нашихъ желанія выставить романъ Лермонтова автобіографіею. Субъективное изображеніе лица не есть автобіографія. Шиллеръ не былъ разбойникомъ, хотя въ Карлѣ Мооръ и выразилъ свой идеалъ человѣка. Прекрасно выразился Фарнгагенъ, сказавъ, что на Онѣгина и Ленскаго можно бы смотрѣть, какъ на братьевъ Вульта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта, и что онъ, можетъ-быть, воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Мысль вѣрная, а между тѣмъ было бы очень нелѣпо искать сходныхъ чертъ въ жизни этихъ лицъ съ жизнью самого поэта.

Вотъ причина неопредѣленности Печорина и тѣхъ противорѣчій, которыми такъ часто опутывается изображеніе этого характера. Чтобы изобразить вѣрно данный характеръ, надо совершенно отдѣлиться отъ него, стать выше его, смотрѣть на него какъ на нѣчто оконченное. Но этого, повторяемъ, не видно въ созданіи Печорина. Онъ скрывается отъ насъ такимъ же неполнымъ и неразгаданнымъ существомъ, какъ и является намъ въ началѣ романа. Оттого и самый романъ, поражая удивительнымъ единствомъ ощущенія, нисколько не поражаетъ единствомъ мысли, и оставляетъ насъ безъ всякой перспективы, которая невольно возникаетъ въ фантазіи читателя по прочтеніи художественнаго произведенія, и въ которую невольно погружается очарованный взоръ его. Въ этомъ романѣ удивительная замкнутость созданія, но не та высшая, художественная, которая сообщается созданію черезъ единство поэтической идеи, а происходящая отъ единства поэтическаго ощущенія, которымъ онъ такъ глубоко поражаетъ душу читателя. Въ немъ есть что-то неразгаданное, какъ бы недоговоренное, какъ въ „Вертерѣ“ Гёте, и потому есть что-то тяжелое въ его впечатлѣніи. Но этотъ недостатокъ есть въ то же время и достоинство романа Лермонтова: таковы бываютъ всѣ современные общественные вопросы, высказываемые въ поэтическихъ произведеніяхъ: это вопль страданія, но вопль, который облегчаетъ страданіе.

Это же единство ощущеній, а не идеи, связываетъ и весь романъ. Въ „Онѣгинѣ" всѣ части органически сочленены, ибо въ избранной рамкѣ романа своего Пушкинъ исчерпалъ всю свою идею, и потому въ немъ ни одной части нельзя ни измѣнить ни замѣнить. „Герой нашего времени" представляетъ собою нѣсколько рамокъ, вложенныхъ въ одну большую раму, которая состоитъ въ названіи романа и единствѣ героя. Части этого романа расположены сообразно съ внутреннею необходимостью, но такъ какъ онѣ только отдѣльные случаи изъ жизни хотя и одного и того же человѣка, то и могли бы быть замѣнены другими, ибо, вмѣсто приключенія въ крѣпости съ Бэлою или въ Тамани, могли бы быть подобныя же и въ другихъ мѣстахъ, и съ другими лицами, хотя при одномъ и томъ же героѣ. Но тѣмъ не менѣе основная мысль автора даетъ имъ единство, и общности ихъ впечатлѣнія поражаешься, не говоря уже о томъ, что „Бэла", „Максимъ Максимычъ" и „Тамань", отдѣльно взятыя, суть въ высшей степени художественныя произведенія. Какія типическія, цѣльно-художественныя лица Бэлы, Азамата, Казбича, Максима Максимыча, дѣвушки въ Тамани! Какія поэтическія подробности, какой на всемъ поэтическій колоритъ!

Но „Княжна Мери", и какъ отдѣльно взятая повѣсть, менѣе всѣхъ другихъ художественна. Изъ лицъ — одинъ Грушницкій есть истинно-художественное созданіе. Драгунскій капитанъ безподобенъ, хотя и является въ тѣни, какъ лицо мелькающее вдали. Но всѣхъ слабѣе обрисованы лица женскія, потому что на нихъ-то особенно отразилась субъективность взгляда автора. Лицо Вѣры особенно неуловимо и неопредѣленно. Это скорѣе сатира на женщину, чѣмъ женщина. Только что начинаете вы ею интересоваться и очаровываться, какъ авторъ тотчасъ же и разрушаетъ ваше участіе и очарованіе какою-нибудь совершенно произвольною выходкою. Отношенія ея къ Печорину похожи на загадку. То она кажется вамъ женщиною глубокою, способною къ безпредѣльной любви и преданности, къ героическому самопожертвованію, то видите въ ней одну слабость и

больше ничего. Особенно ощутителенъ въ ней недостатокъ женственной гордости и чувства своего женственнаго достоинства, которыя не мѣшаютъ женщинѣ любить горячо и безкорыстно, но которыя едва ли когда допустятъ истинно глубокую женщину сносить тиранство любви. Она любитъ Печорина, а въ другой разъ выходитъ замужъ, и еще за старика, слѣдовательно по расчету, по какому бы то ни было; измѣнивъ для Печорина одному мужу, измѣняетъ и другому, и скорѣе по слабости, чѣмъ по увлеченію чувства. Она обожаетъ въ Печоринѣ его высшую природу, и въ ея обожаніи есть что-то рабское. Вслѣдствіе всего этого она не возбуждаетъ къ себѣ сильнаго участія со стороны автора и, подобно тѣни, проскользаетъ въ его воображеніи. Княжна Мери изображена удачнѣе. Это дѣвушка неглупая, но и не пустая. Ея направленіе нѣсколько идеально, въ дѣтскомъ смыслѣ этого слова: ей мало любить человѣка, къ которому влекло бы ее чувство, непремѣнно надо, чтобы онъ былъ несчастенъ и ходилъ въ толстой и сѣрой солдатской шинели. Печорину очень легко было обольстить ее: стоило только казаться непонятнымъ и таинственнымъ, и быть дерзкимъ. Въ ея направленіи есть нѣчто общее съ Грушницкимъ, хотя она и несравненно выше его. Она допустила обмануть себя; но когда увидѣла себя обманутой, она, какъ женщина, глубоко почувствовала свое оскорбленіе, и пала его жертвою, безотвѣтною, безмолвно страдающею, но безъ униженія,—и сцена ея послѣдняго свиданія съ Печоринымъ возбуждаетъ къ ней сильное участіе и обливаетъ ея образъ блескомъ поэзіи. Но, несмотря на это, и въ ней есть что-то какъ будто бы недосказанное, чему опять причиною то, что ея тяжбу съ Печоринымъ судило не третье лицо, какимъ бы долженъ былъ явиться авторъ.

Однако, при всемъ этомъ недостаткѣ художественности, вся повѣсть насквозь проникнута поэзіею, исполнена высочайшаго интереса. Каждое слово въ ней такъ глубоко знаменательно, самые парадоксы такъ поучительны, каждое положеніе такъ интересно, такъ живо обрисовано! Слогъ

повѣсти — то блескъ молніи, то ударъ меча, то разсыпающійся по бархату жемчугъ! Основная идея такъ близка сердцу всякаго, кто мыслитъ и чувствуетъ, что всякій изъ такихъ, какъ бы ни противоположно было его положеніе положеніямъ, въ ней представленнымъ, увидитъ въ ней исповѣдь собственнаго сердца.

Въ „Предисловіи“ къ журналу Печорина авторъ, между прочимъ, говоритъ:

„Я помѣстилъ въ этой книгѣ только то, что относилось къ пребыванію Печорина на Кавказѣ. Въ моихъ рукахъ осталась еще толстая тетрадь, гдѣ онъ разсказываетъ всю жизнь свою. Когда-нибудь и она явится на судъ свѣта, но теперь я не могу взять на себя эту отвѣтственность“.

Благодаримъ автора за пріятное обѣщаніе, но сомнѣваемся, чтобъ онъ его выполнилъ: мы крѣпко убѣждены, что онъ навсегда разстался со своимъ Печоринымъ. Въ этомъ убѣжденіи утверждаетъ насъ признаніе Гёте, который говоритъ въ своихъ запискахъ, что, написавъ „Вертера“, бывшаго плодомъ тяжелаго состоянія его духа, онъ освободился отъ него, и былъ такъ далекъ отъ героя своего романа, что ему смѣшно было видѣть, какъ сходила отъ него съ ума пылкая молодежь... Такова благодарная природа поэта: собственною силою своею вырывается онъ изъ всякаго момента ограниченности и летитъ къ новымъ, живымъ явленіямъ міра, въ полное славы творенье... Объективируя собственное страданіе, онъ освобождается отъ него; переводя на поэтическіе звуки диссонансы духа своего, онъ снова входитъ въ родную ему сферу вѣчной гармоніи... Если же Лермонтовъ и выполнитъ свое обѣщаніе, то мы увѣрены, что онъ представитъ уже не стараго и знакомаго намъ, о которомъ онъ уже все сказалъ, а совершенно новаго Печорина, о которомъ еще много можно сказать. Можетъ-быть, онъ покажетъ его намъ исправившимся, признавшимъ законы нравственности, но вѣрно ужъ не въ утѣшеніе, а въ пущее огорченіе моралистовъ; можетъ-быть, онъ заставитъ его признать разумность и блаженство жизни, но для того чтобы увѣриться, что это не для него, что

онъ много утратилъ силъ въ ужасной борьбѣ, ожесточился въ ней, и не можетъ сдѣлать эту разумность и блаженство своимъ достояніемъ... А можетъ-быть и то: онъ сдѣлаетъ его и причастникомъ радостей жизни, торжествующимъ побѣдителемъ надъ злымъ геніемъ жизни... Но то или другое, а, во всякомъ случаѣ, искупленіе будетъ совершено черезъ одну изъ тѣхъ женщинъ, существованію которыхъ Печоринъ такъ упрямо не хотѣлъ вѣрить, основываясь не на своемъ внутреннемъ созерцаніи, а на бѣдныхъ опытахъ своей жизни... Такъ сдѣлалъ и Пушкинъ съ своимъ Онѣгинымъ: отвергнутая имъ женщина воскресила его изъ смертнаго усыпленія для прекрасной жизни, но не для того, чтобы дать ему счастіе, а для того, чтобы наказать его за невѣріе въ таинство любви и жизни и въ достоинство женщины...

В. Бѣлинскій.

*

*) Мы когда-то обѣщали нашимъ читателямъ поговорить о *русскихъ романахъ*, и до сихъ поръ не сдержали еще обѣщанія. Виноваты, но признаемся: скучно приниматься за русскіе романы, грустно разсматривать ихъ — мертвыя, безжизненныя, или живущія чужою, судорожною жизнью изданія, гдѣ природа забыта, искусство не являлось, языкъ носитъ всѣ признаки незнанія его сочинителями! Вотъ, мы хотѣли бы сказать теперь нѣсколько словъ о двухъ новыхъ романическихъ произведеніяхъ, заглавія которыхъ выписали. Но недавно еще, въ какомъ-то журналѣ сказано было, что критика тотчасъ по выходѣ книги доказываетъ будто бы зависть и желаніе убить книгу, внушить объ ней непріязненное понятіе читателямъ, ибо не всякій еще у насъ самобытно судитъ, и многіе все еще держатся старой системы — вѣрить критикамъ на слово. Хороши созданія, которыя убиваетъ каждое малѣйшее прикосновеніе критики! Впрочемъ, есть пословица: „лежачаго не бьютъ“, и мы ни слова не говоримъ теперь ни о твореніи г-на Башуцкаго,

*) „Сынъ Отечества“ 1840 г., т. 2, книга 4. О „Героѣ нашего времени“ Лермонтова и „Мѣщанинъ“ Башуцкаго.

ніи о твореніи г-на Лермонтова, — пусть они идутъ, пусть публика оцѣнитъ ихъ сама. Пріятельскіе журналы уже расхвалили ихъ, обѣщаютъ даже подробно разобрать и высказать всѣ великія красоты и *Мѣщанина* и *Героя нашего времени*. Мы думаемъ, что для многихъ пишущихъ—критика дѣло безполезное, какъ безполезны дождь и роса для растеній, корень которыхъ подточенъ неумолимымъ червякомъ. Критика въ такомъ случаѣ можетъ быть полезна, какъ анатомія, производящая свои изслѣдованія надъ мертвыми тѣлами для наученія другихъ. Слѣдовательно, критикѣ здѣсь торопиться нечего. Она всегда успѣетъ догнать больныя созданія, влекущіяся между жизнью и смертью, въ малый промежутокъ ихъ бѣднаго, эфемернаго бытія.— Нѣтъ! Мм. Гг., грустно смотрѣть на *современную литературу русскую*, и обязанность рецензента становится нынѣ тяжелою, невыносимою обязанностью!

Едва ли кто, посвятившій ей нѣсколько времени, не захочетъ искупить увольненія отъ нея всякими пожертвованіями, не захочетъ купить спокойствія молчаніемъ, предоставляя всякому дѣлать, что ему угодно. Блаженъ, кто можетъ положить критическое перо и повторить стихъ Виргилія:

Deus nobis haec otium fecit!

Изъ „Сына Отечества" за 1840 г.

Стихотворенія Лермонтова. Санктпетербургъ. 1840.

*) Странное дѣло, любезнѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ! Когда только что вышелъ „Герой нашего времени", сочиненіе Лермонтова, когда одни журналы, превознося его похвалами въ огромныхъ статьяхъ, перепечатали едва ли не полкниги въ листахъ своихъ; другіе, по странному взгляду и страннымъ понятіямъ объ искусствѣ, браня его немилосердно, тоже перепечатывали огромные изъ него отрывки,— книга, несмотря на всѣ эти великолѣпныя, хотя и искрен-

*) „Сѣверная Пчела" 1840 г., № 284 и 285. О стихотвореніяхъ Лермонтова. Статья Л. Л. (В. С. Межевичъ).

нія похвалы, и ожесточеннія, не смѣемъ сказать, неискреннія, нападки, оставалась почти нетронутою въ книжныхъ лавкахъ... Надо же было случаю подсунуть вамъ въ руки статью недоброжелательную, надо было, чтобъ вы прочли ее, и потому только, что книгу бранятъ, превознося въ то же время, правда, умный, но скучный, лишенный всякой поэзіи романъ, надо было, говорю, чтобы вы черезъ это самое заохотились прочесть произведеніе молодого, почти неизвѣстнаго вамъ автора... Вы прочли его: черезъ нѣсколько дней вышла въ „Сѣверной Пчелѣ" статья ваша, а черезъ нѣсколько недѣль „Героя нашего времени" въ книжныхъ лавкахъ почти не бывало!..

Послѣ этого снимаю передъ вами шапку, и низко кланяюсь: люди хлопотали годъ или два, чтобъ ознакомить публику съ замѣчательнымъ дарованіемъ молодого писателя, и публика все-таки мало была съ нимъ знакома, а ваша одна статья сдѣлала болѣе, нежели ихъ двухгодовыя усилія. Честь и хвала вамъ!

Публика едва успѣла ознакомиться съ прекраснымъ дарованіемъ Лермонтова, по первому его произведенію, какъ вотъ является новая книга съ его именемъ—собраніе стихотвореній, исполненныхъ живой, роскошной поэзіи, рядъ художественныхъ произведеній, какихъ, послѣ Пушкина, еще не являлось въ нашей литературѣ. Это такой дорогой подарокъ для нашего времени, почти отвыкшаго отъ истинно художественныхъ поэтическихъ созданій, что, право, нельзя налюбоваться этою неожиданною находкой, нельзя довольно нарадоваться. Боясь, что огромная статья съ великолѣпными похвалами явится не скоро, а брани, можетъ-быть, и совсѣмъ не будетъ, и что вы, занявшись теперь „Экономомъ", не скоро удосужитесь заглянуть въ область поэзіи,—я спѣшу подѣлиться съ вами живыми впечатлѣніями, какія возбудило во мнѣ чтеніе стихотвореній Лермонтова.

Съ именемъ Лермонтова соединяются самыя сладкія воспоминанія моей юношеской жизни. Лѣтъ десять слишкомъ тому назадъ, помню я, хаживалъ, бывало, въ московскій

университетъ (я былъ въ то время студентомъ) молодой человѣкъ, съ смуглымъ выразительнымъ лицомъ, съ маленькими, но необыкновенно быстрыми, живыми глазами: это былъ Лермонтовъ. Нѣкоторые изъ студентовъ видѣли въ немъ добраго, милаго товарища; я съ нимъ не сходился и не былъ знакомъ, хотя зналъ его болѣе, нежели другіе. Лермонтовъ воспитывался въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ и посѣщалъ университетскія лекціи, какъ вольноприходящій слушатель. Между воспитанниками Университетскаго Пансіона было у меня нѣсколько добрыхъ пріятелей: изъ числа ихъ упомяну о покойномъ С. М. Строевѣ. Въ то время (въ 1828, 1829 и 1830 годахъ) въ Москвѣ была замѣтна особенная жизнь и дѣятельность литературная. Покойный М. Г. Павловъ, инспекторъ Благороднаго Университетскаго Пансіона, издавалъ *Атеней*; С. Е. Раичъ, преподаватель Русской Словесности, издавалъ *Галатею*; примѣръ наставниковъ, искренно любившихъ науку и литературу, дѣйствовалъ на воспитанниковъ, что очень естественно; по врожденной дѣтямъ и юношамъ склонности подражать взрослымъ, воспитанники Благороднаго Пансіона также издавали *журналы*, разумѣется, для своего круга, и рукописные: я помню, что въ 1830 году въ Университетскомъ Пансіонѣ существовали *четыре* изданія: *Аріонъ*, *Улей*, *Пчелка* и *Маякъ!* Изъ нихъ одну книжку *Аріона*, издававшагося покойнымъ С. М. Строевымъ, и подареннаго мнѣ въ знакъ дружбы, берегу я и по сіе время, какъ драгоцѣнное воспоминаніе юности. Изъ этихъ-то *дѣтскихъ журналовъ*, благородныхъ забавъ въ часы отдохновенія, узналъ я въ первый разъ имя *Лермонтова*, которое случалось мнѣ встрѣчать подъ стихотвореніями, запечатлѣнными живымъ поэтическимъ чувствомъ, и нерѣдко зрѣлостью мысли не по лѣтамъ.

И вотъ что заставляло меня смотрѣть съ особеннымъ любопытствомъ и уваженіемъ на Лермонтова, и потому болѣе, что до того времени мнѣ не случалось видѣть ни одного русскаго поэта, кромѣ почтеннаго профессора, моего наставника, А. Ѳ. Мерзляковскаго.

Не могу вспомнить теперь первыхъ опытовъ Лермонтова; но кажется, что ему принадлежать читанные мною отрывки изъ поэмы Томаса-Мура „Лалла-Рукъ“, и переводы нѣсколькихъ мелодій того же поэта (изъ нихъ я очень помню одну, подъ названіемъ „Выстрѣлъ“).

Прошло нѣсколько лѣтъ съ того времени: имя Лермонтова не исчезло изъ моей памяти, хотя я нигдѣ не встрѣчалъ его печатно; наконецъ, если не ошибаюсь, въ „Библіотекѣ для Чтенія“ увидѣлъ я его въ первый разъ, и, не будучи знакомъ съ поэтомъ, обрадовался ему, какъ другу. Послѣ того, въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду“ появилось его стихотвореніе (безъ имени): „Пѣсня про Царя Іоанна Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“. Не знаю, какое впечатлѣніе произвело стихотвореніе это въ Петербургѣ, но въ Москвѣ оно возбудило общее участіе; хотя имени автора подъ этимъ стихотвореніемъ подписано не было, однакожъ оно скоро сдѣлалось извѣстно всѣмъ любителямъ литературы. Вслѣдъ за тѣмъ, имя Лермонтова стало появляться въ печати довольно часто, только исключительно почти въ „Отечественныхъ Запискахъ“ и „Литературной Газетѣ“. Напечатанныя въ этихъ двухъ изданіяхъ стихотворенія, съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ новыхъ, нигдѣ не напечатанныхъ пьесъ, вышли нынѣ особенною книгою.

Повторяю: послѣ Пушкина, мнѣ кажется, ни одинъ изъ русскихъ поэтовъ не дебютировалъ съ такою полнотою свѣжихъ, дѣвственныхъ силъ, съ такимъ запасомъ поэтическаго огня, съ такою глубиною мысли самобытной, независимой отъ чуждаго вліянія. Лермонтовъ—это чисто русская душа, въ полномъ смыслѣ этого слова: и если можно сравнить его поэтическія созданія съ чѣмъ-нибудь, такъ я сравню ихъ съ русскою народною пѣснею, конечно, разумѣя здѣсь сравненіе не формы, не выраженія, но идеи, но элементовъ русскаго духа.

Всѣ блестящія дарованія поэтовъ Пушкинскаго періода, такъ ярко мелькнувшія и такъ скоро исчезнувшія на горизонтѣ русской словесности, сіяли свѣтомъ, заимствованнымъ

отъ того солнца, которое вывело ихъ за собою, и вокругъ котораго вращались они, какъ спутники великаго свѣтила. Поймавъ гармонію, они пѣли, такъ сказать, съ голоса, и, въ свое время, плѣняя слухъ, еще неизбалованный музыкальною утонченностью, нерѣдко увлекали чувство, увлекали душу. Пушкинъ, какъ художникъ самобытный, въ послѣднее время, промѣнялъ стихъ на прозу, которая не переставала однакожъ у него быть поэзіей: лучшія свои поэтическія созданія сталъ онъ передавать, большею частью, въ формѣ свободной рѣчи, не стѣсняясь числомъ и мѣрою; подражатели его, не имѣя силъ, чтобы выбиться изъ проторенной колеи, остались при своемъ прежнемъ направленіи. Умеръ Пушкинъ: русская публика, заслушавшись послѣднихъ звуковъ его гармонической лиры, забыла младенческій лепетъ его подражателей, такъ что имена ихъ чуть-чуть не исчезли въ ея памяти: опомнившись послѣ перваго пораженія, она оглядывалась и спрашивала: гдѣ же наслѣдникъ Пушкина? Наслѣдника не было... Публика забыла было, что въ литературѣ существуетъ поэзія...

И вотъ, въ такое-то безвременье является Лермонтовъ. Надобно много имѣть силы, много самобытности, много оригинальности, чтобы къ *стихамъ* приковать общее вниманіе въ то время, когда стихи потеряли весь кредитъ, и оставлены *мальчишкамъ въ забаву*. Лермонтовъ волшебною силою своего таланта привлекаетъ, если не привлекъ уже къ себѣ общаго вниманія просвѣщенной публики.

Въ изданномъ нынѣ собраніи стихотвореній Лермонтова помѣщено всѣхъ пьесъ двадцать восемь. Изъ нихъ двѣ — „Пѣсня про Царя Іоанна Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова“ и „Мцыри“—составляютъ цѣлыя небольшія поэмы.

Первая изъ нихъ въ высочайшей степени проникнута *русскимъ духомъ*: передъ ней блѣднѣютъ и уничтожаются всѣ прежнія попытки нашихъ поэтовъ создать искусственную русскую сказку въ подражаніе сказкамъ народнымъ. Поэтической душою своею Лермонтовъ умѣлъ такъ хорошо понять, такъ чудно уловить и духъ, и форму, и языкъ

народной русской поэзіи, что, читая „Пѣсню“ его, невольно увлекаешься ею, какъ произведеніемъ живымъ, исполненнымъ неподражаемаго простодушія, неподдѣльной натуры. Не могу утерпѣть, чтобы не ознакомить васъ короче съ этою пѣснею.

„Охъ ты гой еси, Царь Іоаннъ Васильевичъ!
Про тебя нашу пѣсню сложили мы,
Про твово любимаго опричника,
Да про смѣлаго купца, про Калашникова.
Мы сложили ее на старинный ладъ,
Мы пѣвали ее подъ гуслярный звонъ
И причитывали да присказывали.
Православный народъ ею тѣшился,
А бояринъ Матвѣй Ромодановскій
Намъ чарку поднесъ меду пѣннаго,
А боярыня его бѣлолицая
Поднесла намъ на блюдѣ серебряномъ
Полотенце новое, шелкомъ шитое.
Угощали насъ три дня, три ночи,
И все слушали, не наслушались“.

Такъ поэтъ начинаетъ свою *пѣсню* —прелюдіей, которая приготовляетъ слушателей къ предмету его повѣствованія.

За трапезой сидитъ грозный царь Іоаннъ Васильевичъ, окруженный стольниками, боярами и опричниками. Пированье, веселье: онъ велитъ поднести опричникамъ въ золоченомъ ковшѣ своемъ вина заморскаго.

„И всѣ пили, Царя славили“.

Одинъ только изъ опричниковъ не принимаетъ никакого участія въ общемъ весельѣ, и *не мочитъ усовъ своихъ въ золотомъ ковшѣ*: это опричникъ *Кирибѣевичъ*, изъ роду *Скуратовыхъ*, вскормленный семьею *Малютиной*. Царь замѣтилъ грусть Кирибѣевича, и спросилъ его, почему онъ *царскою радостію гнушается*.

Не кори ты раба недостойнаго:
Сердца жаркаго не залить виномъ,
Думу черную не запотчивать“.

Такъ отвѣчаетъ ему молодой опричникъ. Какая же *дума черная* лежитъ на сердцѣ у него, молодца удалого, сильнаго, богатаго, взысканнаго милостію царскою?

Прекрасенъ отвѣтъ Кирибѣевича, въ которомъ онъ исчисляетъ свои достоинства и преимущества, и гдѣ, между прочимъ, говоритъ:

Какъ я сяду, поѣду на лихомъ конѣ
За Москву рѣку покататься,
Кушачкомъ подтянуся шелковымъ,
Заломлю на бочокъ шапку бархатную,
Чернымъ соболемъ отороченную,—
У воротъ стоятъ у тесовыхъ
Красны дѣвушки да молодушки,
И любуются, глядя перешептываясь.
Лишь одна не глядитъ, не любуется,
Полосатой фатой покрывается.

Эту непреклонную красавицу зовутъ *Аленой Дмитріевной*. Она жена удалого московскаго купца Калашникова. Но Кирибѣевичъ не сказалъ того Царю, *обманулъ его, лукавый рабъ*, и Царь даетъ такой совѣтъ своему любимцу:

Вотъ возьми перстенекъ ты мой яхонтовый,
Да возьми ожерелье жемчужное,
Прежде свахѣ смышленой покланяйся,
И пошли дары драгоцѣнные
Ты своей Аленѣ Дмитріевнѣ:
Какъ полюбишься, празднуй свадебку,
Не полюбишься,—не прогнѣвайся".

Послѣ этого пѣвецъ начинаетъ вторую часть *своей* пѣсни. Сцена дѣйствія мѣняется. Мы переходимъ совсѣмъ въ другой міръ.

Молодой и удалой купецъ, Степанъ Парамоновичъ Калашниковъ, заперши лавку свою въ гостиномъ дворѣ, приходитъ домой. Жена его пошла къ вечернѣ, но несмотря на то, что вечерня давно уже кончилась, она домой не возвращается. Наконецъ, является она, блѣдная, встревоженная, волосы и одежда въ безпорядкѣ. Когда она возвращалась изъ церкви, присталъ къ ней опричникъ Кирибѣевичъ, ласкалъ и цѣловалъ ее, говоря ей сладкія рѣчи —

„А смотрѣли въ калитку сосѣдушки,
Смѣючись на насъ пальцемъ показывали".

говоритъ Алена Дмитріевна.

Вспылилъ гнѣвомъ молодой удалой купецъ. Онъ посы-

лаетъ за своими меньшими братьями, и говоритъ имъ, что завтра —

„Будетъ кулачный бой,
На Москвѣ-рѣкѣ, при самомъ Царѣ“.

и онъ выйдетъ на опричника, чтобъ биться съ нимъ на смерть.

Ай, ребята, пойте
Только гусли стройте!
А ребята пейте —
Дѣло разумѣйте!

Этимъ пріемомъ поэтъ отдѣляетъ третью часть своей пѣсни, третій актъ превосходной драмы.

На Москвѣ-рѣкѣ кулачный бой. Самъ грозный Царь Іоаннъ Васильевичъ пріѣхалъ посмотрѣть на удалыхъ бойцовъ. Выходитъ удалой Кирибѣевичъ, ожидая себѣ противника. Кликнули кличъ, никто не является.

„На просторѣ опричникъ похаживаетъ,
Надъ плохими бойцами подсмѣиваетъ:
Присмирѣли, небойсь, призадумались!
Такъ и быть, обѣщаюсь, для праздника,
Отпущу живого съ покаяніемъ,
Лишь потѣшу Царя нашего батюшку“.

Выходитъ удалой купецъ Калашниковъ, поклонился въ поясъ Царю, поклонился Кремлю бѣлому и церквамъ православнымъ, а потомъ всему народу русскому.

Кирибѣевичъ спрашиваетъ его объ имени и объ отчествѣ, подсмѣиваясь надъ нимъ съ русскимъ юморомъ:

„А повѣдай мнѣ, добрый молодецъ,
Ты какого рода, племени,
Какимъ именемъ прозываешься?
Чтобъ знать, по комъ панихиду служить,
Чтобы было чѣмъ и похвастаться“.

Прекрасенъ отвѣтъ Калашникова, полный убійственнаго сарказма: это буря души, разрѣшающаяся въ грозныхъ словахъ...

„А зовутъ меня Степаномъ Калашниковымъ,
А родился я отъ *честного отца*,
И жилъ я по закону Господнему.
Не позорилъ я чужой жены,

Не разбойничалъ ночью темною,
Не таился отъ свѣта небеснаго.
И промолвилъ ты правду истинную:
На одномъ изъ насъ панихиду будутъ пѣть,
И не позже, какъ завтра, въ часъ полуденный;
И одинъ изъ насъ будетъ хвастаться,
Съ удалыми друзьями пирующи...
Не шутку шутить, не людей смѣшить:
Къ тебѣ вышелъ я теперь, басурманскій сынъ,
Вышелъ я на страшный бой, на *послѣдній бой*".

Какъ ни храбръ и удалъ былъ Кирибѣевичъ, но при этихъ словахъ —

„Бойки очи его затуманились,
Между сильныхъ плечъ пробѣжалъ морозъ..."

Начался бой. Силенъ ударъ, нанесенный отъ Кирибѣевича Калашникову, но и жестоко отомстилъ за него послѣдній: онъ ударилъ его въ лѣвый високъ такъ, что Кирибѣевичъ застоналъ и упалъ замертво...

„Повалился онъ *на холодный снѣгъ,*
На холодный снѣгъ, будто сосенка,
Будто сосенка во сыромъ бору
Подъ смолистый корень подрубленная".

Царь Іоаннъ Васильевичъ, увидѣвъ то, *прогнѣвался* гнѣвомъ, велѣлъ схватить удалого купца и привесть его передъ свои ясныя очи.

Калашниковъ признается, что онъ убилъ опричника *вольной волею*, но не открываетъ причины, за что. „А за что, про что", говоритъ онъ, „скажу только Богу единому". Онъ готовъ снести на плаху повинную голову, но проситъ только не оставить малыхъ дѣтушекъ, не оставить молодой вдовы да меньшихъ братьевъ.

За откровенное признаніе Царь награждаетъ удалого бойца тѣмъ, что обѣщается исполнить его просьбу — наградить жену и дѣтей изъ казны царской. „А ты самъ", говоритъ онъ,

„Ступай, дѣтинушка,
На высокое мѣсто лобное,
Сложи свою буйную головушку.
Я топоръ велю *наточить, навострить,*

Палача велю *одѣть, нарядить*,
Въ большой колоколъ прикажу звонить,
Чтобы знали всѣ люди московскіе,
Что и ты не оставленъ моей милостью“.

На другой день, при многочисленномъ собраніи народа, удалой боецъ Калашниковъ казненъ...

Тѣло его схоронили—

За Москвой-рѣкой,
На чистомъ полѣ, промежъ трехъ дорогъ:
Промежъ Тульской, Рязанской, Владимірской,
И бугоръ земли тутъ насыпали,
И кленовый крестъ тутъ поставили.
И гуляютъ, шумятъ вѣтры буйные
Надъ его безыменной могилою.
И проходятъ мимо люди добрые:
Пройдетъ *старъ человѣкъ—перекрестится*,
Пройдетъ *молодецъ—пріосанится*,
Пройдетъ *дѣвица—пригорюнится*,
А пройдутъ *гусляры—споютъ пѣсенку*...“

Такъ оканчиваетъ поэтъ свой неподражаемый разсказъ, придѣлавъ къ нему въ заключеніе воззваніе *молодымъ гуслярамъ*, по примѣру русскихъ старинныхъ пѣсенъ въ этомъ родѣ.

Вы не станете сѣтовать на меня, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, что я позволилъ себѣ сдѣлать нѣсколько выписокъ. Нельзя лучше познакомить съ поэтическимъ произведеніемъ, а притомъ стихи такъ увлекательны, что, выписывая, рука не можетъ остановиться.

Теперь, когда вы ознакомились съ содержаніемъ *пѣсни*, вглядитесь въ ея художественное созданіе: вѣдь это —цѣлая драма, простая по завязкѣ своей, но въ то же время высоко-поэтическая, но стройная въ частяхъ, но полная жизни и дѣйствія. Какихъ драматическихъ фантазій и мистерій не отдали бы мы съ вами за другое подобное произведеніе!

Но надобно прочесть эту драму вполнѣ, чтобъ увидѣть, какъ поэтъ въ такомъ маломъ объемѣ умѣлъ обрисовать характеры дѣйствующихъ лицъ ея. Каждое лицо, начиная отъ грознаго Царя Іоанна Васильевича, до старой работницы Еремѣевны, имѣетъ свой живой образъ, свою отдѣль-

ный характеръ: каждое изъ нихъ пластически рисуется въ вашемъ воображеніи.

Но, кромѣ всего этого, меня поражаетъ самая форма разбираемаго произведенія, его поэтическій колоритъ, простота выраженія, сжатость и живость картинъ и образовъ, яркость красокъ, поэзія языка. Тутъ нѣтъ народныхъ пѣсенъ и сказокъ, словъ, выраженій, прибаутокъ, присказокъ, сдѣлавшихся общими мѣстами у нашихъ поддѣльныхъ сказочниковъ; здѣсь сама природа представляетъ образы и даетъ краски, и зато сколько самобытности, сколько силы и крѣпости въ стихахъ этой *Пѣсни*! Поэтъ нашъ не подслушивалъ *слова*, не перенималъ рабски *выраженія* народныя, но, проникнутый живымъ духомъ русскимъ, онъ народилъ ихъ самъ собою, въ глубинѣ своей поэтической души, и потому-то у него все такъ свѣжо, такъ живо, такъ самобытно. Вы въ томъ убѣдитесь сами, даже изъ однихъ только приведенныхъ мною выписокъ.

Другая поэма Лермонтова — „Мцыри" отличается совершенно инымъ характеромъ

Мцыри, какъ объясняется въ примѣчаніи, на грузинскомъ языкѣ значитъ *не служащій монахъ*, нѣчто въ родѣ *послушника*. Поэтъ изобразилъ жизнь или, лучше сказать, моментъ изъ жизни *Мцыри*, который, будучи еще ребенкомъ, взятъ въ плѣнъ въ Грузіи, оставленъ русскимъ генераломъ въ одномъ грузинскомъ монастырѣ, гдѣ онъ былъ призрѣнъ и воспитанъ монахами. Этотъ юноша ушелъ однажды изъ монастыря, пробылъ цѣлые три дня, и потомъ найденъ въ степи, лежащимъ безъ чувствъ. На увѣщеванія и мольбы монаха, юноша высказываетъ исповѣдь души своей, и въ этомъ заключается вся поэма. Содержаніе, по-видимому, очень скудно, но — Боже мой, сколько здѣсь поэзіи, какая полнота чувства, какая неизмѣримая глубина мысли! Первую поэму Лермонтовъ написалъ въ 1837 году, послѣднюю — въ 1840 году: два года разницы, но какъ далеко шагнулъ, какъ окрѣпъ и возмужалъ талантъ молодого поэта! Въ первомъ произведеніи своемъ Лермонтовъ является вмѣстѣ съ необработаннымъ талантомъ, съ неопредѣленно-

мымъ воображеніемъ, съ самобытною фантазіею; во второмъ — это мужъ, это уже поэтъ-философъ, не безотчетно-творящій идеалы, но вглядывающійся въ лицо жизни, силящійся разгадать тайну ея, приподнять таинственное покрывало съ земного бытія человѣка.

Не смѣю въ отрывочномъ прозаическомъ разсказѣ обезображивать созданія полнаго и цѣлаго; краткія выписки не дадутъ о немъ никакого понятія, потому что главное здѣсь — основная идея и ея гигантское развитіе. Нѣсколько, положимъ, очень вѣрно срисованныхъ лицъ изъ эпической поэмы Брюллова „Послѣдній день Помпеи“, не могутъ, даже приблизительно, ознакомить васъ во всей полнотѣ съ этимъ высокимъ произведеніемъ современнаго искусства: такъ точно отрывочныя выписки изъ поэмы, о которой говорю я, не ознакомятъ васъ съ нею; а потому, предоставляя самимъ вамъ насладиться ею вполнѣ, я позволю себѣ выписать только одинъ отрывокъ, чтобы показать, какъ самобытенъ, какъ могучъ талантъ нашего поэта. Этотъ отрывокъ я не назову *лучшимъ*, потому что въ истинно-художественномъ произведеніи, въ которомъ всѣ части гармонируютъ между собою, *лучшаго*, очень естественно, быть не можетъ, но я привожу его потому, что онъ самъ по себѣ представляетъ нѣчто цѣлое и полное.

Мцыри продолжаетъ разсказывать чернецу впечатлѣнія, волновавшія его во время двухъ, трехъ дней его свободнаго странствованія, безъ цѣли и намѣренія. Между прочимъ, онъ описываетъ слѣдующее приключеніе:

„Передо мной
Была поляна. Вдругъ не ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры, и потомъ
Какой то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ,
Играя навзничь на песокъ.
То былъ пустыни вѣчный гость—
Могучій барсъ. Сырую кость
Онъ грызъ и весело визжалъ;
То взоръ кровавый устремлялъ,
Махая ласково хвостомъ,

На полный мѣсяцъ,—и на немъ
Шерсть отливалась серебромъ.
Я ждалъ, схвативъ рогатый сукъ,
Минуты битвы; сердце вдругъ
Зажглося жаждою борьбы
И крови...
Я ждалъ. И вотъ, въ тѣни ночной
Врага почуялъ онъ, и вой
Протяжный, жалобный, какъ стонъ,
Раздался вдругъ... и началъ онъ
Сердито лапой рыть песокъ,
Всталъ на дыбы, потомъ прилегъ,
И первый бѣшеный скачокъ
Мнѣ страшной смертію грозилъ..
Но я его предупредилъ.
Ударъ мой вѣренъ былъ и скоръ.
Надежный сукъ мой, какъ топоръ,
Широкій лобъ его разсѣкъ...
Онъ застоналъ, какъ человѣкъ,
И опрокинулся. Но вновь—
Хотя лила изъ раны кровь
Густой широкою волной,—
Бой закипѣлъ—смертельный бой!
Ко мнѣ онъ кинулся на грудь,
Но въ горло я успѣлъ воткнуть
И тамъ два раза повернуть
Мое оружье... Онъ завылъ,
Рванулся изъ послѣднихъ силъ,
И мы, сплетясь какъ пара змѣй,
Обнявшись крѣпче двухъ друзей,
Упали разомъ, и во мглѣ
Бой продолжался на землѣ.
И я былъ страшенъ въ этотъ мигъ;
Какъ барсъ пустынный золъ и дикъ,
Я пламенѣлъ, визжалъ, какъ онъ;
Какъ будто самъ я былъ рожденъ
Въ семействѣ барсовъ и волковъ,
Подъ свѣжимъ пологомъ лѣсовъ.
Казалось, что слова людей
Забылъ я—и въ груди моей
Раздался тотъ ужасный крикъ,
Какъ будто съ дѣтства мой языкъ
Къ иному звуку не привыкъ...
Но врагъ мой сталъ изнемогать,

Метаться, медленнѣй дышать,
Сдавилъ меня въ послѣдній разъ...
Зрачки его недвижныхъ глазъ
Блеснули грозно—и потомъ
Закрылись тихо вѣчнымъ сномъ;
Но съ торжествующимъ врагомъ
Онъ встрѣтилъ смерть лицомъ къ лицу,
Какъ въ битвѣ слѣдуетъ бойцу!“

Согласитесь, что такой свѣжей, энергической поэзіи давно вы не встрѣчали.

Не могу не выписать изъ этой же поэмы еще одного небольшого отрывка, замѣчательнаго по оригинальности мысли и поэтической граціи. Это — пѣснь *Золотой рыбки*. *Мцыри* разсказываетъ, что ему, въ бреду горячки, представлялось, будто онъ лежитъ на днѣ прозрачной рѣки; надъ нимъ играли стада рыбокъ, и одна изъ нихъ, покрытая золотою чешуей, напѣвала ему:

„Дитя мое,
Останься здѣсь со мной:
Въ водѣ привольное житье,
И холодъ и покой.
Я созову моихъ сестеръ:
Мы пляской круговой
Развеселимъ туманный взоръ
И духъ усталый твой.
Усни—постель твоя мягка,
Прозраченъ твой покровъ.
Пройдутъ года, пройдутъ вѣка
Подъ говоръ чудныхъ сновъ.
О, милый мой, не утаю,
Что я тебя люблю,
Люблю, какъ вольную струю,
Люблю, какъ жизнь мою...“

Я вышелъ за предѣлы письма, и не смѣю распространяться объ остальныхъ стихотвореніяхъ Лермонтова; почти каждое изъ нихъ есть дорогой перлъ въ нашей современной литературѣ. Иное, какъ, напримѣръ, „*Три Пальмы*“, отличается глубиною мысли и художественною полнотою созданія; другое, какъ „*Дары Терека*“, поражаетъ мощною, энергическою фантазіей; нѣкоторые исполнены глубокаго

чувства, неподдѣльной граціи, но всѣ запечатлѣны свѣжестію, оригинальностью таланта крѣпкаго и самобытнаго.

Въ заключеніе попрошу у васъ позволенія выписать вполнѣ одну небольшую пьесу Лермонтова, имѣющую глубокое современное значеніе. Это его

Дума.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто иль темно,
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Состарится безвременно оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ!
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы;
. . . .
. . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его послѣдній часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ.
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный ребяческій развратъ,
И къ гробу мы бредемъ безъ счастія и славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой

Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ, съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Согласитесь, почтеннѣйшій Ѳаддей Венедиктовичъ, что это стихотвореніе есть страница изъ современной исторіи, глубоко—философскій выводъ изъ ея фактовъ. Прочтя эту „Думу", есть надъ чѣмъ подумать и о чемъ призадуматься.

Благодаря издателямъ *стихотвореній Лермонтова*, подъ каждою пьесою его находимъ мы годъ, въ которомъ она писана. Самыя слабыя произведенія — слабыя, разумѣется, относительно,—означены 1836 годомъ. Съ 1837 г. дарованіе поэта нашего мужаетъ и крѣпнетъ постепенно.. Нельзя-ли въ этомъ фактѣ подмѣтить утѣшительную разгадку глубокой тайны, скрывающей будущую судьбу русской поэзіи? Въ 1837 году не стало Пушкина..

Послѣдніе умирающіе звуки лиры его сливаются съ первыми юношескими пѣснями новаго поэта...

Изъ „Сѣверной Пчелы" за 1840 г. Статья Л. Л. (В. Межевича).

* *

*) Собраніе пьесъ, большею частью очень короткихъ, но всегда чрезвычайно милыхъ и показывающихъ въ авторѣ прелестный поэтическій талантъ и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма похвальную строгость въ отношеніи къ самому себѣ. Господинъ Лермонтовъ, какъ извѣстно, сочинилъ стиховъ несравненно болѣе, чѣмъ на полтораста страничекъ, писалъ даже стихотворенія гораздо длиннѣе, но онъ далеко не помѣстилъ всего въ этомъ собраніи, составленномъ съ большимъ вкусомъ изъ выбора того, что самъ поэтъ признаетъ лучшимъ изъ своихъ произведеній. Этотъ выборъ приноситъ ему много чести, и будетъ одобренъ читателями, по-

---

*) „Библіотека для Чтенія" 1840 г., т. 43. „Литературная Лѣтопись". Статья О. Сенковскаго.

тому что въ собраніи рѣшительно нѣтъ ни одной слабой пьесы: всѣ вообще хороши, а многія и истинно прекрасны. На такомъ счастливомъ умѣньи строго оцѣнивать свои произведенія можно основывать еще болѣе надежды относительно поэтической будущности господина Лермонтова, нежели на самыхъ пьесахъ и пьесахъ перваго изданнаго имъ собранія: онѣ показываютъ многое, но еще не показываютъ всего; съ ними онъ еще не въ правѣ требовать для себя титула „великаго поэта", хотя, конечно, и никто не откажетъ ему въ весьма почетномъ и лестномъ названіи „настоящаго поэта". Надобно произвесть что-нибудь поважнѣе, чтобы стать рядомъ съ великими. Онъ, безъ сомнѣнія, это и сдѣлаетъ. Между тѣмъ, судя по первому собранію, мы уже знаемъ, чего можно ожидать отъ господина Лермонтова въ тѣхъ изъ будущихъ твореній, которыми онъ захочетъ навсегда упрочить свою славу: стихъ звучный, твердый и мужественный, сильное чувство, богатое воображеніе, разнообразіе ощущеній, простота, естественность, нѣжность, свѣжесть, отсутствіе поддѣльныхъ стихотворныхъ страстишекъ и притворныхъ жалобъ, сарказмъ безъ наглости, грусть безъ пошлаго романа, вотъ — прекрасныя и рѣдкія достоинства, которыми отличаются эти, большею частью мелкія, „Стихотворенія", и которыя сильно возвышаютъ цѣну будущихъ поэмъ его. Самъ онъ гдѣ-то говоритъ:

„О чемъ писать? Востокъ и югъ
Давно описаны, воспѣты;
Толпу ругали всѣ поэты,
Хвалили всѣ семейный кругъ,
Всѣ въ небеса неслись душою,
Взывали съ тайною мольбою
Къ Н Н., невѣдомой красѣ,
И страшно надоѣли всѣ".

Это доказываетъ, что молодой поэтъ чувствуетъ необходимость быть новымъ, и не станетъ „надоѣдать" намъ изношенными темами, которыя завѣщали Державинъ и Пушкинъ новѣйшему поколѣнію русскихъ поэтовъ, и на которыхъ до сихъ поръ вертится всѣ ихъ „вдохновенія". Прочтите его чудесную „Молитву".

„Въ минуту жизни трудную,
Тѣснится-ль въ сердце грусть,
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
Съ души, какъ бремя, скатится
Сомнѣнье далеко,—
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!..“

Тутъ, кажется, нѣтъ никакой хитрости: молитва такъ проста! А сколько искусства, сколько поэзіи, сколько свѣжести въ этой простотѣ! Не менѣе красоты представляетъ и слѣдующая пьеса, которую авторъ назвалъ „Думою“.

„Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее иль пусто иль темно... (см. 134 стр.).

Стихотвореніе „Дары Терека“ совсѣмъ въ другомъ родѣ: оно одно изъ самыхъ блестящихъ во всемъ собраніи, гдѣ столько блеститъ на страницахъ.

„Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И, привѣтливо ласкаясь,
Морю Каспію журчитъ:
„Разступись, о старецъ-море!
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ.
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ, имъ на славу,
Стадо цѣлое пригналъ“.
Но, склонясь на мелкій берегъ,

Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:
„Я привезъ тебѣ гостинецъ,
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы Кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.
Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ:
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,
И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя.
Взоръ открытый, безотвѣтный
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой".
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ,
И волнуясь буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:
„Слушай, дядя: даръ безцѣнный!
Что другіе всѣ дары?
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно-блѣдными плечами,
Съ свѣтло-русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою.
Замолчалъ потокъ сердитый.

И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова съ косой размытой,
Колыхаяся всплыла.
И старикъ во блескѣ власти
Всталъ могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза,
Онъ взыграль, веселья полный—
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви".

Казачья колыбельная пѣснь—прелесть:

„Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки—баю;
Тихо смотритъ мѣсяцъ ясный
Въ колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Пѣсенку спою;
Ты-жъ дремли, закрывши глазки,
Баюшки—баю.
По камнямъ струится Терекъ,
Плещетъ мутный валъ;
Злой чеченъ ползетъ на берегъ,
Точитъ свой кинжалъ;
Но отецъ твой, старый воинъ,
Закаленъ въ бою.
Спи, малютка, будь спокоенъ,
Баюшки—баю.
Самъ узнаешь, будетъ время,
Бранное житье;
Смѣло вдѣнешь ногу въ стремя
И возьмешь ружье.
Я сѣдельце боевое
Шелкомъ разошью.
Спи, дитя мое родное,
Баюшки—баю.
Богатырь ты будешь съ виду
И казакъ душой,
Провожать тебя я выйду,
Ты махнешь рукой...
Сколько горькихъ слезъ украдкой
Я въ ту ночь пролью!..
Спи, мой ангелъ, тихо, сладко,
Баюшки—баю.

Стану я тоской томиться,
Безутѣшно ждать,
Стану цѣлый день молиться,
По ночамъ гадать.
Стану думать, что скучаешь
Ты въ чужомъ краю...
Спи-жъ, пока заботъ не знаешь,
Баюшки—баю.
Дамъ тебѣ я на дорогу
Образокъ святой:
Ты его, моляся Богу,
Ставь передъ собой;
Да готовясь въ бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенецъ мой прекрасный,
Баюшки—баю.

Еще замѣчательнѣе, во всѣхъ отношеніяхъ, стихотвореніе, подъ заглавіемъ „Ребенку“:

„О грезахъ юности томимъ воспоминаньемъ,
Съ отрадой тайною и тайнымъ содроганьемъ,
Прекрасное дитя, я на тебя смотрю..
О, еслибъ знало ты, какъ я тебя люблю!
Какъ милы мнѣ твои улыбки молодыя,
И быстрые глаза, и кудри золотыя,
И звонкій голосокъ!—Не правда-ль, говорятъ,
Ты на нее похожъ? - Увы! года летятъ;
Страданія ее до срока измѣнили,
Но вѣрныя мечты тотъ образъ сохранили
Въ груди моей; тотъ взоръ, исполненный огня,
Всегда со мной. А ты, ты любишь-ли меня?
Не скучны ли тебѣ непрошеныя ласки?
Не слишкомъ часто-ль я твои цѣлую глазки?
Слеза моя ланитъ твоихъ не обожгла-ль?
Смотри-жъ, не говори ни про мою печаль
Ни вовсе обо мнѣ. Къ чему? Ее, быть-можетъ,
Ребяческій разсказъ разсердитъ иль встревожитъ..
Но мнѣ ты все повѣрь. Когда въ вечерній часъ,
Предъ образомъ съ тобой заботливо склонясь,
Молитву дѣтскую она тебѣ шептала
И въ знаменье креста персты твои сжимала,
И всѣ знакомыя, родныя имена
Ты повторялъ за ней,—скажи: тебя она
Ни за кого еще молиться не учила?

Блѣднѣя, можетъ-быть, она произносила
Названіе, теперь забытое тобой...
Не вспоминай его. Что имя?—звукъ пустой!
Дай Богъ, чтобъ для тебя оно осталось тайной.
Но если какъ нибудь, когда нибудь, случайно
Узнаешь ты его,—ребяческіе дни
Ты вспомни, и его, дитя, не прокляни!"

Надобно еще привесть „Вѣтку Палестины", потому что приведеніе каждой такой пьесы—новая похвала поэту:

„Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?
У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?
Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Солима бѣдные сыны?
И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ же-ль манитъ, въ лѣтній зной,
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?
Или въ разлукѣ безотрадной
Она увяла, какъ и ты,
И дольный прахъ ложится жадно
На пожелтѣвшіе листы?..
Повѣдай, набожной рукою
Кто въ этотъ край тебя занесъ?
Грустилъ онъ часто предъ тобою?
Хранишь ты слѣдъ горючихъ слезъ?
Иль, Божьей рати лучшій воинъ,
Онъ былъ, съ безоблачнымъ челомъ,
Какъ ты, всегда небесъ достоинъ
Передъ людьми и Божествомъ?
Забытой тайною хранима,
Передъ иконою святой,
Стоишь ты, вѣтвь Іерусалима,
Святыни вѣрный часовой!
Прозрачный сумракъ, лучъ лампады,
Кивотъ и крестъ, символъ святой...
Все полно мира и отрады
Вокругъ тебя и надъ тобой".

Нѣтъ сомнѣнія, что автору такихъ превосходныхъ стихотвореній во всякой литературѣ была бы воздана полная поэтическая почесть. Сколько же должно надѣяться отъ молодого дарованія, которое такъ начинаетъ!

Приведенныя здѣсь пьески показались намъ лучшими во всемъ собраніи, въ которомъ все хорошо. Въ немъ находятся и двѣ довольно длинныя пьесы: „Пѣсня про царя Ивана Васильевича" и „Мцыри", которыя, слѣдовательно, принадлежатъ также къ категоріи хорошихъ. Конечно, *хорошо* — не большая похвала для длиннаго стихотворенія, но не надобно принимать здѣсь этого слова въ слишкомъ ограниченномъ смыслѣ, потому что между хорошимъ, какъ бы оно длинно ни было, у господина Лермонтова безпрерывно встрѣчается превосходное, напримѣръ, слѣдующая страница „Мцыри":

„Была поляна. Вдругъ по ней
Мелькнула тѣнь, и двухъ огней
Промчались искры... и потомъ
Какой-то звѣрь однимъ прыжкомъ
Изъ чащи выскочилъ и легъ..." и т. д. (см. 131 стр.).

Жаль разставаться съ такими милыми стихами: мнѣ бы хотѣлось выписывать ихъ до безконечности и не говорить ни о чемъ болѣе въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ. Увы! въ томъ, о чемъ мнѣ предстоитъ еще говорить, вамъ не предстоитъ никакой радости! Развѣ станете читать „Кота Мурра", если еще не читали вы его по-нѣмецки, что даже невѣроятно.

О. Сенковскій.

*) Эта небольшая тоненькая книжка, съ такимъ простымъ и короткимъ заглавіемъ, должна быть пріятнымъ подаркомъ для избранныхъ, то-есть образованнѣйшей части русской публики. Хотя большая половина стихотвореній г. Лермонтова и была уже напечатана въ „Литературныхъ Прибавленіяхъ къ Русскому Инвалиду" (1838) и особенно въ

*) В. Бѣлинскій въ „Отечественныхъ Запискахъ" 1840 г. Т. XIII. о „Стихотвореніяхъ Лермонтова".

„Отечественныхъ Запискахъ“ 1839 и 1840 годовъ; но не говоря уже о томъ, что цѣлая треть книжки состоитъ изъ пьесъ, нигдѣ ненапечатанныхъ и совершенно неизвѣстныхъ публикѣ, кому не пріятно имѣть всѣ стихотворенія даровитаго поэта, собранными въ одну книжку, и этимъ избавиться отъ труда искать ихъ то въ томъ, то въ другомъ нумерѣ журнала или газеты? Несмотря на то, что г. Лермонтовъ началъ свое поэтическое поприще еще такъ недавно, не дальше, какъ съ 1837 года, имя его уже громко огласилось на святой Руси, и его юный, могучій талантъ нашелъ не только ревностныхъ почитателей и жаркихъ поборниковъ, но и ожесточенныхъ враговъ, — честь, которая бываетъ удѣломъ только истиннаго дарованія. Что талантъ Лермонтова такъ скоро пріобрѣлъ себѣ много пламенныхъ поклонниковъ, это нисколько не удивительно: огнистый Сиріусъ замѣтенъ и на усѣянномъ звѣздами небѣ, а яркая звѣзда таланта Лермонтова блистаетъ почти на пустынномъ небосклонѣ, безъ соперниковъ по величинѣ и блеску, даже безъ этихъ звѣздочекъ, которыя безчисленностью выкупаютъ свою микроскопическую малость и своимъ множествомъ умѣряютъ лучезарное сіяніе главнаго свѣтила. Правда, талантъ Лермонтова не совсѣмъ одинокъ: подлѣ него блеститъ въ могучей красотѣ самородный талантъ Кольцова; свѣтится и играетъ переливными цвѣтами граціозно-поэтическое дарованіе Красова. После нихъ можно было бы указать и еще на два, на три имени: у того много чувства, у этого попадаются хорошіе стихи, а вотъ тотъ подавалъ когда-то хорошія надежды; но тотъ одностороненъ и немного страненъ, этотъ написалъ всего два-три стихотворенія, а о многихъ, недавно еще шумѣвшихъ, уже не слышно, какъ будто бы ихъ и совсѣмъ не было. Въ результатѣ все-таки остается одно: небосклонъ пустыненъ!.. Здѣсь мы должны сдѣлать оговорку, имѣя въ виду людей, которые пробавляются какъ своей чужими недомысліями, какъ насущнымъ хлѣбомъ: говоря о Лермонтовѣ, мы разумѣемъ современную русскую литературу, отъ смерти Пушкина до настоящей минуты, и, не находя въ ней соперниковъ та-

ланту Лермонтова, разумѣемъ собственно стихотворцевъ-поэтовъ, а не прозаиковъ-поэтовъ, между которыми Лермонтовъ блистаетъ какъ Сиріусъ между звѣздами, потому только, что первый и великій прозаикъ-поэтъ русской литературы, съ которымъ Лермонтовъ не пріобрѣлъ еще правъ и быть сравниваемымъ, ничего не печатаетъ со времени смерти Пушкина: читатели поймутъ, о комъ мы говоримъ.

Относительно же того, что талантъ Лермонтова, въ такое короткое время, успѣлъ нажить себѣ ожесточенныхъ и непримиримыхъ враговъ, то также понятно. Разумѣется, эти враги составляютъ ту часть публики, которая должна называться „толпою“; немногимъ этихъ господъ очень понятна: поэзія Лермонтова для нихъ — плодъ слишкомъ нѣжный и деликатный, такъ что не можетъ льстить ихъ грубому вкусу, на который дѣйствуетъ только слишкомъ сладкое, какъ медъ, слишкомъ кислое какъ огуречный разсолъ, и слишкомъ соленое, какъ севрюжина. Эти господа чувствуютъ непреодолимую антипатію даже и къ тѣмъ людямъ, которые восхищаются талантомъ Лермонтова, и они бранятъ ихъ, какъ служителей своихъ господъ, которые устрицъ предпочитаютъ рыбной селянкѣ съ перцемъ. Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ сильнѣйшая — самолюбіе, которое, будучи оскорблено, никогда не прощаетъ. Но чѣмъ же скорѣе всего можетъ быть оскорблено самолюбіе ограниченнаго человѣка, какъ не сознаніемъ своего безсилія понять недоступное его разумѣнію? Что можетъ быть досаднѣе и тяжелѣе, какъ не сознаніе своего невѣжества или своей ограниченности? Здѣсь мы очень кстати можемъ замѣтить мимоходомъ, что по этой же самой причинѣ и „Отечественныя Записки“ имѣютъ такъ много и такихъ ожесточенныхъ враговъ даже между людьми, которые, бранивъ ихъ, все-таки каждую книжку ихъ прочитываютъ отъ доски до доски: особенное неблаговоленіе этихъ господъ навлекаетъ на себя критика „Отеч. Записокъ“ и *непонятныя слова* встрѣчающіяся въ ней... Право такъ, мы не шутимъ.

Но хотя многія изъ этихъ словъ не были новыми и дикими ни въ „Мнемозинѣ“, ни въ „Московскомъ Вѣстникѣ“, ни въ „Телеграфѣ“, ни даже въ „Вѣстникѣ Европы“ — журналахъ, какъ извѣстно, издававшихся въ Москвѣ, однако здѣсь, въ Петербургѣ, они приводятъ въ ужасъ и становятъ въ тупикъ не только обыкновенныхъ читателей, но даже и записныхъ словесниковъ, теоретиковъ изящнаго и особенно сочинителей реторикъ. Обратимся къ Лермонтову. Кромѣ читателей того разряда, о которомъ мы сейчасъ говорили, его талантъ еще больше имѣетъ враговъ между литераторами, и что еще понятнѣе: кто устарѣлъ, и, плохо понимавъ стихотворенія, писанныя до 1834 года, уже совсѣмъ не понимаетъ ничего писаннаго послѣ того года, тотъ родился совсѣмъ безъ органа эстетическаго чувства, не понимаетъ поэзіи, и думаетъ, что она годится только „для сбыта пустыхъ и вздорныхъ мыслей“; иные больше занимаются барышничествомъ, чѣмъ изящнымъ; а всѣ вмѣстѣ — оскорблены тѣмъ, что стихотворенія Лермонтова не встрѣчаются на листахъ, выходящихъ подъ фирмою ихъ имени... о господахъ же сочинителяхъ стишковъ для журналовъ и даже большихъ и пребольшихъ штукъ, — изъ которыхъ иные, по извѣщенію одной знаменитой афиши, боролись съ исполинами иностранныхъ литературъ и побѣдили ихъ, — объ этихъ господахъ нечего и говорить: имъ становится дурно отъ стиховъ Лермонтова по слишкомъ законной причинѣ. Вмѣсто рецепта, совѣтуемъ имъ почаще читать эти стишки:

Вотъ *Бутусовъ*; онъ зубами
Бюстъ грызетъ Карамзина;
Пѣна съ устъ валитъ клубами,
Кровью грудь обагрена.
Но напрасно мраморъ гложетъ,—
Только время тратитъ въ томъ:
Онъ вредить ему не можетъ
Ни зубами ни перомъ.

Но дѣло таланта Лермонтова не ограничится ни друзьями ни врагами: оно пошло далѣе, и теперь уже явились ложные друзья, которые спекулируютъ на имя Лермонтова.

чтобы мнимымъ безпристрастіемъ (похожимъ на *купленное* пристрастіе) исправить въ глазахъ толпы свою незавидную репутацію. Такъ, напримѣръ, не только одна газета,—которая, впрочемъ, больше занимается успѣхами мелкой промышленности, чѣмъ литературою, и знаетъ больше толку въ качествѣ сигаръ и достоинствѣ водоочистительныхъ машинъ, чѣмъ въ созданіяхъ искусства,—провозгласила „Героя нашего времени" геніальнымъ и вѣчнымъ созданіемъ, упрекая въ то же время какіе-то *субъективно-объективные* журналы въ пристрастіи и *неумѣренныхъ похвалахъ* этому, дѣйствительно превосходному произведенію Лермонтова. Къ довершенію комедіи, пустившись судить о частностяхъ романа Лермонтова, сія газета выбрала нѣсколько мыслей изъ критики „Отеч. Записокъ", разумѣется, исказивъ ихъ по своему, и нашпиговала свою статейку тупыми остротами насчетъ обобранной же ею критики. О, безпристрастіе!

Кстати, о безпристрастіи: мы неоднократно читали обращенные къ намъ упреки въ излишнемъ будто бы пристрастіи къ лицамъ, произведенія которыхъ часто встрѣчаются на страницахъ „Отечественныхъ Записокъ". Такъ, напримѣръ, однажды сказано было въ одномъ журналѣ, что „Отеч. Записки" называютъ *великимъ поэтомъ* подписывающагося подъ своими стихотвореніями —о—. Странное обвиненіе! Какъ будто печатать въ своемъ журналѣ чьи-нибудь стихотворенія не для журнальнаго балласта, а по сознанію, что эти стихотворенія достойны вниманія публики, открыто признавать въ большей части ихъ искренность и неподдѣльную теплоту, а иногда и полноту чувства, въ нѣкоторыхъ же, вмѣстѣ съ этимъ, въ извѣстной степени, гармонію и красоту стиха, и, наконецъ, говорить о нихъ, что они гораздо лучше случайно прославленныхъ стихотвореній того или другого сомнительнаго таланта, хотя и пользуются меньшею въ сравненіи съ ними извѣстностью,—какъ будто все это то же самое, что назвать ихъ автора „великимъ поэтомъ"?.. Что же касается до другихъ, какъ, напр., г. Кольцова и Красова,—ихъ талантъ, особенно перваго, давно уже признанъ публикою,—и если „Отеч. Записки"

превозносить ихъ, то совсѣмъ не потому, что могутъ быть ими громко хвалимы. Это похоже на то, какъ часто случается слышать въ свѣтѣ: „Вы потому его хвалите, что онъ вашъ другъ!“ — Странные люди! напротивъ, онъ потому и другъ мнѣ, что я могу хвалить его. — Вольно же вамъ принимать слѣдствіе за причину! Такъ точно и „Отеч. Записки“ удивляются Лермонтову потому, что его талантъ поражаетъ невольнымъ удивленіемъ всякаго, у кого есть эстетическій вкусъ, — и если бъ Лермонтовъ печатался хоть въ другомъ повременномъ изданіи между повѣстями и извѣстіями о вновь прибывающихъ изъ Парижа модахъ, — „Отеч. Записки“ и тогда точно также стали бы хвалить Лермонтова. И почему же бы и такъ! Неужели же „Отечественнымъ Запискамъ“ для этого ждать, что скажетъ о Лермонтовѣ тотъ или другой журналъ. О, нѣтъ! „Отеч. Записки“ не приучены къ такой излишней скромности: напротивъ, онѣ въ другихъ журналахъ привыкли находить повтореніе своихъ мнѣній и словъ, которыя тѣми же журналами и съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуются. Не подождать-ли имъ было приговора публики? — Напротивъ: „Отеч. Записки“ для того и издаются, чтобъ публика въ нихъ находила норму для своихъ приговоровъ; если же есть много читателей, которыхъ вкусъ сходится со вкусомъ „Отеч. Записокъ“, безъ предварительнаго сношенія, соглашенія или повѣрки, — то тѣмъ лучше для обѣихъ сторонъ, и тѣмъ больше выигрышъ со стороны истины. Вообще, упреки „Отеч. Запискамъ“ въ пристрастіи, а ихъ рѣзкія и главное — новыя и оригинальныя сужденія, выходятъ изъ слѣдующаго источника: сужденія пишутся для общества, а общество состоитъ изъ *публики* и *толпы*. Публика есть собраніе извѣстнаго числа (по большей части очень ограниченнаго) образованныхъ и самостоятельно мыслящихъ людей; толпа есть собраніе людей, живущихъ по *преданію* и разсуждающихъ по *авторитету*, другими словами, изъ людей, которые:

Не могутъ смѣть
Свое сужденіе имѣть.

Такіе люди въ Германіи называются *филистерами*, и пока на русскомъ языкѣ не пріищется для нихъ удачнаго выраженія, будемъ называть ихъ этимъ именемъ. Для публики великій писатель тотъ, кто великъ своими созданіями, а не долговременнымъ писательствомъ; публика иногда провозглашаетъ великимъ талантомъ молодого человѣка, который не больше трехъ дней какъ началъ писать, и имени котораго до той минуты никто не слыхалъ, — и та же публика съ упрямымъ презрѣніемъ иногда не хочетъ и слышать о человѣкѣ, котораго имя лѣтъ тридцать печатается и тамъ и сямъ, который успѣлъ написать цѣлую гору скверныхъ книгъ, и котораго толпа давно признала чуть-чуть не геніемъ.

Но толпа, о, это совсѣмъ другое дѣло! Толпа ничего не видитъ въ книгѣ, кромѣ бумаги и буквъ, кромѣ заглавія, имени и рифмы. Выходитъ твой романъ, — она его не читаетъ, ожидая, что скажутъ ея оракулы, такой-то журналъ, такая-то газета. Толпа неповоротлива по натурѣ своей, и ничего такъ не трудно для членовъ ея, какъ перейти отъ одного поприща къ другому, перемѣнить одну книжку на другую, или замѣнить старый авторитетъ, старую славу новымъ авторитетомъ, новою славою. Новое литературное имя, новая слава — бичъ для толпы, ибо это имя, эта слава переворачиваютъ вверхъ ногами бѣдный запасъ ея бѣдныхъ мнѣній. Толпа готова признавать примѣчательный талантъ даже въ Пушкинѣ, котораго не любитъ по филистерскому инстинкту, и признавать не за его геніальность, которую уже она не въ состояніи постигнуть, но потому, что толпа, волею или неволею, прислушалась къ нему въ продолженіе, по крайней мѣрѣ, двадцати двухъ лѣтъ. Какъ же требовать отъ толпы, чтобъ она не хмурилась и серьезно не махала своими бумажными колпаками, когда ей будутъ увѣрять, что, напримѣръ, Гоголь — великій писатель, что его „Ревизоръ" геніальное созданіе, что Лермонтовъ — талантъ необыкновенный, обѣщающій въ будущемъ нѣчто геніальное, великое? Каково же этимъ господамъ, которые, въ своей филистерской дремотѣ, почи-

таемой ими за жизнь, привыкли смотрѣть на Бибошкина, Тряпичкина и Пройдохина, какъ на величайшихъ романистовъ, драматистовъ, грамотеевъ и критиковъ, потому только, что они уже давно торгуютъ литературою и сами ежедневно величаютъ себя геніями! Какое имъ слышать, что гг. Выбойкины, Тряпичкины и Пройдохины — просто безграмотные пачкуны, награждающіе сами себя, будто они ли не они ли, будто имъ и Пушкинъ ни по чемъ, и Вальтеръ-Скоттъ свой братъ, будто они всѣхъ и умнѣе, и талантливѣе, и благонамѣреннѣе, и будто въ головахъ всѣхъ русскихъ литераторовъ, вмѣстѣ взятыхъ, меньше ума, чѣмъ въ *мизинчикѣ* каждаго изъ нихъ? Чтобъ докончить характеристику толпы, мы должны сказать, что филистеры и китайцы, не будучи однимъ и тѣмъ же, похожи другъ на друга и родственны другъ другу; впрочемъ, объ ихъ сходствѣ и сродствѣ мы поговоримъ еще въ другое время. „Филистеры" есть вездѣ и всегда въ большемъ противу членовъ публики количествѣ. Но въ другихъ мѣстахъ они сноснѣе, потому что не такъ замѣтны, будучи подчинены невольному вліянію публики. Оттого-то въ тѣхъ мѣстахъ есть самостоятельность въ воззрѣніяхъ: авторитеты возникаютъ и падаютъ не случайно, но разумно; все талантливое тотчасъ же оцѣнивается какимъ-то инстинктомъ, а незаконные и устарѣлые авторитеты исчезаютъ, какъ дымъ, сами собою.

„Отеч. Записки" всегда будутъ имѣть въ виду не *толпу*, а *публику*. Увѣренныя, что истина всегда возьметъ свое, онѣ, въ сужденіяхъ своихъ, не будутъ согласоваться ни съ заплѣснѣвѣлыми литературными адресъ-календарями ни съ говоромъ полуграмотной толпы, а съ собственнымъ чувствомъ и разумѣніемъ, на основаніи самаго судимаго предмета. И потому, „Отеч. Записки", *при сей вѣрной оказіи*, еще громче, чѣмъ прежде, объявляютъ во всеуслышаніе глубокое свое убѣжденіе, что первые опыты Лермонтова пророчатъ въ будущемъ нѣчто колоссально-великое. Не говоря, напр., о его поэмѣ „Мцыри" (стр. 121—159), какъ о цѣломъ созданіи, выписываемъ два мѣста изъ нея, чтобъ

читатели, еще не кончивъ нашей рецензіи, могли судить объ алмазной крѣпости и блескѣ стиховъ Лермонтова, дивной вѣрности и неисчерпаемой роскоши его поэтическихъ картинъ:

Ты хочешь знать, что дѣлалъ я
На волѣ? Жилъ,—и жизнь моя
Безъ этихъ трехъ блаженныхъ дней
Была бъ печальнѣй и мрачнѣй
Безсильной старости твоей.
Давнымъ-давно задумалъ я
Взглянуть на дальнія поля,
Узнать, прекрасна ли земля,—
И въ часъ ночной, ужасный часъ,
Когда гроза пугала васъ,
Когда столпясь при алтарѣ,
Вы ницъ лежали на землѣ,
Я убѣжалъ. О! *я, какъ братъ,*
Обняться съ бурей былъ бы радъ!
Глазами тучи я слѣдилъ,
Рукою молніи ловилъ...
Скажи мнѣ, что средь этихъ стѣнъ
Могли бы дать вы мнѣ взамѣнъ
Той дружбы краткой, но живой,
Межъ бурнымъ сердцемъ и грозой?..
. . . .
И, какъ его, палилъ меня
Огонь безжалостнаго дня.
Напрасно пряталъ я въ траву
Мою усталую главу:
Изсохшій листъ ся вѣнцомъ
Терновымъ надъ моимъ челомъ
Свивался—и въ лицо огнемъ
Сама земля дышала мнѣ.
Сверкая быстро въ вышинѣ,
Кружились искры; съ бѣлыхъ скалъ
Струился паръ. Міръ Божій спалъ
Въ оцѣпенѣніи глухомъ
Отчаянья тяжелымъ сномъ.
Хотя бы крикнулъ коростель,
Иль стрекозы живая трель
Послышалась, или ручья
Ребячій лепетъ... Лишь змѣя,
Сухимъ бурьяномъ шелестя,

Сверкая желтою спиной,
Какъ будто надписью златой
Покрытый до низу клинокъ,
Браздя разсыпчатый песокъ,
Скользила бережно, потомъ
Играя, нѣжася на немъ,
Тройнымъ свивалася кольцомъ;
То будто вдругъ обожжена,
Металась, прыгала она
И въ дальнихъ пряталась кустахъ...
И было все на небесахъ
Свѣтло и тихо...

Такой стихъ—булатный мечъ; и кто, слабо взявшись за него, вертитъ имъ, какъ тросточкою,—тотъ богатырь..

Но вотъ послѣдняя прощальная пѣснь лебедя, оставляющаго привычныя воды для другихъ дальнихъ и чуждыхъ, но, можетъ-быть, болѣе привольныхъ ему водъ:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною
Мчитесь вы, будто, какъ я же, изгнанники
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.
Кто же васъ гонитъ? судьбы ли рѣшеніе?
Зависть ли тайная? злоба-ль открытая?
Или на васъ тяготитъ преступленіе?
Или враговъ клевета ядовитая?
Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя,
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія!..

Да, кромѣ Пушкина, никто еще не начиналъ у насъ такими стихами своего поэтическаго поприща, и такъ хорошо не олицетворялъ миѳическаго преданія объ Ираклѣ, который, еще въ колыбели, будучи дитятею, душилъ змѣй зависти.

Впрочемъ, пока довольно: „Отечественныя Записки" надѣются вскорѣ поговорить въ особой статьѣ, въ отдѣлѣ „Критики", о стихотвореніяхъ Лермонтова; а все сказанное здѣсь просятъ своихъ читателей принять за простое библіографическое извѣстіе, конечно, длинноватое,—но подобныя литературныя явленія дѣлаютъ нетерпѣливо-говорливымъ...

В. Бѣлинскій.

„Герой нашего времени“.

*) По смерти Пушкина ни одно новое имя, конечно, не блеснуло такъ ярко на небосклонѣ нашей Словесности, какъ имя г. Лермонтова. Талантъ рѣшительный и разнообразный, почти равно владѣющій и стихомъ и прозою. Бываетъ обыкновенно, что поэты начинаютъ лиризмомъ: ихъ мечты сначала носятся въ этомъ неопредѣленномъ эфирѣ поэзіи, изъ котораго потомъ иные выходятъ въ живой и разнообразный міръ эпоса, драмы и романа, другіе же остаются въ немъ навсегда. Талантъ г-на Лермонтова обнаружился съ самаго начала и въ томъ и въ другомъ родѣ: онъ и одушевленный лирикъ и замѣчательный повѣствователь. Оба міра поэзіи, нашъ внутренній, душевный, и внѣшній, дѣйствительный, равно для него доступны. Рѣдко бываетъ, чтобы въ такомъ молодомъ талантѣ жизнь и искусство являлись въ столь неразрывной и тѣсной связи. Почти всякое произведеніе г-на Лермонтова есть отголосокъ какой-нибудь сильно прожитой минуты. При самомъ началѣ поприща замѣчательны эта зрѣлая наблюдательность, эта легкость, это умѣнье, съ какими повѣствователь схватываетъ цѣлые характеры и воспроизводитъ ихъ въ искусствѣ. Опытъ не можетъ еще быть такъ силенъ и богатъ въ эти годы: но въ людяхъ даровитыхъ онъ замѣняется какимъ-то предчувствіемъ, которымъ они постигаютъ заранѣе тайны жизни. Судьба, ударя по такой душѣ, призванной при своемъ рожденіи даръ предугаданія жизни, тотчасъ открываетъ въ ней источникъ поэзіи: такъ Моисей, случайно ударивъ въ скалу, таящую въ себѣ источникъ воды живой, открываетъ ему исходъ, и новый ключъ бьетъ изъ открытаго лона.

Вѣрное чувство жизни дружно въ немъ идетъ съ вѣрнымъ чувствомъ изящнаго. Его сила творческая легко покоряетъ себѣ образы, взятые изъ жизни, и даетъ имъ живую яркость. Но замѣтна была бы во всемъ печать стро-

---

*) „Москвитянинъ“ 1841 г. Ч. I. № 2. О „Героѣ нашего времени“. Статья С. Шевырева.

наго вкуса: нѣтъ никакой притворной выисканности, и съ перваго раза особенно поражаютъ эта трезвость, эта полнота и краткость выраженія, которыя свойственны талантамъ болѣе опытнымъ, а въ юности означаютъ силу дара необыкновеннаго. Въ поэтѣ, въ стихотворцѣ, еще болѣе, чѣмъ въ повѣствователѣ, видимъ мы связь съ его предшественниками, подмѣчаемъ ихъ вліяніе, весьма и должное. Ибо новое поколѣніе должно начинать тамъ, гдѣ другіе кончили: въ поэзіи, при всей внезапности ея самыхъ геніальныхъ явленій, должна же быть память преданія. Поэтъ, какъ бы ни былъ оригиналенъ, а все имѣетъ своихъ воспитателей. Но мы замѣтимъ съ особеннымъ удовольствіемъ, что вліянія, какимъ подвергался новый поэтъ, разнообразны, что нѣтъ у него исключительно какого-нибудь любимаго учителя. Это самое уже говоритъ въ пользу его оригинальности. Но есть многія произведенія, въ которыхъ и по-стилю виденъ онъ самъ, замѣтна яркая его особенность.

Съ особеннымъ радушіемъ готовы мы на первыхъ страницахъ нашей критики привѣтствовать свѣжій талантъ при его первомъ явленіи, и охотно посвящаемъ подробный и искренній разборъ „Герою нашего времени", какъ одному изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній нашей современной словесности.

Пусть англичане, какъ народа, на своихъ корабляхъ, окрыленныхъ парами, объемлющаго всѣ земли міра. Конечно, нѣтъ другого народа, который бы въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ могъ представить такое богатое разнообразіе мѣстности, какъ Россія.

Въ Германіи, при скудномъ мірѣ дѣйствительности, поневолѣ будешь, какъ Жанъ Поль или Гофманъ, пускаться въ міръ фантазіи, и ея созданіями замѣнять нѣсколько однообразную бѣдность существеннаго быта природы. Но то ли дѣло у насъ? Всѣ климаты подъ рукою: столько народовъ, говорящихъ языками не узнанными, и хранящихъ у себя непочатыя сокровища поэзіи у насъ человѣчество во всѣхъ видахъ, какіе имѣло оно отъ временъ гомерическихъ до нашихъ. Прокатитесь по всему пространству Россіи въ

избранное время года — и вы проѣдете черезъ зиму, осень, весну и лѣто. Сѣверныя сіянія, ночи жаркаго юга, огненные и льды морей сѣверныхъ, небесная лазурь полуденныхъ, горы въ вѣчныхъ снѣгахъ, современныхъ міру; и веселы степи безъ конца и пригорочка, рѣки-моря, плавнотекущія; рѣки-водопады, питомицы горъ, болота съ одною клюквою; виноградные сады, поля съ тощимъ хлѣбомъ; поля, усѣянныя рисомъ, петербургскіе салоны со всѣмъ щегольствомъ и роскошью нашего вѣка, юрты кочующихъ народовъ, еще не получившихъ осѣдлости; Тальони на сценѣ великолѣпно освѣщеннаго театра, при звукахъ европейскаго оркестра; пляшущая камчадалка передъ Юкагирами, при стукѣ дикихъ инструментовъ. И все это у насъ въ одно время, въ одну минуту бытія!.. И вся Европа подъ руками. И черезъ семь дней мы теперь въ Парижѣ. И гдѣ насъ нѣтъ?.. Мы ѣздимъ на пароходахъ Рейна, Дуная, около береговъ Италіи... Мы вездѣ, можетъ-быть, кромѣ своей Россіи...

Чудная земля!.. Что еслибъ можно было взлетѣть надъ тобою, высоко, высоко, и окинуть тебя вдругъ однимъ взглядомъ! О томъ мечталъ еще Ломоносовъ, но мы старика уже забываемъ.

Всѣ геніальные поэты наши сознавали это великолѣпное разнообразіе русской мѣстности... Пушкинъ послѣ перваго своего произведенія, родившагося въ чистой области фантазіи, вскормленной Аріостомъ, началъ съ Кавказа писать первую свою картину изъ дѣйствительной жизни... Потомъ Крымъ, Одесса, Бессарабія, внутренность Россіи, Петербургъ, Москва, Уралъ—питали попеременно его разгульную музу...

Замѣчательно, что новый поэтъ нашъ начинаетъ также Кавказомъ. Не даромъ фантазія многихъ нашихъ писателей увлекалась этою страною. Здѣсь, кромѣ великолѣпнаго ландшафта природы, обольщающаго очи поэта, сходятся въ вѣчной непримиримой враждѣ Европа и Азія. Здѣсь Россія, граждански устроенная, стоитъ отпоромъ этимъ вѣчно рвущимся потокамъ горныхъ народовъ, не знающихъ, что такое договоръ общественный... Здѣсь вѣчная борьба

нана, незамѣнимая для исполина Россіи... Здѣсь поединокъ двухъ силъ, образованной и дикой... Здѣсь жизнь!.. Какъ же не рваться сюда воображенію поэта?

Привлекательна для него эта яркая противоположность двухъ народовъ, изъ которыхъ жизнь одного выкроена по мѣркѣ европейской, связана условіями принятаго общежитія, жизнь другого дика, необуздана, и не признаетъ ничего, кромѣ вольности. Здѣсь наши искусственныя, вышколенныя страсти, охлажденныя свѣтомъ, сходятся съ бурными естественными страстями человѣка, не покорившагося никакой уздѣ разумной. Здѣсь встрѣчаются крайности любопытныя и разительныя для наблюдателя-психолога. Этотъ міръ народа, совершенно отличный отъ нашего, уже самъ въ себѣ поэзія: мы не любимъ того, что обыкновенно, что всегда насъ окружаетъ, на что мы нагляделись и чего наслушались.

Отсюда намъ понятно, почему дарованіе поэта, о которомъ мы говоримъ, раскрылось такъ быстро и свѣжо при видѣ горъ Кавказа. Картины величавой природы сильно дѣйствуютъ на воспріимчивую душу, рожденную для поэзіи, и она распускается скоро, какъ роза при ударѣ лучей утренняго солнца. Ландшафтъ былъ готовъ. Яркіе образы жизни горцевъ поразили поэта. Съ нимъ смѣшались воспоминанія столичной жизни, общество свѣтское многимъ перенесено въ ущелья Кавказа — и все это оживило мысль художника.

Объяснивъ нѣсколько возможность явленія кавказскихъ повѣстей, мы перейдемъ къ подробностямъ. Обратимъ вниманіе по порядку на картины природы и мѣстности, на характеры лицъ, на черты жизни свѣтской, и потомъ сольемъ все это въ характерѣ героя повѣсти, въ которомъ, какъ въ средоточіи, постараемся уловить и главную мысль автора.

Марлинскій пріучилъ насъ къ яркости и пестротѣ красокъ, какими любилъ онъ рисовать картины Кавказа. Пылкому воображенію Марлинскаго казалось мало только что покорно наблюдать эту величественную природу и передавать

не вѣрнымъ и мѣткимъ словомъ. Ему хотѣлось насиловать образы и языкъ: онъ кидалъ краски съ своей палитры гуртомъ, какъ ни попало, и думалъ: чѣмъ будетъ пестрѣе и цвѣтнѣе, тѣмъ болѣе сходства у списка съ оригиналомъ. Не такъ рисовалъ Пушкинъ: его кисть была вѣрна природѣ и съ тѣмъ вмѣстѣ идеально прекрасна. Въ его „Кавказскомъ Плѣнникѣ" ландшафтъ снѣжныхъ горъ и ауловъ затопилъ или, лучше, подавилъ собою все событіе: здѣсь люди для ландшафта, какъ у Клавдія Лоррена, а не ландшафтъ для людей, какъ у Николая Пуссена или у Доминикино. Но „Кавказскій Плѣнникъ" былъ почти ужъ забытъ читателями съ тѣхъ поръ, какъ „Аммалатъ-Бекъ" и „Мулла-Нуръ" пестротою цвѣтовъ наляпанныхъ красокъ бросились имъ въ глаза.

Потому съ особеннымъ удовольствіемъ можемъ мы замѣтить въ похвалу новаго кавказскаго живописца, что онъ не увлекся пестротою и яркостью красокъ, а, вѣрный вкусу изящнаго, покорилъ трезвую кисть свою картинамъ природы, и списывалъ ихъ безъ всякаго преувеличенія и пригорной выисканности. Дорога черезъ Гудъ-гору и Крестовую, Кайшаурская долина описаны вѣрно и живо. Кто не бывалъ на Кавказѣ, но видѣлъ Альпы, тотъ можетъ отгадать, что это должно быть вѣрно. Но, впрочемъ, должно замѣтить, что авторъ не слишкомъ любитъ останавливаться на картинахъ природы, которыя мелькаютъ у него только эпизодически. Онъ предпочитаетъ людей, и торопится мимо ущелій Кавказскихъ, мимо бурныхъ потоковъ, къ живому человѣку, къ его страстямъ, къ его радостямъ и горю, къ его быту образованному и кочевому. Это и лучше: это добрый признакъ въ развивающемся талантѣ.

Къ тому же картины Кавказа такъ часто намъ были описываемы, что не худо погодить повтореніемъ ихъ во всей подробности. Авторъ очень искусно поставилъ ихъ въ самой тѣни, и онѣ у него не застятъ событія. Любопытнѣе было бы и съ картинами самой жизни горцевъ, или жизни нашего общества среди величественной природы. Такъ и сдѣлалъ авторъ. Въ двухъ главныхъ повѣстяхъ своихъ: Бэла и

княжнѣ Мери онъ изобразилъ двѣ картины, изъ которыхъ первая взята болѣе изъ жизни племенъ кавказскихъ, вторая изъ свѣтской жизни русскаго общества. Тамъ черкесская свадьба, съ ея условными обрядами, лихіе набѣги внезапныхъ наѣздниковъ, страшные абреки, армяне ихъ и казачьи, вѣчная опасность, торговля скотомъ, похищенія, чувство мести, нарушеніе клятвъ. Тамъ Азія, которой люди, по словамъ Максима Максимовича, „что рѣки: никакъ нельзя положиться!..“ Но всего живѣе, всего поразительнѣе эта исторія похищенія коня, Карагёза, которая входитъ въ завязку повѣсти... Она мѣтко схвачена изъ жизни горцевъ. Конь для черкеса — все. На немъ онъ царь всего міра, и посмѣивается судьбѣ. Былъ у Казбича конь Карагёзъ, вороной какъ смоль, ноги — струнки, а глаза — не хуже, чѣмъ у черкешенки. Казбичъ влюбленъ въ Бэлу, но не хочетъ ее за коня... Азаматъ, братъ Бэлы, продаетъ сестру свою, лишь бы только отнять коня у Казбича. Вся эта повѣсть вынута прямо изъ нравовъ черкесскихъ.

Въ другой картинѣ вы видите русское образованное общество. На эти величественныя горы, гнѣздо дикой и вольной жизни, оно привозитъ съ собою свои недуги душевные, привитые къ нему и чужіе, и тѣсные — плоды его искусственной жизни. Тутъ пустыя, холодныя страсти, тутъ затѣйливость душевнаго разврата, тутъ скептицизмъ, мечтанія, сплетни, интриги, балъ, игра, дуэль. Какъ мелокъ весь этотъ міръ у подошвы Кавказа! Люди, въ самомъ дѣлѣ, покажутся муравьями, когда посмотришь на эти ихъ страсти, съ высоты горъ, касающихся неба.

Весь этотъ міръ — вѣрный сколокъ съ живой и пустой нашей дѣйствительности. Онъ тотъ же одинъ и тотъ же въ Петербургѣ и въ Москвѣ, на водахъ Кисловодска и Эмса. Вездѣ онъ разноситъ праздную лѣнь свою, злословіе, мелкія страсти. Чтобы показать автору, что мы со всѣмъ должнымъ вниманіемъ слѣдили всѣ подробности его картинъ и сличали ихъ съ дѣйствительностью, мы беремъ смѣлость сдѣлать два замѣчанія, которыя касаются нашей Москвы. Романистъ, изображая лица, заимствуемыя изъ жизни сво-

ской. Выводятъ въ нихъ обыкновенно общія черты, принадлежащія цѣлому сословію. Между прочимъ, выводитъ онъ княгиню Лиговскую, изъ Москвы, и характеризуетъ ее словами: „Она любитъ соблазнительные анекдоты, и сама говоритъ иногда неприличныя вещи, когда дочери нѣтъ въ комнатѣ". Это черта вовсе невѣрна, и грѣшитъ противъ мѣстности. Правда, что княгиня Лиговская провела только послѣднюю половину своей жизни въ Москвѣ. Но такъ какъ ей въ повѣсти 45 лѣтъ, то мы думаемъ, что въ 22 съ половиною года тонъ Московскаго общества могъ бы отучить ее и отъ этой привычки, если бы даже гдѣ-нибудь она ее получила. Съ нѣкоторыхъ поръ вошло въ моду у нашихъ журналистовъ и повѣствователей нападать на Москву и взводить на нее напраслины ужасныя.. Все, чему будто бы нельзя сбыться въ другомъ городѣ, относится въ Москву.. Москва, подъ перомъ нашихъ повѣствователей, является не только какимъ-нибудь Китаемъ, — ибо, благодаря путешественникамъ, и объ Китаѣ мы имѣемъ вѣрныя извѣстія, — нѣтъ, она является скорѣе какою-то Атлантидою, сказочною небылицей, куда романисты наши сносятъ все, что ни создастъ капризъ ихъ своенравной фантазіи.

Даже не такъ давно (мы будемъ искренни передъ публикою) одинъ изъ нашихъ самыхъ любимыхъ романистовъ, увлекающійся иногда остроуміемъ и живостью разсказа, иногда весьма вѣрно подмѣчающій нравы нашего общества, придумалъ, что будто бы въ Москвѣ какой-то безграмотный стихотворецъ, пріѣхавши изъ провинціи держать экзаменъ студента и не выдержавши его, произвелъ такую суматоху въ нашемъ обществѣ, такіе разговоры, такое стеченіе каретъ, что ужъ будто и полиція это замѣтила. У насъ, къ сожалѣнію, есть, какъ и вездѣ, безграмотные люди поэты, неспособные выдержать студенческій экзаменъ.. Но когда же бывало отъ нихъ такая неслыханная суматоха?.. Когда же провинція присылала намъ такія чуда-дивныя?.. Впрочемъ, этотъ вымыселъ, по крайней мѣрѣ, добродушенъ. Онъ даже по основной мысли говоритъ въ пользу нашей столицы. Бывали примѣры у насъ, что пріѣздъ поэта, конечно,

не безцеремонно, но извѣстно, составилъ событіе въ жизни нашего общества. Всѣ помнятъ первое появленіе Пушкина, и мы можемъ гордиться такимъ воспоминаніемъ. Мы еще теперь видимъ, какъ во всѣхъ обществахъ, на всѣхъ балахъ, первое вниманіе устремлялось на дорогого гостя, какъ въ мазуркѣ и котильонѣ наши дамы выбирали поэта безпрестанно. Пріемъ отъ Москвы Пушкину — одна изъ замѣчательнѣйшихъ страницъ его біографіи. Но бываютъ въ иныхъ повѣстяхъ и клеветы, устремленныя на нашу столицу. Мы охотно думаемъ, что авторъ „Героя нашего времени" стоитъ выше того, тѣмъ болѣе, что онъ самъ въ одномъ изъ замѣчательныхъ своихъ стихотвореній уже нападалъ на эти клеветы отъ лица публики. Вотъ что вложилъ онъ въ уста современному читателю:

А если вамъ и попадутся
Разсказы на родимый ладъ,
То вѣрно надъ Москвой смѣются,
Или чиновниковъ бранятъ.

Но въ повѣстяхъ у нашего автора мы встрѣтили не одинъ поклепъ на нашихъ княгинь въ лицѣ княгини Лиговской, которая, впрочемъ, можетъ составить исключеніе. Нѣтъ, вотъ еще эпиграмма и на Московскихъ княженъ, что будто бы онѣ смотрятъ на молодыхъ людей съ нѣкоторымъ презрѣніемъ, что это уже Московская привычка, что онѣ въ Москвѣ только и питаются сорокалѣтними остряками. Всѣ эти замѣчанія, правда, вложенныя въ уста доктору Вернеру, который, впрочемъ, по словамъ автора, отличается зоркимъ глазомъ наблюдателя, но только не въ этомъ случаѣ. Видно, что онъ жилъ въ Москвѣ недолго, во время своей молодости, и какой-нибудь случай, лично до него относившійся, принялъ за общую привычку. Онъ же замѣтилъ, что Московскія барышни пускаются въ ученость — и прибавляетъ: хорошо дѣлаютъ! И мы весьма охотно тоже прибавимъ. Заниматься литературою — еще не значитъ пускаться въ ученость, но пускай Московскія барышни этимъ занимаются. Чего же лучше для литераторовъ и для самого общества, которое можетъ только выиграть отъ такихъ за-

пятіи прекраснаго пола? Не лучше ли это, чѣмъ карты, чѣмъ сплетни, чѣмъ пересказни, чѣмъ пересуды?.. Но возвратимся отъ эпизода, позволеннаго мѣстными нашими отношеніями, къ самому предмету.

Отъ очерка двухъ главныхъ картинъ изъ кавказской и свѣтской русской жизни перейдемъ къ характерамъ. Начнемъ съ побочныхъ, но не съ героя повѣсти, о которомъ мы должны говорить подробнѣе, ибо въ немъ и главная связь произведенія съ нашею жизнью и идея автора. Изъ побочныхъ лицъ первое мѣсто мы должны, конечно, отдать Максиму Максимовичу. Какой цѣльный характеръ кореннаго русскаго добряка, въ котораго не проникла тонкая зараза западнаго образованія; который, при мнимой наружной холодности воина, насмотрѣвшагося на опасности, сохранилъ весь пылъ, всю жизнь души; который любитъ природу внутренно, ею не восхищаясь, любитъ музыку пули, потому что сердце его бьется при этомъ сильнѣе... Какъ онъ ходитъ за больною Бэлою, какъ утѣшаетъ ее! Съ какимъ нетерпѣніемъ ждетъ стараго знакомца Печорина, услышавъ о его возвратѣ! Какъ грустно ему, что Бэла при смерти не вспомнила объ немъ! Какъ тяжело его сердцу, когда Печоринъ равнодушно протянулъ ему холодную руку! Свѣжая, непочатая природа! Чистая дѣтская душа въ старомъ воинѣ! Вотъ типъ этого характера, въ которомъ отзывается наша древняя Русь! И какъ онъ высокъ своимъ христіанскимъ смиреніемъ, когда, отринувъ всѣ свои качества, говоритъ: *Что же я такое, чтобы обо мнѣ вспоминать передъ смертью!* Жалко, что мы не встрѣчаемся въ литературѣ нашей съ такимъ милымъ и симпатичнымъ характеромъ, который тѣмъ пріятнѣе для насъ, что взятъ изъ кореннаго русскаго быта. Мы даже посѣтовали нѣсколько на автора за то, что онъ (132 стр. ч. I) какъ будто не раздѣляетъ благороднаго негодованія съ Максимомъ Максимычемъ въ ту минуту, когда *Печоринъ въ разсѣянности или отъ другой причины протянулъ ему руку, когда тотъ хотѣлъ ему кинуться на шею.*

За Максимомъ Максимычемъ слѣдуетъ Грушницкій. Его

личность, конечно, не привлекательна. Это, въ полномъ смыслѣ слова, пустой малый. Онъ тщеславенъ... Не имѣя чѣмъ гордиться, онъ гордится своею сѣрою юнкерскою шинелью. Онъ любитъ безъ любви. Онъ играетъ роль разочарованнаго — и вотъ почему онъ не нравится Печорину: сей послѣдній не любитъ Грушницкаго по тому самому чувству, по какому намъ свойственно не любить человѣка, который насъ передразниваетъ и превращаетъ то въ пустую маску, что въ насъ есть живая существенность. Въ немъ даже нѣтъ и того чувства, которымъ отличались прежніе наши военные, — чувства чести. Это какой-то выродокъ изъ общества, способный къ самому подлому и черному поступку. Авторъ примиряетъ насъ нѣсколько съ этимъ созданіемъ своимъ, невольно передъ его смертью, когда Грушницкій самъ сознается въ томъ, что презираетъ себя.

Докторъ Вернеръ — матеріалистъ и скептикъ, какъ многіе доктора новаго поколѣнія. Онъ долженъ былъ понравиться Печорину, потому что они оба понимаютъ другъ друга. Особенно остается въ памяти живое описаніе его лица (25 стр., ч. 2). Оба черкеса въ „Бэлѣ", Казбичъ и Азаматъ, описаны общими чертами, принадлежащими этому племени, въ которомъ единичное различіе характеровъ не можетъ еще дойти до такой степени, какъ въ кругу общества съ развитымъ образованіемъ.

Обратимъ вниманіе на женщинъ, особенно на двухъ героинь, которыя обѣ достались въ жертву герою. Бэла и княжна Мери образуютъ между собою двѣ яркія противоположности, какъ тѣ два общества, изъ которыхъ каждая вышла, и принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ созданій поэта, особенно первая. Бэла — это дикое, робкое дитя природы, въ которомъ чувство любви развивается просто, естественно, и, развившись однажды, становится неизлѣчимою раною сердца. Не такова княжна — произведеніе общества искусственнаго, въ которомъ фантазія была развита прежде сердца, которая заранѣе вообразила себѣ героя романа, и хочетъ насильно воплотить его въ какомъ-нибудь изъ своихъ обожателей. Бэла очень просто полюбила того

человѣка, который, хотя и похитилъ ее изъ дому родительскаго, но сдѣлалъ это по страсти къ ней. Какъ она думала: онъ сначала посвятилъ себя всего ей, онъ задарилъ ее подарками, онъ угадывалъ всѣ ея минуты; видя ея холодность, онъ притворялся отчаяннымъ и готовымъ на все. И такъ въ княжнѣ всѣ природныя чувства побѣждены какою-то врожденною мечтательностью, какимъ-то искусственнымъ воспитаніемъ. Мы любимъ въ ней то сердечное человѣческое влеченіе, которое заставило ее подать стаканъ бѣдному Грушницкому, когда онъ, опираясь на свой костыль, тщетно хотѣлъ къ нему наклониться; мы понимаемъ и то, что она въ это время покраснѣла — но намъ грустно за нее, когда она оглядывается на галлерею, боясь, чтобы мать не замѣтила ея прекраснаго поступка. Мы совсѣмъ не судимъ за то княжну; напротивъ, мы отдаемъ всю справедливость ея наблюдательности, которая искусно схватила черту предразсудка, не приносящаго чести обществу, именующему себя христіанскимъ. Мы прощаемъ княжнѣ и то, что она увлеклась въ Грушницкомъ его сѣрою шинелью, и видѣла въ немъ мнимую жертву гоненій судьбы. Замѣтимъ мимоходомъ, что эта черта не новая, взятая съ другой княжны, нарисованной намъ однимъ изъ лучшихъ нашихъ повѣствователей. Но въ княжнѣ Мери это происходило не изъ естественнаго чувства состраданія, которымъ, какъ перломъ, можетъ гордиться русская женщина. Нѣтъ, въ княжнѣ Мери это былъ порывъ вычитаннаго чувства. Это доказала впослѣдствіи любовь ея къ Печорину. Она полюбила въ немъ то необыкновенное, что искала, какъ призракъ своего воображенія, которымъ увлекалась такъ легкомысленно. Тутъ мечта перешла изъ ума въ сердце, ибо и княжна Мери способна также къ естественнымъ чувствованіямъ. Бэла, своею ужасною смертью, дорого искупила легкомысліе памяти своей объ умершемъ отцѣ. Но княжна своею участью только что получила заслуженное. Рѣдкій урокъ всѣмъ княжнамъ, у которыхъ природныя чувства искажены искусственнымъ воспитаніемъ, и сердце испорчено фантазіею! — Какъ мила, какъ гра-

ціозна эта Бэла въ ея простотѣ! Какъ притворна княжна Мери въ обществѣ мужчинъ, со всѣми разсчитанными ея взглядами! Бэла поетъ и пляшетъ, потому что ей хочется пѣть и плясать, и потому, что она веселитъ тѣмъ своего друга. Княжна Мери поетъ для того, чтобы ее слушали, и досадуетъ, когда не слушаютъ. Если бы можно было слить Бэлу и Мери въ одно лицо: вотъ былъ бы идеалъ женщины, въ которой природа сохранилась бы во всей своей прелести, а свѣтское образованіе являлось бы не однимъ наружнымъ лоскомъ, а чѣмъ-то болѣе существеннымъ въ жизни.

Мы не считаемъ за нужное упоминать о Вѣрѣ, которая есть лицо загадочное и неопредѣлительное ничѣмъ. Это одна изъ жертвъ героя повѣсти — и еще болѣе жертва авторской необходимости, чтобы завязать интригу. Мы не обращаемъ также вниманія на два маленькіе эскиза: *Тамань* и *Фаталистъ*, при двухъ значительнѣйшихъ. Они только служатъ дополненіемъ къ тому, чтобы развить болѣе характеръ героя, особенно послѣдняя повѣсть, гдѣ виденъ фатализмъ Печорина, согласный со всѣми прочими его свойствами. Но въ Тамани мы не можемъ безъ вниманія пропустить этой контрабандистки, причудливаго созданія, въ которомъ отчасти слились воздушная неопредѣленность очертаній Гётевой Миньоны, на что намекаетъ и самъ авторъ, и граціозная дикость Эсмеральды Гюго.

Но всѣ эти событія, всѣ характеры и подробности примыкаютъ къ герою повѣсти, Печорину, какъ нити паутины, обремененной живыми крылатыми насѣкомыми, примыкаютъ къ огромному пауку, который опуталъ ихъ своею сѣтью. Взглянемъ же подробнѣе на характеръ героя повѣсти — а въ немъ раскроемъ главную связь произведенія съ жизнью, равно и мысль автора.

Печоринъ 25-ти лѣтъ. Съ виду онъ еще мальчикъ, вы дали бы ему не болѣе 23-хъ, но, вглядѣвшись пристальнѣе, вы, конечно, дадите ему и 30. Лицо его хотя блѣдно, но еще свѣжо, по долгомъ наблюденіи, вы замѣтите въ немъ слѣды морщинъ, пересѣкающихъ одна другую. Какъ

его имѣетъ женскую нѣжность, пальцы блѣдны и худы, во всѣхъ движеніяхъ тѣла признаки нервической слабости. Когда онъ смѣется, глаза его не смѣются... потому что въ глазахъ горитъ душа, а душа въ Печоринѣ уже изсохла. Но что же это за мертвецъ 25-ти лѣтъ, увядшій прежде срока? Что за мальчикъ, покрытый морщинами старости? Какая причина такой чудесной метаморфозы? Гдѣ внутренній корень болѣзни, которая изсушила его душу и ослабила его тѣло?—Но послушаемъ его самого. Вотъ что онъ самъ говоритъ о своей юности.

Въ первой его молодости, съ той минуты, когда онъ вышелъ изъ опеки родныхъ—онъ сталъ наслаждаться бѣшено всѣми удовольствіями, которыя можно достать за деньги, и, разумѣется, удовольствія эти ему опротивѣли. Онъ пустился въ большой свѣтъ: общество ему надоѣло; онъ влюблялся въ свѣтскихъ красавицъ, былъ любимъ, но ихъ любовь раздражала только его воображеніе и самолюбіе, а сердце оставалось пусто. Онъ сталъ учиться, и науки ему надоѣли. Тогда ему стало скучно: на Кавказѣ онъ хотѣлъ разогнать свою скуку чеченскими пулями, но ему стало еще скучнѣе. Его душа, говоритъ онъ, испорчена свѣтомъ, воображеніе безпокойно, сердце ненасытно, ему все мало, а жизнь его становится пустѣе день ото дня. Есть болѣзнь физическая, которая носитъ въ простонародьи неопрятное названіе собачьей старости: это вѣчный голодъ тѣла, которое ничѣмъ насытиться не можетъ. Этой болѣзни физической соотвѣтствуетъ болѣзнь душевная—*скука*, вѣчный голодъ развращенной души, которая ищетъ сильныхъ ощущеній, и ими насытиться не можетъ. Это самая высшая степень апатіи въ человѣкѣ, происходящей отъ ранняго развращенія, отъ убитой или промотанной юности. То, что бываетъ только апатіею въ душахъ рожденныхъ безъ энергіи, восходитъ на степень голодной, ненасытной скуки въ душахъ сильныхъ, кровожадныхъ къ дѣйствію. Болѣзнь одна и та же, и по корню своему и по характеру, но разнится только по тому темпераменту, на который нападаетъ. Эта болѣзнь убиваетъ всѣ чувства человѣческія,

даже состраданіе. Вспомнимъ, какъ Печоринъ обрадовался было разъ, когда замѣтилъ въ себѣ это чувство послѣ разлуки съ Вѣрою. Мы не вѣримъ тому, чтобы въ этомъ живомъ мертвецѣ могла сохраниться любовь къ природѣ, которую приписываетъ ему авторъ. Мы не вѣримъ, чтобы онъ могъ забываться въ ея картинахъ. Въ этомъ случаѣ авторъ нарушилъ цѣльность характера — и едва ли своему герою не приписалъ собственнаго чувства. Человѣкъ, который любитъ музыку только для пищеваренія, можетъ ли любить природу?

Евгеній Онѣгинъ, участвовавшій нѣсколько въ рожденіи Печорина, страдалъ тою же болѣзнью; но она въ немъ осталась на низшей степени апатіи, потому что Евгеній Онѣгинъ не былъ одаренъ энергіей душевной; онъ не страдалъ сверхъ апатіи гордостью духа, жаждою власти, которою страдаетъ новый герой. Печоринъ скучалъ въ Петербургѣ, скучалъ на Кавказѣ, будетъ скучать въ Персіи; но эта скука его не проходитъ даромъ для тѣхъ, которые его окружаютъ. Рядомъ съ нею воспитана въ немъ непреодолимая гордость духа, которая не знаетъ никакой преграды, и которая приноситъ въ жертву все, что ни попадается на пути скучающему герою, лишь бы только ему было весело. Печоринъ захотѣлъ кабана во что бы то ни стало, — онъ его достанетъ. У него врожденная страсть противорѣчить, какъ у всѣхъ людей, страдающихъ властолюбіемъ духа. Онъ неспособенъ къ дружбѣ, потому что дружба требуетъ уступокъ, обидныхъ для его самолюбія. Онъ смотритъ на всѣ случаи своей жизни, какъ на средство для того, чтобы найти какое-нибудь противоядіе скукѣ, его снѣдающей. Высшее его веселье — разочаровывать другихъ! Необъятное ему наслажденіе — сорвать цвѣтокъ, подышать имъ минуту и бросить! Онъ самъ сознается, что чувствуетъ въ себѣ эту ненасытную жадность, поглощающую все, что встрѣчается на его пути; онъ смотритъ на страданія и радости другихъ только въ отношеніи къ себѣ, какъ на пищу, поддерживающую его душевныя силы. Честолюбіе подавлено въ немъ обстоятельствами, но оно проявилось въ

другомъ видѣ, въ желаніи власти, въ удовольствіи подчинять своей волѣ все, что его окружаетъ. Самое счастіе, по его мнѣнію, есть только насыщенная гордость... Первое страданіе даетъ ему понятіе объ удовольствіи мучить другого. Бываютъ минуты, что онъ понимаетъ вампира... Половина души его высохла, а осталась другая, живущая только затѣмъ, чтобы мертвить все окружающее. Мы слили въ одно всѣ черты этого ужаснаго характера — и намъ стало страшно при видѣ внутренняго портрета Печорина!

На кого же онъ напалъ въ порывахъ своего неукротимаго властолюбія? На комъ испытываетъ неимовѣрную гордость души своей? На бѣдныхъ женщинахъ, которыхъ презираетъ. Взглядъ его на прекрасный полъ обнаруживаетъ матеріалиста, начитавшагося французскихъ романовъ новой школы. Онъ замѣчаетъ въ женщинахъ породу, какъ въ лошадяхъ: всѣ примѣты, какія ему нравятся въ нихъ, касаются только свойствъ тѣлесныхъ: его занимаютъ правильный носъ, или бархатные глаза, или бѣлые зубы, или какой-то тонкій ароматъ. По его мнѣнію, первое прикосновеніе рѣшаетъ все дѣло въ любви. Если женщина дастъ ему только почувствовать, что онъ долженъ на ней жениться — прости, любовь! Его сердце превращается въ камень. Одно препятствіе только раздражаетъ въ немъ мнимое чувство нѣжности. Вспомнимъ, какъ при возможности потерять Вѣру, она стала ему дороже всего... Онъ бросился на коня и полетѣлъ къ ней. Конь издохъ на пути, и онъ плакалъ какъ ребенокъ, потому только, что не могъ достичь своей цѣли, потому что его неприкосновенная власть какъ будто была обижена. Но онъ съ досадою припоминаетъ эту минуту слабости и говоритъ, что всякій, взглянувъ на его слезы, отвернулся бы отъ него съ презрѣніемъ. — Какъ въ этихъ словахъ слышна его неприкосновенная гордость!

Этому 25-тилѣтнему сластолюбцу попадалось на пути еще много женщинъ, но особенно замѣчательны были двѣ: Бэла и княжна Мери.

Первую развратилъ онъ чувственно, и самъ увлекся чув-

страсти. Вторую развратилъ душевно, и тѣмъ, что не могъ развратить чувственно: онъ безъ любви шутилъ и игралъ любовью, онъ искалъ раздраженія своей страсти, онъ забавлялся княжною, какъ сытая кошка забавляется мышкою. И тутъ не ошибался онъ, потому что, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ любви, какъ знатокъ женскаго сердца, онъ предугадывалъ заранѣе всю драму, которую по прихоти своей разыгрывалъ. Растерзавъ между тѣмъ сердце несчастной дѣвушки, онъ кончилъ все тѣмъ, что сказалъ ей: я не люблю васъ.

Мы никакъ не думаемъ, чтобы прошедшее сильно дѣйствовало на Печорина, чтобы онъ ничего не забывалъ, какъ онъ говоритъ въ своемъ журналѣ. Эта черта ни изъ чего не вытекаетъ, и ею нарушена общая цѣльность этого характера. Человѣкъ, который, похоронивъ Бэлу, могъ въ тотъ же день засмѣяться, и при напоминаніи о ней Максима Максимыча, только слегка поблѣднѣть и отвернуться, — такой человѣкъ неспособенъ подчинить себя власти прошедшаго. Это душа сильная, но черствая, по которой всѣ впечатлѣнія скользятъ почти непримѣтно. Это холодный и расчетливый esprit fort, который не можетъ быть способенъ ни измѣняться природою, требующею чувства, ни хранить въ себѣ слѣдовъ минувшаго, съ оттискомъ тяжкаго и щекотливаго для раздражительнаго его самолюбія. Эти эгоисты обыкновенно берегутъ себя, и стараются избѣгать непріятныхъ ощущеній. Вспомнимъ, какъ Печоринъ закрылъ глаза, замѣтивъ между разсѣлинами скалъ окровавленный трупъ убитаго имъ Грушницкаго: это сдѣлалъ онъ затѣмъ только, чтобы избѣгнуть непріятнаго впечатлѣнія. Если авторъ приписываетъ Печорину такую власть прошедшаго надъ нимъ, то едва ли это не съ тѣмъ, чтобы оправдать нѣсколько возможность его журнала. Мы же думаемъ, что такіе люди, какъ Печоринъ, не ведутъ и не могутъ вести своихъ записокъ — и вотъ главная ошибка въ отношеніи къ исполненію. Гораздо лучше бы было, если бы авторъ разсказалъ всѣ эти событія отъ своего имени: какъ искуснѣе бы онъ сдѣлалъ и въ отношеніи къ возможности вымысла

и въ художественномъ, ибо своимъ личнымъ участіемъ какъ разсказчика могъ бы нѣсколько смягчить непріятность нравственнаго впечатлѣнія, производимаго героемъ повѣсти. Такая ошибка повлекла за собою и другую: разсказъ Печорина нисколько не отличается отъ разсказа самого автора,—а, конечно, характеръ перваго долженъ бы былъ отразиться особенною чертою въ самомъ слогѣ его журнала.

Извлечемъ же въ нѣсколькихъ словахъ все то, что мы сказали о характерѣ героя. [illegible] развращенная юность и всѣхъ порывовъ [illegible] — породили въ немъ сомнительную силу. Сила же, сочетавшись съ непомѣрною гордостью духа властолюбиваго, произвела въ Печоринѣ злобу. Главный же корень всему его западное безвѣріе; лишенный всякаго чувства вѣры Печоринъ, какъ онъ самъ говоритъ, убѣжденъ въ одномъ только, что онъ въ одинъ прегадкій вечеръ родился, что хуже смерти будто ничего не случится, а смерти не минуешь. Эти слова — ключъ ко всѣмъ его поступкамъ: въ нихъ разгадка всей его жизни. А между тѣмъ эта душа была сильная душа, которая могла совершить что-то высокое... Онъ самъ въ одномъ мѣстѣ своего журнала сознаетъ въ себѣ это призваніе, говоря: „Зачѣмъ я жилъ? для какой цѣли я родился?.. А, вѣрно, она существовала, и, вѣрно, было мнѣ назначенье высокое, потому что я чувствую въ душѣ моей силы. Изъ горнила страстей пустыхъ и неблагодарныхъ я вышелъ твердъ и холоденъ, какъ желѣзо, но утратилъ навѣки пылъ благородныхъ стремленій.“ Когда взглянешь на силу этой погибшей души, то становится жаль ея, какъ одной изъ жертвъ тяжкой болѣзни вѣка...

Изслѣдовавъ подробно характеръ героя повѣсти, въ которомъ сосредоточиваются всѣ событія, мы приходимъ къ двумъ главнымъ вопросамъ, разрѣшеніемъ которыхъ заключимъ свое разсужденіе: 1) какъ связанъ этотъ характеръ съ современною жизнью? 2) возведенъ ли онъ въ міръ изящнаго искусства?

Но прежде, чѣмъ разрѣшимъ эти два вопроса, обратимся къ самому автору и спросимъ его: что онъ самъ думаетъ

о Печоринѣ? Не далъ ли намъ онъ какого-нибудь намека на свою мысль и на ея связь съ жизнью современника?

На 140 стр. 1-й части говоритъ авторъ:

„Можетъ-быть, нѣкоторые читатели захотятъ узнать мое мнѣніе о характерѣ Печорина.—Мой отвѣтъ—заглавіе этой книги. „Да это злая иронія“, скажутъ они.—Не знаю“.

Итакъ, по мнѣнію автора, Печоринъ есть герой нашего времени. Въ этомъ выражается и взглядъ его на жизнь, намъ современную, и основная мысль произведенія.

Если это такъ, стало быть, вѣкъ нашъ тяжко боленъ,—и въ чемъ же заключается главный недугъ его? Если судить по тому больному, которымъ дебютируетъ фантазія нашего поэта,—то этотъ недугъ вѣка заключается въ гордости духа и въ низости пресыщеннаго тѣла!—И въ самомъ дѣлѣ, если обратимся мы на Западъ, то найдемъ, что горькая иронія автора есть тяжкая правда. Вѣкъ гордой философіи, которая духомъ человѣческимъ думаетъ постигнуть всѣ тайны міра, и вѣкъ суетной промышленности, которая угождаетъ наперерывъ всѣмъ прихотямъ истощеннаго наслажденіями тѣла—такой вѣкъ этими двумя крайностями выражаетъ самъ собою недугъ, его одолѣвающій. Не гордость ли человѣческаго духа видна въ этихъ злоупотребленіяхъ личной свободы воли и разума, какія замѣтны во Франціи и Германіи? Развратъ нравовъ, унижающій тѣло, не есть ли зло, признанное необходимымъ у многихъ народовъ запада и вошедшее въ ихъ обычаи?—Между этими двумя крайностями какъ не погибнуть, какъ не изсохнуть душѣ, безъ питательной любви, безъ вѣры и надежды, которыми только и можетъ поддерживаться ея земное существованіе?

Поэзія доносила намъ также объ этомъ ужасномъ недугѣ вѣка. Проникните всею силою мысли въ глубину величайшихъ ея произведеній, въ которыхъ она бываетъ всегда вѣрна современной жизни и отгадываетъ всѣ ея задушевныя тайны. Что выразилъ Гёте въ своемъ Фаустѣ, этомъ полномъ типѣ нашего вѣка, если не тотъ же недугъ? Фаустъ не представляетъ ли гордость несытаго ничѣмъ духа и

сластолюбіе, соединенные вмѣстѣ? Манфредъ и Донъ-Жуанъ Байрона не суть ли эти обѣ половины, слитыя въ Фаустѣ въ одно, и изъ которыхъ каждая развита у Байрона отдѣльно, въ особомъ героѣ? Манфредъ не есть ли гордость человѣческаго духа? Донъ-Жуанъ не олицетвореніе ли сластолюбія? Все эти три героя — три великіе недуга нашего вѣка, три огромныя идеи, въ которыхъ поэзія сосредоточила все то, что въ разрозненныхъ чертахъ представляетъ болѣзнь современнаго человѣчества. Этими исполинскими характерами, которые создало воображеніе двухъ величайшихъ поэтовъ нашего столѣтія, питается по большей части вся поэзія современнаго Запада, по мелочамъ изображая то, что въ созданіяхъ Гете и Байрона является въ торжественной полнотѣ и великой цѣлости. Не въ томъ-ли и состоитъ одна изъ многихъ причинъ упадка поэзіи на Западѣ, что уже такъ полно въ Фаустѣ, Манфредѣ и Донъ-Жуанѣ, то, что имѣетъ въ нихъ значительность всемірную въ отношеніи къ современной жизни, то, что возведено до художественнаго идеала, — низводится до множества французскихъ, англійскихъ и другихъ драмъ, поэмъ и повѣстей до какой-то пошлости и низкой обыкновенности? Зло, будучи въ себѣ нравственно-безобразно, можетъ быть допущено въ міръ искусства только при условіи глубокаго нравственнаго значенія, которымъ необходимо смягчается его само по себѣ отвратительное существо. Зло, какъ главный предметъ художественнаго произведенія, можетъ быть изображаемо только крупными чертами исполинскаго типа. Такимъ является оно въ „Адѣ“ у Данте, въ „Макбетѣ“ Шекспира, и, наконецъ, въ трехъ великихъ произведеніяхъ нашего вѣка. Поэзія можетъ избирать недуги своего столѣтія главными предметами своихъ созданій, но только въ широкихъ значительныхъ размѣрахъ: если же она будетъ дробить ихъ по мелочамъ, вникая во всѣ подробности пошлой жизни, и здѣсь черпать всѣ свои вдохновенія для маленькихъ своихъ созданій, — тогда утратитъ она свое бытіе, и важное, и нравственное, и сойдетъ ниже самой дѣйствительности. Поэзія допускаетъ и зло героемъ въ свой міръ, но въ видѣ Ти-

тана, а не Пигмея. Потому-то одни только гениальные поэты первой степени осиливали трудную задачу изобразить какого-нибудь Макбета или Каина. Не считаемъ за нужное прибавлять, что, кромѣ того, зло вообще можетъ быть введено эпизодически, ибо жизнь наша не изъ одного же добра слагается.

Великій недугъ, отражающійся въ великихъ произведеніяхъ поэзіи вѣка, былъ на Западѣ результатомъ тѣхъ двухъ болѣзней, о которыхъ я имѣлъ случай говорить, предоставляя читателямъ свой взглядъ на современное образованіе Европы. Но откуда же и изъ какихъ же данныхъ у насъ могъ бы развиться тотъ же недугъ, какимъ страдаетъ Западъ? Чѣмъ мы его заслужили? Если мы въ нашемъ близкомъ знакомствѣ съ нимъ и могли заразиться чѣмъ-нибудь, то, конечно, однимъ только недугомъ воображаемымъ, но не дѣйствительнымъ. Выразимся примѣромъ: случается намъ иногда послѣ долгихъ короткихъ сношеній съ опасно больнымъ человѣкомъ, вообразить, что мы сами хвораемъ тою же самою болѣзнію. Вотъ, по нашему мнѣнію, гдѣ заключается разгадка созданію того характера, который мы разбираемъ.

Печоринъ, конечно, не имѣетъ въ себѣ ничего титаническаго; онъ и не можетъ имѣть его: онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ пигмеевъ зла, которыми такъ обильна теперь повѣствовательная и драматическая литература Запада. Въ этихъ словахъ отвѣтъ нашъ на второй изъ двухъ вопросовъ, предложенныхъ выше, на вопросъ эстетическій. Но не въ этомъ еще главный его недостатокъ. Печоринъ не имѣетъ въ себѣ ничего существеннаго, относительно къ чисто-русской жизни, которая изъ своего прошедшаго не могла извергнуть такого характера. Печоринъ есть одинъ только призракъ, отброшенный на насъ Западомъ, тѣнь его недуга, мелькающая въ фантазіи нашихъ поэтовъ, un mirage de l'occident. Тамъ онъ герой міра дѣйствительнаго, у насъ только герой фантазіи — и въ этомъ смыслѣ герой нашего времени. Вотъ существенный недостатокъ произведенія... Съ тою же самою искренностью, съ какою мы

сначала правдоподобнымъ. Блистательный талантъ автора въ созданіи мелкихъ цѣльныхъ характеровъ, въ описаніяхъ, въ дарѣ разсказа, съ тою же вѣрностію измѣняетъ ему главную мысль созданія, олицетворенную въ характерѣ героя. Да, и великолѣпныя картины Кавказа, и лучшіе очерки горскаго быта, и трогательно-наивная Бэла, и неустрашимый Казбичъ, и фантастическая шалунья Тамани, и старикъ, добрый Максимъ Максимовичъ, и даже пустой малый Грушницкій, и всѣ тонкія черты свѣтскаго общества Россіи, все, все подчинено въ повѣстяхъ къ призраку главнаго характера, который изъ всѣхъ лицъ не поэтиченъ, все принесено ему въ жертву, и въ томъ главный и существенный недостатокъ изображенія.

Несмотря на то, произведеніе новаго поэта и въ своемъ существенномъ недостаткѣ имѣетъ глубокое значеніе въ нашей русской жизни. Бытъ нашъ дѣлится, такъ сказать, на двѣ рѣзкія, почти противоположныя половины, изъ которыхъ одна пребываетъ въ мірѣ существенномъ, въ мірѣ чисто русскомъ, другая въ какомъ-то отвлеченномъ мірѣ призраковъ. Мы живемъ *на самомъ дѣлѣ* своею русскою жизнію, и думаемъ, мечтаемъ еще жить жизнію Запада, съ которымъ не имѣемъ никакихъ сочувствій въ исторіи прошедшаго. Въ нашей коренной, въ нашей дѣйствительной русской жизни мы хранимъ богатое зерно для будущаго развитія, которое, будучи одобрено одними только полезными плодами образованія западнаго, безъ его вредныхъ вліяній, на нашей свѣжей почвѣ можетъ разрастись деревомъ великолѣпнымъ, но въ нашей мечтательной жизни, которую навѣваетъ на насъ Западъ, мы первенцы, безотрадно страдаемъ его недугами и весело примѣриваемъ на себя маску разочарованія, у насъ ни изъ чего не вытекающаго. Потому-то мы во снѣ своемъ, въ томъ странномъ кошмарѣ, которымъ душитъ насъ Мефистофель-Западъ, кажемся сами себѣ гораздо хуже, нежели мы на дѣлѣ. Приложите это къ разбираемому произведенію, и оно вамъ совершенно будетъ ясно. Все содержаніе повѣсти г-на Лермонтова, кромѣ Печорина, принадлежитъ на-

шей существенной жизни: но самъ Печоринъ, за исключеніемъ его апатіи, которая была только началомъ его нравственной болѣзни, принадлежитъ міру мечтательному, производимому въ насъ ложнымъ отраженіемъ Запада. Это призракъ, только въ мірѣ нашей фантазіи имѣющій существенность.

И въ этомъ отношеніи произведеніе г. Лермонтова носитъ въ себѣ глубокую истину и даже нравственную важность. Онъ выдаетъ намъ этотъ призракъ, принадлежащій не ему одному, а многимъ изъ поколѣній живущихъ, за что-то дѣйствительное, и намъ становится страшно, и вотъ полезный эффектъ его ужасной картины. Поэты, получившіе отъ природы такой даръ предугаданія жизни, какъ г. Лермонтовъ, могутъ быть изучаемы въ своихъ произведеніяхъ съ великою пользою, относительно къ нравственному состоянію нашего общества. Въ такихъ поэтахъ, безъ ихъ вѣдома, отражается жизнь, имъ современная: они, какъ воздушная арфа, доносятъ своими звуками о тѣхъ тайныхъ движеніяхъ атмосферы, которыхъ наше тупое чувство и замѣтить не можетъ.

Употребимъ же съ пользою урокъ, предлагаемый поэтомъ. Бываютъ въ человѣкѣ болѣзни, которыя начинаются воображеніемъ, и потомъ, мало-по-малу, переходятъ въ существенность. Предостережемъ себя, чтобы призракъ недуга, сильно изображенный кистію свѣжаго таланта, не перешелъ для насъ изъ міра праздной мечты въ міръ тяжелой дѣйствительности.

С. Шевыревъ.

Стихотворенія М. Лермонтова. Санктпетербургъ. 1840

*) У насъ нынѣ поэзія истинно грустная и весьма небогатая. Кой-гдѣ случайно сверкнувшая искра чувства или одушевленія, полуобразъ, неясно промелькнувшій въ мертвой литературной пустынѣ, стонъ сердца, который слегка прозвучалъ и умеръ въ нестройномъ шумѣ гладкихъ и пу-

*) „Сынъ Отечества" 1841 г., т. I, № 1. Статья А. Никитенко.

сныхъ стихахъ, — все это громко и [illegible]: „У насъ нѣтъ поэзіи!" — Отчего же нѣтъ ея? Вопросъ этотъ уже давно рѣшенъ большинствомъ голосовъ: нашъ вѣкъ осужденъ жить и умереть безъ поэзіи, это вѣкъ положительный, вѣкъ матеріальныхъ стремленій, комфорта и паровыхъ машинъ, вѣкъ спекуляціи и денежныхъ расчетовъ.

Бѣдный вѣкъ! нашъ, [illegible] осужденъ [illegible] передъ потомствомъ съ [illegible], съ какимъ почти ни одинъ изъ [illegible] не являлся передъ нимъ! Вѣкъ безъ поэзіи все равно, что жизнь безъ любви, что прекрасныя уста безъ улыбки и поцѣлуя, что природа безъ весны, что тѣло безъ души, и душа безъ вѣры въ свою свободу. Между тѣмъ [illegible]! И странно: послѣ [illegible] Наполеона и освобожденія народовъ, [illegible], [illegible] бурею, какой не бывало на землѣ; съ тобою духъ [illegible] образованности и разума [illegible], всесовершенствующій, но въ чемъ все это? Вѣкъ нашъ [illegible], и [illegible] тебя на [illegible], безжизненное безвѣріе съ [illegible] скрывалами и [illegible], стонъ же [illegible], какъ онъ, съ [illegible] шумомъ, который [illegible] и которому они [illegible] въ своихъ восторгахъ, если въ немъ не слышно слова во имя искусства.

Но не клевета-ли то, что говорятъ о тебѣ? Въ самомъ дѣлѣ, тебя болѣе всего осуждаютъ за твою положительность: но справедливо ли? Чѣмъ мы хуже другихъ въ этомъ отношеніи? Когда же люди не любили [illegible], но, вмѣстѣ, прекрасныхъ благъ земли? Когда массы народныя не предпочитали [illegible] вещественной выгоды [illegible], духовному добру? Но вѣкъ, говорятъ намъ порицатели его, [illegible] стремленіемъ все приносить въ жертву выгодамъ, для него вся природа не иное что, какъ орудіе наслажденій. Посмотрите, онъ самую науку склоняетъ подъ иго своихъ страстей. Она уже не есть цѣль усилій, [illegible] благо[illegible] держава ума, которую онъ не дерзаетъ осквернить

лугавими нашими житейскихъ потребностей: она, просто, средство нуждъ истинныхъ или мнимыхъ, а не представительница вѣчныхъ истинъ, близкая небу, потому что ей были чужды грѣхи и скверны земли. Ее заковали въ цѣпи приложенія; ее влекутъ, какъ рабу, по морямъ, желѣзнымъ дорогамъ, сажаютъ на козлы, ставятъ у очага или фабричнаго станка, заставляютъ пахать, рыть землю, въ пыли, въ дыму не узнаешь болѣе царственной ея осанки; вѣнецъ истины сброшенъ съ ея чела и разбитъ: изъ обломковъ его люди чеканятъ монету. Осмѣлится ли она, почувствовавъ свое достоинство, бросить взглядъ презрѣнія на низкую долю, которой мы ее поработили, и возвысить голосъ свой въ пользу чистыхъ, высокихъ ученій ума, — тотчасъ закричатъ: „умоврѣніе! умозрѣніе! прочь его! Наука! полно говорить вздоръ — дѣла, что есть, давай намъ удовольствія и удобства!" Право, мы не понимаемъ, что тутъ ужаснаго. Люди, наконецъ, поняли, что наука существуетъ для нихъ, а не они для науки; и слава Богу! хвала вѣку, принесшему съ собой это прекрасное убѣжденіе. Наука стала тѣмъ, чѣмъ она должна быть: орудіемъ въ рукѣ человѣка для расширенія его власти надъ природою, истиннымъ, великимъ могуществомъ, полнымъ дѣлъ и результатовъ. Неужели было лучше, когда умъ, съ высоты взгроможденныхъ имъ понятій и системъ, смотрѣлъ съ презрѣніемъ на жизнь и дѣйствительность, и, гордый своею школьною нищетою, хотя иногда, снѣдаемый голодомъ недосягаемыхъ истинъ, вмѣсто приличной одежды, въ лохмотьяхъ изъ силлогизмовъ и гипотезъ, разсыпалъ свои мысли по всѣмъ сторонамъ безпредѣльнаго царства идей, и тонулъ съ ними въ неисходимыхъ безднахъ пустоты и мрака. Теперь, вымытый отъ схоластической грязи, одѣтый въ факты, румяный, веселый, соединенный законнымъ союзомъ съ природою, за которою взялъ огромное приданое — вещи и силы, онъ ходитъ самодовольно по землѣ, смотритъ за всѣмъ, все наблюдаетъ, распоряжается вещами, а не грезами, и строитъ себѣ на славу великолѣпное зданіе счастья и благоденствія человѣческаго.

Аналитическое, положительное, или, если такъ угодно, эмпирическое направленіе вѣка не только не вредитъ и поэзіи, но, напротивъ, оно оказало и оказываетъ ей важныя услуги. Ему она обязана тѣмъ, что перестала быть арабесками и позолотою жизни, а сдѣлалась сама жизнью. Знаніе природы, глубокое изученіе историческаго быта и наблюденіе сердца человѣческаго сдѣлались опорою генія, который понялъ, что творческой мысли его преимущественно также рѣшать на землѣ великія задачи, а не играть въ мечты и чувствованія. Поэзія перестала забавлять человѣка воздушными призраками и баснями, которые онъ отвергалъ съ презрѣніемъ всякій разъ, какъ скоро отъ минутнаго упоенія праздной нѣги и покоя переходилъ къ трезвому и дѣятельному существованію. Люди нашли въ ней благо дѣйствительное, а не мнимое, и, видя, что въ ея высокихъ созданіяхъ, въ ея божественныхъ идеалахъ господствуетъ одинъ и тотъ же вѣчный законъ вещей, они покорились ей съ полною довѣренностью, потому что перестали бояться обольщеній и обмана, за которыми всегда слѣдовало горькое разочарованіе существенностію.

Не споримъ, что ко всѣмъ этимъ выгодамъ вѣка примѣшиваются злоупотребленія. Его положительность многіе превращаютъ въ отвратительный цинизмъ грубыхъ матеріальныхъ влеченій, а изъ стремленія его измѣрить все мѣрою дѣйствительнаго человѣческаго добра, извлекли законъ самаго бездушнаго и холоднаго эгоизма. Но чего не отравляютъ злоупотребленія? И при свѣтѣ небесномъ совершаются злодѣянія, приводящія въ трепетъ сердце, — а дни составляютъ лучшую половину нашего существованія. Извѣстно, что самое гадкое и самое опасное зло на свѣтѣ есть то, которое прикрывается подъ добро: достигнетъ ли оно того, что не нанесло бы зла добру? Стоитъ только вникнуть въ дѣла тѣхъ, которые трудятся и живутъ въ духѣ истинныхъ потребностей вѣка, и мы увѣримся, что все великое, все благотворное для человѣчества принадлежитъ ему, а все мелкое, пагубное принадлежитъ людямъ. Только одно сердце человѣческое есть лабораторія, въ которой вырабатывается

яды: природа и исторія этого не дѣлаютъ, хотя въ наше время многіе плуты и глупцы полагаютъ, что ихъ прекрасныя качества суть, напримѣръ, прямое слѣдствіе паденія Западной Римской имперіи, и что потому нѣтъ ужъ никакой возможности перемѣнить ихъ на другія: тутъ, видите, пришлось бы спорить съ цѣлыми вѣками и огромными міровыми причинами.

Поэты наши еще жалуются на общество, на недостатокъ къ нимъ сочувствія и еще на что-то: кажется, на неспособность понимать ихъ. Это несправедливо. Общество удивляется истиннымъ талантамъ и слушаетъ съ любовью ихъ вдохновенныя пѣсни, если ихъ можно понять; оно вознаграждаетъ за нихъ тѣмъ, что любятъ таланты—лаврами; и тѣмъ, что оно любитъ само, и чего, повидимому, не отвергаютъ и они—золотомъ. Положимъ, что общество, жаждущее высокихъ впечатлѣній искусства, немногочисленно; но что за дѣло до этого? оно уже есть и, слѣдовательно, есть кому замолвить за васъ слово потомству, ежели вы того хотите. Впрочемъ, къ чему этотъ жалкій ропотъ на невниманіе людей? Къ чему это малодушное ожиданіе чуждаго призыва ко вдохновенію, которое есть наилучшій даръ неба, и которое тотчасъ оставляетъ неблагодарное сердце, какъ скоро оно дерзнетъ осквернить его преступною мыслію порабощенія? Въ великихъ задачахъ искусства есть одно драгоцѣнное свойство,—это сила врачевать скорби души, посвятившей себя имъ, сила пробуждать въ ней благородногордое сознаніе своего достоинства, и дѣлать ее независимою отъ мелкихъ тревогъ эпохи и мѣста, гдѣ мы живемъ. Кого искусство не благословило этимъ мирнымъ, домашнимъ, внутреннимъ счастьемъ, этою свободою сердца, того не благословило оно и дарами творчества. Душа поэта, какъ храмъ, должна быть заперта для мелкихъ ежедневныхъ случаевъ, притязаній и сплетней общества: пусть она отверзается только въ тѣ торжественные дни, когда сердца людей просятъ мира и молитвы.

Итакъ, гдѣ же причина печальнаго отсутствія поэзіи въ нашей литературѣ? Мы думаемъ, что ее надобно искать

не столько въ вещахъ и обстоятельствахъ, сколько въ лицахъ, то-есть въ полуразвитіи и полудѣятельности нашихъ талантовъ. Что такое для нихъ поэзія? Составляетъ ли она вѣру и убѣжденіе ихъ сердца? способъ, какимъ должны они раскрыть и выразить свое нравственное могущество, свое назначеніе въ мірѣ? подвигъ, который должно создать усиліями ума и воли и запечатлѣть пожертвованіями? Надобно съ твердостію перенести роковой отвѣтъ на эти вопросы: онъ печаленъ, потому что въ немъ слышите вы: „ничего этого нѣтъ!“ поэзія для насъ *мечта златая, сладкій восторгъ, волшебное упоеніе*, — все, чѣмъ сладострастный духовный сибаритизмъ величаетъ предметы своихъ нецѣломудренныхъ удовольствій, — все, только не искусство. Она для насъ не цѣль возвышенной дѣятельности, а средство расшевелить сонное существованіе, утоленіе неистовой жажды впечатлѣній, орудіе утонченнаго эгоизма, который потому только бросается на отвлеченныя блага, что слишкомъ лѣнивъ для пріобрѣтенія вещественныхъ. Чего ждать отъ такого настроенія души, кромѣ *лирическихъ порывовъ*? Не требуйте отъ него *созданій*: для созданія нужна сила. Мы не развиваемъ ни одной поэтической идеи глубоко, потому что это развитіе было бы уже похоже на дѣятельность: мы довольствуемся показать читателямъ на нашемъ сердцѣ нѣсколько перепутанныхъ слѣдовъ, которые она оставила на немъ въ мощномъ своемъ бѣгѣ. Мы любимъ поэзію, когда она тѣшитъ наше прихотливое, сибаритическое чувство, и боимся ее, какъ скоро она приметъ величественную и строгую осанку искусства, требуя отъ насъ напряженія воли и силъ ума, требуя дѣла мужей. Оттого на насъ ложится какая-то странная и нелѣпая физіономія: въ ней есть что-то незрѣлое, недоконченное: всѣ черты приняли въ теченіе по какому-то вѣрному закону и возбуждены, но вдругъ остановились, оцѣпенѣли и слились съ самыми пошлыми формами. Хотите ли поэзіи въ желаніяхъ, въ стремленіяхъ, въ расположеніи нашей души? она есть, не ниже той, что въ произведеніяхъ. Войдите вмѣстѣ въ эту заповѣдную область: мы тутъ богаты

ходить по обломкамъ, по грудамъ камней: это не развалины: мы такъ молоды, что ничего не успѣли еще сдѣлать для пищи вѣковъ; это все задуманныя, предначертанныя зданія: они начались и поросли уже мхомъ забвенія, на нихъ лежитъ плѣсень надеждъ, сгибнувшихъ въ самомъ своемъ цвѣтѣ. Пойте же любимыя ваши пѣсни про сны, про мечту: что же другое и пѣть вамъ?

Но, вѣдь, и этому есть причины? да, хотя легче изъяснять дѣла человѣческія причинами, чѣмъ оправдывать ихъ. Причины эти, по нашему мнѣнію, заключаются болѣе всего въ нѣкоторыхъ убѣжденіяхъ, которыя мы принимаемъ безъ всякаго изслѣдованія, называя ихъ на нынѣшнемъ языкѣ „великими міровыми истинами“, „требованіемъ вѣка“. Хотите видѣть? вотъ, напримѣръ, одно печальное злоупотребленіе идей вѣка — это злоупотребленіе, какое мы сдѣлали изъ высокаго авторитета исторіи. Увѣренные въ томъ, что настоящій порядокъ вещей есть только необходимый выводъ предшествовавшихъ историческихъ событій, какъ посылокъ одного безконечнаго сорита человѣческой судьбы; увѣренные, что все, что есть въ огромныхъ размѣрахъ и движеніи вѣка, должно быть такъ, какъ есть, мы, отъ этого общаго фатализма, перешли, наконецъ, къ жалкому нравственному фатализму въ собственномъ умѣ и волѣ. Странное дѣло! мы такъ высокомѣрны въ своихъ притязаніяхъ, какъ будто бы отъ насъ зависѣло всякому явленію жизни предписать свои законы, и такъ ничтожны, что нѣтъ такой нелѣпости въ нашихъ поступкахъ, такого поползновенія въ нашемъ сердцѣ, котораго бы мы не готовы были оправдать всемогущимъ вліяніемъ вещей. Вотъ вамъ убѣжденіе, сдѣлавшееся для сердца нашего ложемъ разврата, на которомъ оно тратитъ свои благороднѣйшія силы, изнывая въ нѣгѣ бездѣйствія и покоя. Здѣсь нѣтъ для него успѣховъ, потому что нѣтъ предпріятія: нѣтъ никакой увѣренности къ будущему, потому что легче сомнѣваться въ немъ, чѣмъ трудиться для его созданія. Нужно ли воспитывать, приготовлять себя сколько-нибудь къ тому роду дѣятельности, который мы такъ самовольно называемъ въ нашихъ пер-

выхъ поэтическихъ звукахъ своимъ призваніемъ, цѣлью жизни, великою идеею нашего существованія? На что это? предоставимъ лучше случаю и минутѣ сдѣлать изъ насъ то, что имъ будетъ угодно. Будемъ ждать вдохновенія — быть не можетъ, чтобы оно не посѣтило такія избранныя души, какъ у насъ. Древніе молились и приносили жертвы музамъ, когда готовились пѣть свои безсмертныя пѣсни: наши музы нѣсколько снисходительнѣе: онѣ сами приходятъ къ поэтамъ, не боясь стѣнъ ихъ кабинета, закоптѣлыхъ отъ табачнаго дыма, и навѣваютъ имъ такія чудесныя грезы, которыя не снились никогда самому Аполлону.

Не будемъ же никого обвинять — ни вѣка ни общества въ нашемъ бездѣйствіи, въ презрѣніи ко всякому благородному усилію въ пользу искусства, въ нашемъ совершенно нехудожественномъ настроеніи души; не будемъ искать изъясненія всего этого въ мировыхъ причинахъ. — О! если бы каждый изъ насъ, воздѣлавъ честно и разумно свой нравственный участокъ, предоставленный ему природою, жатва наша, можетъ-быть, не была бы такъ богата, чтобы питать чужихъ, но то вѣрно, что мы сами не были бы голодны.

Между тѣмъ, какъ въ доказательство, что природа не отказываетъ намъ въ благодатныхъ дарахъ своихъ, которые мы должны только развивать и усовершенствовать, вотъ передъ нами поэтическія произведенія новаго, свѣжаго таланта — *Стихотворенія г. Лермонтова*. Въ наше время слова получаютъ удивительно превратный смыслъ: вы слышите названія: *великій*, *міровой*, *поэтъ* и *поэтическій*, приписываемыя такимъ понятіямъ и такимъ предметамъ, которые краснѣютъ сами отъ этихъ неожиданныхъ почестей и не знаютъ, какъ поворотиться въ своей пышной одеждѣ, совсѣмъ не для нихъ приготовленной. Мы видѣли, что значитъ наша поэзія. Потому-то, когда надъ какимъ-нибудь пышнымъ изданіемъ мы читаемъ ея имя, намъ всегда хочется заглянуть глубже внутрь и удостовѣриться лично, точно ли она существуетъ тамъ? Вмѣсто ея, не лежитъ ли на мягкомъ ложѣ изъ возвышенныхъ думъ мирная мечта, играя себѣ въ сны и идеи? Авторъ новыхъ стихотвореній проститъ намъ, если

мы, безъ предварительныхъ шумныхъ восторговъ, съ нѣкоторою боязнью войдемъ и въ его мірный пріютъ. Но вотъ мы и вошли. Что же это такое? гдѣ мы? вѣдь, это храмъ. На насъ такъ и вѣетъ благоуханіемъ свѣжихъ, прекрасныхъ стиховъ; слышатся звуки, какіе можетъ изобрѣсти только сердце, чтобы взволновать, очаровать ими людей; около насъ носятся стройные, живые образы: здѣсь непремѣнно живетъ поэзія, иначе быть не можетъ. Вотъ льются сладостные звуки: это ея пѣснь — послушайте сами:

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Бурѣ плачъ его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.
Но, по степи разбѣгаясь,
Онъ лукавый принялъ видъ,
И привѣтливо ласкаясь,
Морю-Каспію журчитъ:
„Разступись, о старецъ-море!
Дай пріютъ моей волнѣ!
Погулялъ я на просторѣ,
Отдохнуть пора бы мнѣ!
Я родился у Казбека,
Вскормленъ грудью облаковъ,
Съ чуждой властью человѣка
Вѣчно спорить былъ готовъ.
Я, сынамъ твоимъ въ забаву,
Разорилъ родной Дарьялъ,
И валуновъ, имъ на славу,
Стадо цѣлое пригналъ“.
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій стихнулъ, будто спитъ,
И опять, ласкаясь, Терекъ
Старцу на ухо журчитъ:
„Я привезъ тебѣ гостинецъ!
То гостинецъ не простой:
Съ поля битвы кабардинецъ,
Кабардинецъ удалой.
Онъ въ кольчугѣ драгоцѣнной,
Въ налокотникахъ стальныхъ,
Изъ Корана стихъ священный
Писанъ золотомъ на нихъ.
Онъ угрюмо сдвинулъ брови,

И усовъ его края
Обагрила знойной крови
Благородная струя:
Взоръ открытый безотвѣтный,
Полонъ старою враждой;
По затылку чубъ завѣтный
Вьется черною космой".
Но, склонясь на мягкій берегъ,
Каспій дремлетъ и молчитъ.
И волнуясь, буйный Терекъ
Старцу снова говоритъ:
„Слушай, дядя, даръ завѣтный!
Что другіе всѣ дары?
Но его отъ всей вселенной
Я таилъ до сей поры.
Я примчу къ тебѣ съ волнами
Трупъ казачки молодой,
Съ темно блѣдными плечами,
Съ свѣтло русою косой.
Грустенъ ликъ ея туманный,
Взоръ такъ тихо, сладко спитъ,
А на грудь изъ малой раны
Струйка алая бѣжитъ.
По красоткѣ-молодицѣ
Не тоскуетъ надъ рѣкой
Лишь одинъ во всей станицѣ
Казачина Гребенской.
Осѣдлалъ онъ вороного,
И въ горахъ, въ ночномъ бою,
На кинжалъ чеченца злого
Сложитъ голову свою".
Замолчалъ потокъ сердитый,
И надъ нимъ, какъ снѣгъ бѣла,
Голова, съ косой размытой,
Колыхаяся всплыла.
И старикъ, во блескѣ власти,
Всталъ могучій, какъ гроза,
И одѣлись влагой страсти
Темно-синіе глаза.
Онъ взыгралъ, веселья полный,
И въ объятія свои
Набѣгающія волны
Принялъ съ ропотомъ любви.

Вотъ раздаются другіе звуки, звуки, полные скорби и карающей ироніи. Поэзія поетъ судьбу всего современнаго и свою собственную:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто иль темно.
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы.
. . . .
. . . .
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!
Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, боясь пресыщенья,
Мы лучшій сокъ на-вѣки извлекли.
Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ,
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства,
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь горитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
И добросовѣстный, ребяческій развратъ,
И къ гробу мы бредемъ безъ счастія, безъ славы,
Глядя насмѣшливо назадъ.
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.

И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина
Потомокъ заклеймитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Не видите ли вы въ этихъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ доказательствъ неоспоримаго поэтическаго призванія? Почти во всѣхъ прочихъ вы найдете то же. Есть два направленія, двѣ степени поэтическаго развитія. На одной, душа, счастливо организованная, съ первымъ взглядомъ на вещи, вступаетъ въ родственное, тѣсное сочувствіе съ высшимъ ихъ значеніемъ, со всѣмъ, что есть въ нихъ идеальнаго, слѣдовательно, лучшаго, честнѣйшаго. Исполняясь этого духа всеобщей жизни, она не знаетъ другого назначенія, какъ жить въ ея лонѣ и блаженствовать. Это прекрасная заря поэтическаго дня, патріархальный бытъ души, гдѣ она не мучится еще тяжкою мыслію стать передъ лицомъ природы съ собственною творческою мощію, со своей исторіей. Приходитъ пора, когда этотъ мирный союзъ съ природою, это безмятежное бытіе подъ ея родительскою кущею — должны уступить другимъ стремленіямъ и другимъ видамъ судьбы: человѣкъ призванъ на землю не къ покою, а къ великому труду — труду нравственнаго міростроенія. Надобно воздвигать зданіе исторіи: начинается борьба съ силами внѣшними, начинается подвигъ на пути, окропленномъ собственною кровію, человѣкъ находитъ великое и печальное право быть творцомъ, художникомъ. Тамъ слышатся очаровательные звуки пѣсни: здѣсь пѣсня умолкаетъ: слышенъ стукъ отъ воздвигаемыхъ и падающихъ зданій, крики работающихъ семей, проклятія и вопль, на отдаленномъ концѣ перспективы. Изъ смѣлыхъ чертежей зодчаго возникаютъ общества и храмы. Искусство совершенно, творчески развилось, созрѣло, и стало передъ потомствомъ съ богатыми дарами своей доблести. Стихотворенія г. Лермонтова принадлежатъ къ первой степени поэзіи, къ пѣснямъ или лирикѣ. Но надобно отличать ложный лиризмъ, которымъ мы такъ богаты, отъ истиннаго, художественнаго, которымъ мы такъ бѣдны. Лже-поэтъ лирикъ тотъ, кто, вмѣсто поэтическихъ

моментовъ природы и жизни, передаетъ вамъ свои личныя ощущенія, отрывки своей автобіографіи, или который, на мѣсто живыхъ силъ и вещей, ставитъ передъ вами отвратительные остовы отвлеченныхъ понятій. Это —высокомѣрный, холодный эгоистъ, который не можетъ вступить ни въ какое сочувствіе съ общими интересами вещей, который, въ цѣлой вселенной не видя ничего занимательнѣе и важнѣе себя, хочетъ, чтобы вы смотрѣли съ благоговѣніемъ на всякое трепетаніе его маленькой души: онъ поетъ вамъ пѣсни *къ ней*, поетъ о *своемъ* прошедшемъ, будущемъ, о всемъ, что случилось съ нимъ вчера или должно случиться завтра, и тщательно подписываетъ подъ своими пѣснями годъ, мѣсяцъ и число для того, чтобы каждое изъ этихъ великихъ явленій его жизни рисовалось передъ вами всегда, какъ несокрушимый моментъ. Лирикъ-художникъ, напротивъ, служитъ только посредникомъ между природою и вами: онъ ставитъ васъ на свою точку зрѣнія для того, чтобы вы увидѣли тѣ же красоты, которыя наполняли его сердце святымъ восторгомъ, и чтобы вы ощутили тотъ же восторгъ. Онъ дѣлится съ вами не лохмотьями своего рубища, а драгоцѣнными сокровищами, какими надѣлили его самыя вещи, отъ васъ сокрытыя. Онъ поетъ вамъ про горе и радость, которыя носитъ въ глубинѣ своего сердца: но вы чувствуете, что они ваши, а не исключительно его; ваши потому, что они человѣческія, и прошли только сквозь его пріимчивое сердце, чтобы дойти до васъ. Его душа—призма, принявшая въ себя живительный лучъ свѣта, и этотъ лучъ, раскинувшись въ изгибахъ ея граней, поражаетъ потомъ вашъ взоръ роскошною игрою своихъ разноцвѣтныхъ переливовъ. Лирикъ-художникъ за то и чувствуетъ необходимость дать принятымъ имъ идеямъ и впечатлѣніямъ органическое устройство, опредѣленность формы и красокъ: иначе какъ же бы онъ поставилъ васъ въ тѣ же отношенія къ природѣ, въ какихъ находится самъ? Онъ знаетъ, что никакіе разсказы о вещахъ не замѣнятъ самыхъ вещей, и потому онъ не столько занятъ выраженіемъ своихъ ощущеній, сколько предметовъ, возбудившихъ ихъ. Онъ старается даже дать имъ

драматическое движеніе, сблизить и раздѣлить ихъ такъ, чтобы они ярче выказывали свои поэтическія стороны, какія такъ глубоко запечатлѣваются въ его душѣ. И въ этой-то постановкѣ предметовъ, въ тѣхъ линіяхъ, какими означаетъ онъ ихъ сгибы, ихъ извороты, ихъ позы, заключается преимущественно трудность и слава его художнической дѣятельности. Тутъ не довольно легкаго счастливаго стиха: тутъ нужна архитектоника идей, чертежъ, рисунокъ: это предвѣстіе полнаго творчества, свободныя организаціи. Ни предѣлы ни цѣль нашей статьи не позволяютъ намъ развить вполнѣ истиннаго, высокаго значенія лиризма, предшествующаго только окончательнымъ, полнымъ созданіямъ искусства, но тѣмъ не менѣе составляющаго одно изъ прекраснѣйшихъ его явленій: мы слегка должны были коснуться нѣкоторыхъ только важнѣйшихъ его сторонъ для того, чтобы наши юные лирики видѣли, что здѣсь дѣло состоитъ не въ слѣпомъ безотчетномъ набрасываніи линій, изъ которыхъ не выходитъ у нихъ даже плѣнительнаго *ока* ихъ любезной или ея граціознаго носика. Намъ хотѣлось показать, почему стихотворенія господина Лермонтова составляютъ пріятное явленіе въ нашей литературѣ: въ нихъ есть пѣснь поэзіи, поэзіи, безъ которой всякая литература не болѣе, какъ трупъ. Вы прочли, напримѣръ, пьесу, которую мы привели выше? Она вся прекрасна, — прекрасна по идеѣ, по сближенію двухъ могуществъ въ природѣ, бурныхъ, непокорныхъ, но очарованныхъ красавицей, этимъ благоухающимъ цвѣткомъ человѣчества, который человѣкъ такъ безжалостно оторвалъ отъ стебля, измялъ и бросилъ подъ ноги слѣпыхъ силъ природы. И все это прекрасно по опредѣленности, полнотѣ, законченности, съ какими развита идея, такъ мѣтко, выхваченная изъ жизни: она прекрасна по истинѣ, поэтическому сближенію понятій и гармоніи образовъ, которые, какъ будто сами собою, возстаютъ изъ глубины природы, и, полные блистательной энергіи, не стоятъ передъ вами въ безмолвномъ оцѣпенѣніи, а движутся и живутъ. Посмотрите, какъ, даже въ мимолетныхъ подробностяхъ, поэтъ умѣетъ легко, непринужденно, едва касаясь холста

своею кистію, обозначить сгибъ, положеніе, сами по себѣ уже составляющіе картину:

> Но, склонясь на мягкій берегъ,
> Каспій стихнулъ, будто спитъ.
> И опять, ласкаясь, Терекъ
> Старцу на ухо журчитъ.

Или:

> И старикъ, во блескѣ власти,
> Всталъ могучій, какъ гроза,
> И одѣлись влагой страсти
> Темно-синіе глаза.

Мы обращаемъ особенное вниманіе читателей на это художническое развитіе идей въ стихотвореніяхъ господина Лермонтова: это чрезвычайно важно. Идеи, особенно высокія, намъ надоѣли до крайности: отъ нихъ нѣтъ проходу въ литературѣ, въ обществѣ. Спросите у любого недоучившагося школьника: онъ вамъ тотчасъ выметъ изъ головы своей, или лучше сказать, изъ книги и памяти, цѣлую горсть такихъ міровыхъ идей, что вы подпрыгните отъ изумленія подъ седьмое небо. Скоро въ гостиныхъ нельзя будетъ танцовать: міровые юноши столько нароняютъ на паркетъ идей всякаго роду, что чья-нибудь маленькая и миленькая ножка, того и гляди, запнется о нихъ и, чего Боже сохрани! уронитъ неосторожно и неловко самое прекрасное изъ проявленій міровыхъ идей, — уронитъ прелестную плясунью. Что пользы въ высокихъ идеяхъ безъ результатовъ, да еще если съ ними можно упасть? Давайте намъ *проявленія*, дѣлъ, сдѣланныхъ изъ чего вамъ угодно, изъ поступковъ, стиховъ, прозы, — только непремѣнно дѣлъ, созданій, чего-нибудь такого, что могло бы жить на свѣтѣ, если не долго, такъ хоть столько, какъ маленькая искорка, способная зажечь въ комъ-нибудь мысль, чувство. Право, идея безъ развитія или, что все равно, дурно, то есть темно развитая, есть самая пустая вещь на свѣтѣ: лучше, вмѣсто нея, положить въ голову какой-нибудь самый простой, хоть канцелярскій фактъ. Она только растопыриваетъ умъ, который, становясь отъ нея шире и пустѣе, думаетъ, что онъ міровой, и, какъ шаръ, пропу-

скаетъ сквозь себя множество прелюбопытныхъ и преполезныхъ вещей въ мірѣ. Мы зато и благодарны господину Лермонтову, что у него идеи сдѣлались премилыми, преумными пѣсенками: онѣ вотъ какъ-то сосредоточились въ его теплой и крѣпкой душѣ, не разлетѣлись въ разныя стороны по пространству безконечнаго, организовались, какъ слѣдуетъ всему живому въ природѣ—получили такое хорошенькое тѣло, стройное, здоровое, бѣлое, съ самою прекрасною головкою, съ глазами, полными страсти и ума, съ носикомъ, немножко вздернутымъ, потому что это ужь нѣчто фамильное у всѣхъ олицетворенныхъ идей нашего вѣка: но, вѣдь, это только новый оттѣнокъ прелести. Вотъ идея стала живымъ существомъ, настоящею поэзіею, которая, наконецъ, устроившись совсѣмъ въ своей внутренней экономіи, получивъ уже и порядочное воспитаніе, какъ и слѣдуетъ всякой благородной поэзіи, раскрыла, наконецъ, свои бархатныя алыя уста, и заговорила такими энергическими, живыми, легкими, ясными, такими классическими стихами, что даже строгая и важная критика, заслушавшись ихъ, уронила свой анатомическій ножичекъ и бросилась обнимать и цѣловать милую гостью. Извѣстно, однакожъ, что истинная критика (есть много и ложныхъ) нелегко предается безотчетнымъ восторгамъ: она тотчасъ оправилась, подняла свой ножичекъ, подошла опять къ прелестной поэзіи и сказала ей съ нѣжностью: „Какая же вы хорошенькая, милая сестрица (доказательство, что критика и поэзія не только не чужды другъ другу, но даже родныя! Я безъ памяти васъ полюбила! Позвольте же, моя милая, безъ церемоній, поправить немножко вашъ туалетъ: вотъ тутъ висятъ нѣсколько лишнихъ лентъ что ли, которыя мотаются такъ, безъ цѣли, и портятъ только живую гармонію вашего наряда, мы отрѣжемъ ихъ. Станьте-ко мнѣ спиною, вотъ такъ: *Дары Терека* долой, *и скучно и грустно*—также, *благодарность* тоже. Смотрите, душечка, кто это вамъ присовѣтовалъ пришпилить эти старые лоскутики? Что въ нихъ хорошаго, достойнаго вашей прелестной физіономіи? Вмѣсто мужественныхъ, зрѣлыхъ, благородныхъ мыслей,

которыя вы такъ любите. Тутъ выведены самые обыкновенные траурные узоры, въ родѣ отцвѣтшихъ надеждъ, угасшихъ страстей, поэтическаго презрѣнія къ толпѣ, — однимъ словомъ, эти *лирическія личности* души, обезсиленной своими собственными стремленіями, тщетными притязаніями на право, на которое нѣтъ права, — на право высшаго существованія. Фи! это совсѣмъ нейдетъ къ вамъ. Вы — дитя доблести и силы, дитя истиннаго поэтическаго призванія. Ваши самыя слезы должны быть пролиты только во имя великихъ скорбей человѣчества, а не во имя вашей домашней скуки, чтобъ отъ этихъ слезъ, какъ отъ благодатной росы неба, прозябало въ душѣ людей святое сочувствіе ко всему человѣческому. Нѣкоторые говорятъ, будто все, что красавица ни скажетъ, ни сдѣлаетъ, ни надѣнетъ, — все — чудо совершенства: не вѣрьте этимъ пустякамъ. Что нехорошо, то нехорошо всегда и вездѣ. Вѣтка полыни не сдѣлается благоухающею лиліею, хотя бы по странной прихоти красавица приколола ее у самой груди своей. Впрочемъ, я говорю вамъ такъ единственно потому, что люблю васъ: вѣдь, вы не сердитесь? Не правда ли?

Намъ сказывали, что поэзія выслушала все это очень благосклонно...

А. Никитенко.

*) Г. Лермонтовъ принадлежитъ къ небольшому числу современныхъ намъ поэтовъ, которые независимостью таланта и вѣрностію чувства умѣли защититься отъ вліянія страннаго и ошибочнаго вкуса, овладѣвшаго толпою писателей. Онъ, какъ истинный поэтъ, въ каждомъ предметѣ усматриваетъ новую сторону, чтобы въ изображеніи мысли чувствуемо было его созданіе. Языкъ совершенно повинуется требованіямъ воображенія его, глубокомыслія и мечтательности. Не всѣ его стихотворенія равно счастливо выдержаны и кончены; но то, что успѣлъ онъ проникнуть

*) „Современникъ" 1841 г., т. 21. О стихотвореніяхъ Лермонтова.

своимъ умомъ, уже отпечатлѣлось ясно и живо. Изданіе стихотвореній его возбуждаетъ много утѣшительнаго по двумъ особенно обстоятельствамъ: во-первыхъ, перебирая пьесы его, чувствуешь, какъ онъ замѣтно совершенствуется— доказательство, что поэзія составляетъ сущность его внутренней жизни; во-вторыхъ, онъ нисколько не односторонен — преимущество, которымъ не многіе могутъ похвастаться. Если удастся ему замѣнить точными и простыми выраженіями нѣсколько фразъ гиперболическихъ и не вполнѣ соотвѣтствующихъ первоначальной мысли, онъ придастъ своей поэзіи новое и важное совершенство.

Изъ „Современника“ за 1841 г.

*
* *

[1]) Авторъ „Героя нашего времени“, явившійся въ одно время на двухъ поприщахъ, повѣствователя и лирическаго поэта, издалъ небольшую книжку стихотвореній. Прекрасныя надежды видимъ мы и въ стихотворцѣ, но будемъ и здѣсь искренни, какъ были въ первомъ нашемъ разборѣ. Намъ кажется, что еще рано было ему собирать свои звуки, раскиданные по альманахамъ и журналамъ, въ одно: такого рода собранія и позволительны и необходимы бываютъ тогда, когда уже лирикъ образовался и въ замѣчательныхъ произведеніяхъ запечатлѣлъ свой оригинальный, рѣшительный характеръ. Такъ, сожалѣемъ мы, что нѣтъ у насъ до сихъ поръ полнаго собранія стихотвореній князя Вяземскаго и Хомякова: они были бы необходимы для того, чтобы обнять изученіемъ черты этихъ поэтовъ, сложившихся въ характеры цѣльные и означенные яркою личностью и въ мысли и въ выраженіи.

Г. Лермонтовъ принадлежитъ въ нашей литературѣ къ числу тѣхъ талантовъ, которые не нуждаются въ томъ, чтобы собирать славу по клочкамъ: мы, судя по его дебюту, въ правѣ были ожидать отъ него не собранія небольшихъ мелкихъ стихотвореній, уже извѣстныхъ, которыя, будучи собраны вмѣстѣ, ставятъ въ недоумѣніе критика. Да, признаемся,

[1]) „Москвитянинъ“ 1841 г., ч. 2, № 4, „Стихотворенія Лермонтова“. Статья С. Шевырева.

что мы въ недоумѣніи. Мы хотѣли бы начертать портретъ лирика; но матеріаловъ еще слишкомъ мало для того, чтобъ этотъ портретъ былъ возможенъ. Къ тому же, съ перваго раза поражаетъ насъ въ сихъ произведеніяхъ какой-то необыкновенный протеизмъ таланта, правда, замѣчательнаго, но тѣмъ не менѣе опасный развитію оригинальному. Объяснимся.

Всякій, изучавшій сколько-нибудь русскую поэзію въ новомъ ея періодѣ, начиная съ Жуковскаго, конечно, знаетъ, что каждый изъ замѣчательнѣйшихъ лириковъ нашихъ имѣетъ вмѣстѣ съ оригинальностью своей поэтической мысли и оригинальность внѣшняго выраженія, отмѣченную въ особенности стиха, принадлежащаго лицу поэта и соотвѣтствующаго его поэтической идеѣ. Это проистекаетъ изъ того, что каждый изъ нихъ по своему наслаждается гармоніею языка отечественнаго, и уловляетъ въ немъ *свои* звуки для *своей* мысли. Такъ и во всѣхъ искусствахъ, какъ въ поэзіи: въ живописи есть также своя внѣшняя сторона, называемая стилемъ. Прошедши нѣсколько картинныхъ галлерей со вниманіемъ, вы скоро пріучитесь отгадывать имена художниковъ, и, не справляясь съ каталогомъ, заранѣе будете говорить: это картина Перуджино, Франчіа, Гвидо Рени, Гверчино, Доменикино, Рафаэля. Такъ, если внимательнымъ ухомъ вы вникали въ стихотворенія извѣстнѣйшихъ лириковъ нашихъ новаго періода, вы, конечно, знаете, что есть у насъ стихъ Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, К. Вяземскаго, Языкова, Хомякова, Ѳ. Глинки, Бенедиктова. У иныхъ поэтовъ нѣтъ яркой особенности въ звукѣ стиха, но есть извѣстный складъ въ поэтическомъ слогѣ, извѣстные обороты, замашки, собственно имъ принадлежащіе. Такъ по этимъ оборотамъ, по извѣстнымъ выраженіямъ, вы узнаете Баратынскаго и Дениса Давыдова. Хомякова вы отгадаете еще болѣе по глубинѣ и особенности его мысли, нежели по стиху; но, прислушавшись къ его лирѣ, конечно, узнаете, почему только съ нея могли слетѣть звуки *Острова* и *Пѣсни праху Наполеона*. Бенедиктовъ не развилъ еще особеннаго своего лирическаго таланта, но и въ немногомъ, что онъ написалъ, съ перваго раза

ярко обозначилась особенность его стиха; можно было уже сказать: вотъ стихъ Бенедиктова. Ниже, мы еще яснѣе это увидимъ. Говорить ли о стихѣ Языкова, который узнается съ перваго раза? Батюшковъ, несмотря на то, что угасъ преждевременно и опереженъ былъ столь многими товарищами, сохранилъ на Парнасѣ русскомъ самобытность своей собственной мелодіи. Пушкинъ, ученикъ Жуковскаго, потому и сталъ главою школы, что въ самомъ стихѣ отгадалъ всеобщій художественный складъ стиха русскаго — какъ отгадалъ то же Карамзинъ для русской прозы.

Можно замѣтить, что даже бездарные стихотворцы имѣютъ свой особенный родъ какофоніи: это диссонансы, но диссонансы, только извѣстному уху принадлежащіе. Такъ, въ этомъ отношеніи былъ у насъ замѣчателенъ Хвостовъ, нотъ стихи котораго подслушивались въ шутку лучшіе наши поэты. Стало-быть, можно было сказать: вотъ нескладность въ русскомъ стихѣ, которая могла родиться только въ несчастно-организованномъ ухѣ такого-то.

Когда вы внимательно прислушиваетесь къ звукамъ той новой лиры, которая подала намъ поводъ къ такому разсужденію, вамъ слышатся попеременно звуки — то Жуковскаго, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова, примѣчается не только въ звукахъ, но и во всемъ форма ихъ созданія: иногда мелькаютъ обороты Баратынскаго, Дениса Давыдова; иногда видна манера поэтовъ иностранныхъ, — и сквозь все это постороннее вліяніе трудно намъ доискаться того, что собственно принадлежитъ новому поэту, и гдѣ предстоитъ онъ самимъ собою. Вотъ что выше назвали мы протеизмомъ. Да, г. Лермонтовъ, какъ стихотворецъ, явился на первый разъ протеемъ съ необыкновеннымъ талантомъ: его лира не обозначила еще своего особеннаго строя: нѣтъ, онъ подноситъ ее къ лирамъ извѣстнѣйшихъ поэтовъ нашихъ, и умѣетъ съ большимъ искусствомъ подладить свою на строй, уже извѣстный. Немногія пьесы выходятъ изъ этого разряда — и въ нихъ мы видимъ, не столько въ формѣ, сколько въ мысли, зародышъ чего-то особеннаго, своего, о чемъ скажемъ послѣ.

Первое стихотвореніе, въ которомъ стихотворецъ-протей является во всемъ блескѣ своего дарованія, есть, конечно, „Пѣснь про удалого купца Калашникова" (1837)—мастерское подражаніе эпическому стилю русскихъ пѣсенъ, извѣстныхъ подъ именемъ собирателя ихъ Кирши Данилова. Нельзя довольно надивиться тому, какъ искусно поэтъ умѣлъ перенять всѣ пріемы русскаго пѣсенника. Очень немногіе стихи измѣняютъ стилю народному. Нельзя при томъ не сказать, что это не наборъ выраженій изъ Кирши, не подделка, не рабское подражаніе,—нѣтъ, это созданіе въ духѣ и стилѣ нашихъ древнихъ эпическихъ пѣсенъ. Если гдѣ свободное подражаніе можетъ взойти на степень созданія, то, конечно, въ этомъ случаѣ: подражать русской пѣснѣ, отдаленной отъ насъ временемъ—не то, что подражать поэту, намъ современному, стихъ котораго въ правахъ и обычаяхъ нашего искусства. Къ тому же содержаніе этой картины имѣетъ глубокое историческое значеніе—и характеры опричника и купца Калашникова чисто народные.

„Мцыри" (1840), по содержанію своему, есть воспоминаніе о герояхъ Байрона. Этотъ чеченецъ, запертый въ келью монаха; эта бурная воля дикаго человѣка, скованная клѣткою, ненасытная жажда жизни, ищущей сильныхъ потрясеній въ природѣ, борьбы со стихіями и звѣрями, и при томъ непреклонная гордость духа, бѣгущая людей и стыдящаяся обнаружить какую-нибудь свойственную человѣку слабость: все это заимствовано изъ созданій Байрона, заимствовано съ умѣньемъ и талантомъ неотъемлемымъ. Что касается до формы этой маленькой лирической поэмы, она такъ вѣрно снята съ „Шильонскаго Узника" Жуковскаго, за исключеніемъ третьей рифмы, по временамъ прибавляемой, что иногда, читая вслухъ, забываешься, и какъ будто переносишься въ прекрасное приложеніе нашего творца-переводчика. Есть даже обороты, выраженія, мѣста, до излишества напоминающіе сходство. Вотъ, напримѣръ:

То трепеталъ, то снова гасъ:
На небесахъ, въ полночный часъ
Такъ гаснетъ яркая звѣзда!

Или:

Грузинки голосъ молодой
Такъ безыскусственно-живой,
Такъ сладко-вольный, будто онъ
Лишь звуки дружескихъ именъ
Произносить былъ пріученъ.

Если вы вспомните „Шильонскаго Узника", то, конечно, согласитесь, что это какъ будто изъ него взято; сравните это со стихами:

... Увы! онъ гасъ,
Какъ радуга, плѣняя насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ...

Или:

Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томенъ...

Къ стилю Жуковскаго принадлежатъ также: „Русалка", „Три Пальмы" и одна изъ двухъ „Молитвъ". Изобрѣтеніе въ „Русалкѣ" (1836) напоминаетъ Гёте; но формы стиха и выраженія подслушаны у лиры Жуковскаго:

Русалка плыла по рѣкѣ голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пѣну волны.
И шутя и крутясь, колебала рѣка
Отраженныя въ ней облака;
И пѣла Русалка—и звукъ ея словъ
Долеталъ до крутыхъ береговъ.

Слѣдующіе стихи изъ „Молитвы" (1839, стр. 71, 72), какъ будто написалъ самъ Жуковскій, кромѣ втораго:

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ,
И дышитъ непонятная,
Святая прелесть въ нихъ.
.. ..
. .. .
И вѣрится, и плачется,
И такъ легко, легко!

При этомъ такъ и навертываются на память стихи Жуковскаго:

А слезы—слезы въ сладость намъ,
Отъ нихъ душѣ легко.

„Три Пальмы" (1839)—созданіе прекрасное по мысли и по выраженію. Здѣсь поэтъ какъ будто освобождается отъ одного изъ своихъ учителей и начинаетъ говорить свободнѣе.

Перейдемъ къ другимъ. „Узникъ", „Вѣтка Палестины", „Памяти А. И. О—го", „Разговоръ между журналистомъ, читателемъ и писателемъ" и „Дары Терека"—напоминаютъ совершенно стиль Пушкина. Прочтите „Узника" (1837).

Отворите мнѣ темницу,
Дайте мнѣ сіянье дня,
Черноокую дѣвицу,
Черногриваго коня.
Я красавицу младую
Прежде сладко поцѣлую,
На коня потомъ вскачу,
Въ степь, какъ вѣтеръ, улечу.

* *

Но окно тюрьмы высоко,
Дверь тяжелая съ замкомъ;
Черноокая далеко,
Въ пышномъ теремѣ своемъ;
Добрый конь въ зеленомъ полѣ,
Безъ узды, одинъ на волѣ,
Скачетъ, веселъ и игривъ,
Хвостъ по вѣтру распустивъ.

Одинокъ я—нѣтъ отрады:
Стѣны голыя кругомъ,
Тускло свѣтитъ лучъ лампады
Умирающимъ огнемъ;
Только слышно: за дверями,
Звучно-мѣрными шагами,
Ходитъ въ тишинѣ ночной
Безотвѣтный часовой.

Вотъ эту пьесу, особенно курсивные въ ней стихи, какъ будто написалъ самъ Пушкинъ. Кто коротко знакомъ съ

лирою сего послѣдняго, тотъ, конечно, согласится съ нами.

„Вѣтка Палестины" (1836) напоминаетъ живо „Цвѣтокъ" Пушкина: тотъ же самый оборотъ мысли и словъ. Читайте:

Скажи мнѣ, вѣтка Палестины,
Гдѣ ты росла, гдѣ ты цвѣла?
Какихъ холмовъ, какой долины
Ты украшеніемъ была?

* *
*

У водъ ли чистыхъ Іордана
Востока лучъ тебя ласкалъ?
Ночной ли вѣтръ въ горахъ Ливана
Тебя сердито колыхалъ?

* *
*

Молитву-ль тихую читали,
Иль пѣли пѣсни старины,
Когда листы твои сплетали
Салима бѣдные сыны?

*
* *

И пальма та жива-ль понынѣ?
Все такъ же-ль манитъ въ лѣтній зной
Она прохожаго въ пустынѣ
Широколиственной главой?

Сравните съ Пушкинымъ:

Гдѣ цвѣлъ? когда? какой весною?
И долго-ль цвѣлъ, и сорванъ кѣмъ?
Чужой, знакомой ли рукою?
И положенъ сюда зачѣмъ?

*
* *

На память нѣжнаго ль свиданья,
Или разлуки роковой,
Иль одинокаго гулянья
Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?

* *
*

И живъ ли тотъ, и та жива ли?
И нынѣ гдѣ ихъ уголокъ?
Или уже они увяли,
Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

Стихи къ „Памяти А. И. О—го" (1839) напоминаютъ вольнымъ складомъ пятистопнаго стиха одно изъ послѣднихъ стихотвореній Пушкина: „Отрывокъ", напечатанный въ „Современникѣ". Форма „Разговора писателя съ журналистомъ и читателемъ" снята съ извѣстнаго подобнаго же произведенія Пушкина. Но въ словахъ писателя есть большія особенности, въ которыхъ выражается образъ мыслей самого автора: объ этомъ будетъ ниже.

Въ стихахъ „Дары Терека" (1839) слышна гармонія лучшихъ произведеній Пушкина въ подобномъ родѣ: въ этой пьесѣ такъ же, какъ въ „Трехъ Пальмахъ" (1839), поэтъ какъ будто освобождается отъ второго своего учителя, и уже гораздо самостоятельнѣе.

„Молитва" (стр. 44, 1837) и „Тучи" (1840) до того отзываются звуками, оборотами, выраженіемъ лиры Бенедиктова, что могли бы быть перенесены въ собраніе его стихотвореній. Прочтите и повѣрьте сами наше замѣчаніе:

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, не съ покаяніемъ.

*

Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника, въ свѣтѣ безроднаго;
Но я вручить хочу душу невинную
Теплой заступницѣ міра холоднаго.

....

*

Срокъ ли приблизится часу прощальному,
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела душу прекрасную.

Или вотъ слѣдующее:

Тучки небесныя, вѣчные странники!
Степью лазурною, цѣпью жемчужною,

Мчитесь вы, будто какъ я же, изгнанники,
Съ милаго сѣвера въ сторону южную.

. . . .

Нѣтъ, вамъ наскучили нивы безплодныя...
Чужды вамъ страсти и чужды страданія;
Вѣчно-холодныя, вѣчно-свободныя,
Нѣтъ у васъ родины, нѣтъ вамъ изгнанія.

Читая эти стихи, кто не припомнитъ „Полярную Звѣзду“ и „Незабвенную“ Бенедиктова?

Въ военной пѣсенкѣ „Бородино“ есть ухватки, напоминающія музу въ Киверѣ Дениса Давыдова. Стихотворенія: „Не вѣрь себѣ“, „1-е января“ и „Дума“ завострены на концѣ мыслію или сравненіемъ, напримѣръ:

Какъ нарумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ.

Или:

И дерзко бросишь имъ въ глаза желѣзный стихъ,
Облитый горечью и злостью.

Или:

Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

Эта манера напоминаетъ обороты Баратынскаго, который во многихъ своихъ стихотвореніяхъ прекрасно выразилъ на языкѣ нашемъ то, что у французовъ называется la pointe, и чему нѣтъ соотвѣтственнаго слова въ языкѣ русскомъ.

При этомъ невольно приходитъ на умъ то славное *востріе* (если намъ позволятъ это выраженіе), которымъ заключается одно изъ лучшихъ стихотвореній Баратынскаго. Вспомнимъ, какъ онъ говоритъ о поэтѣ, поющемъ притворную грусть, что онъ:

Подобенъ нищей развращенной,
Просящей лепты незаконной
Съ чужимъ младенцемъ на рукахъ.

Кромѣ прекрасныхъ переводовъ изъ Зейдлица, Байрона и особенно маленькой пьесы Гёте, есть стихотворенія, въ которыхъ замѣтно вліяніе поэтовъ иностранныхъ. „Казачья колыбельная пѣсня“ (1840), при всей красотѣ своей и истинѣ, своимъ содержаніемъ напоминаетъ подобную ко-

лыбельную пѣсенку В. Скотта: „Lullaby of an infant chief". Въ стихотвореніи „Къ Ребенку" очевидно вліяніе поэтовъ новой французской школы, чему, конечно, менѣе всего мы рады: все это произведеніе — и особенно послѣдніе три стиха — оставляютъ въ душѣ впечатлѣніе самое тягостное.

Мы увлеклись выписками; но читатель видитъ самъ, что онѣ были необходимы для того, чтобы очевидными примѣрами доказать истину нашего перваго положенія.

Такимъ образомъ, въ стихотвореніяхъ г. Лермонтова мы слышимъ отзывы уже знакомыхъ намъ лиръ — и читаемъ ихъ, какъ будто воспоминанія русской поэзіи послѣдняго двадцатилѣтія. Но какъ же объяснить это явленіе? — Новый поэтъ предстаетъ ли намъ какимъ-то эклектикомъ, который, какъ пчела, собираетъ въ себя всѣ сладости русской музы, чтобы сотворить изъ нихъ новые соты? Такого рода эклектизмъ случался въ исторіи искусства послѣ извѣстныхъ его періодовъ; онъ могъ бы отозваться и у насъ, по единству законовъ его повсюднаго развитія. Или этотъ протеизмъ есть личное свойство самого автора? Мы, разбирая его произведенія въ повѣствовательномъ родѣ, замѣтили въ немъ способность, которую именуемъ съ нѣмецкаго *объективностью*, означая тѣмъ умѣнье переселяться въ предметы внѣшніе, въ людей, въ характеры, и сживаться съ ними. Это еще одна половина достоинства въ повѣствователѣ, который въ главной мысли долженъ быть *субъективенъ*, долженъ являться, независимо отъ всего внѣшняго, самимъ собою. Нѣтъ ли подобной объективности и въ поэтѣ? Нѣтъ ли въ немъ особенной наклонности подчинять себя власти другихъ художниковъ? Нѣтъ ли признаковъ того, что Жанъ-Поль, въ своей Эстетикѣ, такъ прекрасно назвалъ *женственнымъ* геніемъ?

Или это есть явленіе очень естественное въ молодомъ талантѣ, еще не развившемся, еще не достигшемъ своей самобытности? Въ такомъ случаѣ весьма понятно, почему его лира отзывается звуками его предшественниковъ: долженъ же онъ начинать тамъ, гдѣ другіе кончили.

Мы всего охотнѣе останавливаемся на сей послѣдней

мысли — и тѣмъ крѣпче держимся за нее, что бо́льшая часть стихотвореній, отмѣченныхъ поздними годами, обнаруживаетъ уже ярче его самобытность. Къ тому же пріятно замѣтить, что поэтъ подчиняетъ свою музу не чьей-либо преимущественно, а многимъ — и это разнообразіе вліяній есть уже доброе ручательство въ будущемъ. Нужно ли предупреждать читателей въ томъ, что такія подражанія совершаются въ поэтѣ невольно; что въ нихъ мы видимъ воспроизведенія сильныхъ впечатлѣній молодости, легко увлекающейся чужимъ порывомъ; что ихъ должно отличать отъ подражаній умышленныхъ? Мы помнимъ одного журналиста, который вздумалъ было передъ лицомъ публики подражать всѣмъ извѣстнымъ писателямъ русскимъ: но такъ какъ подражать, значитъ только *передразнивать*, то такое стиходѣліе справедливо можно сравнить съ ***кривляньемъ*** въ области мимики.

Мы сказали выше, что въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ обнаруживается какая-то особенная личность поэта, не столько въ поэтической формѣ выраженія, сколько въ образѣ мыслей и въ чувствахъ, данныхъ ему жизнью. Лучшія стихотворенія въ этомъ родѣ, конечно, „Дары Терека“ и „Колыбельная казачья пѣснь“. Оба внушены поэту Кавказомъ, оба схвачены вѣрно изъ тамошней жизни, гдѣ Терекъ бурный, какъ страсти горцевъ, носитъ на себѣ частыя жертвы мщенія и ревности; гдѣ колыбельная пѣсня матери должна отзываться страхомъ безпрерывно-тревожной жизни. Вѣрное чувство природы, отгаданное поэтомъ, находимъ мы въ „Трехъ Пальмахъ“, восточномъ сказаніи, глубокозначительномъ при всей наружной его неопредѣленности. То же искреннее, простосердечное чувство природы, сознаваемое въ самомъ себѣ поэтомъ, мы съ особеннымъ наслажденіемъ замѣтили въ 24-мъ стихотвореніи:

Когда волнуется желтѣющая нива...

Это чувство, святое и великое, можетъ быть зародышемъ многаго прекраснаго. Оно обозначалось и въ повѣствователѣ, но въ стихотворцѣ высказалось еще ярче, — и это

сильнѣе убѣдило насъ въ истинѣ прежняго нашего замѣчанія о томъ, что авторъ „Героя нашего времени“ придалъ свое собственное чувство Печорину, который симпатіи къ природѣ питать не можетъ. Прекрасны и глубоки чувства дружбы, выраженныя въ стихахъ къ „Памяти А. И. О—го“, и чувства религіозныя въ двухъ „Молитвахъ“.

Но случалось ли вамъ, по голубому, чистому небу увидѣть вдругъ черное крыло ворона или густое облако, рѣзко противорѣчащее ясной лазури? Такое же тягостное впечатлѣніе, какое производятъ эти внезапныя явленія въ природѣ, произвели на насъ немногія пьесы автора, мрачно мелькающія въ свѣтломъ вѣнкѣ его стихотвореній. Сюда отнесемъ мы: „И скучно, и грустно“, слова писателя изъ разговора его съ журналистомъ, и въ особенности эту черную, траурную, эту роковую „Думу“. Признаемся, что мы не могли безъ внутренняго содроганія читать стиховъ, которые обдаютъ сердце какимъ-то холодомъ:

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто иль темно,
Межъ тѣмъ подъ бременемъ познанья и сомнѣнья
Состарится безвременно оно.
. . . .
. . . .
Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой
Ни геніемъ начатаго труда.

Неужели о томъ поколѣніи здѣсь говорится, которое съ такими вдохновенными надеждами привѣтствовалъ незадолго до смерти своей нашъ Пушкинъ, говоря ему:

Здравствуй, племя
Младое, незнакомое! Не я
Увижу твой могучій, поздній возрастъ!

Въ противность этимъ чуднымъ стихамъ, которые должны глубокимъ эхомъ отдаваться въ сердцѣ каждаго, кто живетъ въ порѣ цвѣта и упованія,—что это здѣсь за ужасная эпитафія всему молодому поколѣнію? Признаемся: сре-

ди нашего отечества, мы не можемъ понять этихъ живыхъ мертвецовъ въ 25 лѣтъ, отъ которыхъ вѣетъ не свѣжею надеждою юности, не думою, чреватою грядущимъ, но какимъ-то могильнымъ холодомъ, какимъ-то тлѣніемъ преждевременнымъ. Если сказать правду, эти мертвецы не похожи ли на юношей, которые нарочно изъ шутки надѣваютъ бѣлый саванъ, чтобы пугать народъ, не привыкшій у насъ къ привидѣніямъ?

Но успокоимся: такія произведенія, какъ видно по всему, ихъ окружающему, являются только мгновенными плодами какой-то мрачной хандры, навѣщающей по временамъ поэта. Но поэтъ!.. Если васъ въ самомъ дѣлѣ посѣщаютъ такія думы, лучше бы таить ихъ про себя и не повѣрять взыскательному свѣту. Вы также обязаны тѣмъ, какъ художникъ, потому что такія произведенія, нарушая гармонію чувства, совершенно противны міру прекрасному; какъ представитель мыслей современнаго вамъ поколѣнія, потому что эти думы не могутъ отзываться пріятно въ душѣ вашихъ сверстниковъ,—и, наконецъ, вы должны быть побуждены къ тому изъ своего собственнаго расчета, коль не хотите прослыть въ глазахъ міра играющимъ какую-то вычеканную роль преждевременнаго разочарованія. Скажите, ужъ не ваши ли собственныя слова вложили вы въ уста писателю въ этихъ стихахъ?

Бываетъ время,
Когда заботъ спадаетъ бремя,
Дни вдохновеннаго труда,
Когда и умъ и сердце полны,
И риѳмы, дружныя, какъ волны,
Журча одна во слѣдъ другой,
Несутся вольной чередой.
Восходитъ чудное свѣтило
Въ душѣ, проснувшейся едва:
На мысли, дышащія силой,
Какъ жемчугъ, нижутся слова...
Тогда съ отвагою свободной
Поэтъ на будущность глядитъ,
И міръ мечтою благородной
Предъ нимъ очищенъ и обмытъ.

Но эти странныя творенья
Читаетъ дома онъ одинъ,
И ими послѣ, безъ зазрѣнья,
Онъ затопляетъ свой каминъ.

Нѣтъ, нѣтъ, не предавайте огню этихъ вдохновенныхъ вашихъ мечтаній о будущемъ, мечтаній о мірѣ, очищенномъ и омытомъ вашею поэтическою думою въ лучшія минуты ея полной жизни! Ужъ если жечь, то жгите лучше то, въ чемъ выражаются припадки какого-то страннаго недуга, омрачающаго свѣтъ вашей ясной мысли.

Не такъ, не такъ, какъ вы, понимаемъ мы современное назначеніе высшаго изъ искусствъ у насъ въ отечествѣ. Намъ кажется, что для русской поэзіи неприличны ни вѣрные сколки съ жизни дѣйствительной, сопровождаемые какою-то апатіей наблюденія, тѣмъ еще менѣе мечты отчаяннаго разочарованія, не истекающаго ни откуда. Пускай поэзія Запада, поэзія народовъ отживающихъ, переходитъ отъ байроническаго отчаянія къ равнодушному созерцанію всякой жизни. Мода на первое почти уже тамъ исчезла, и поэзія, утомленная скучною борьбою, празднуетъ какое-то незаслуженное примиреніе съ обыкновеннымъ міромъ дѣйствительности, признавая все за необходимость. Такъ французская повѣсть и драма, обѣ, неутомимо, безъ сатиры, безъ ироніи, передаютъ картины или сцены холодныя разврата или явленія, обыкновенныя до пошлости. Такъ апатическая поэзія современной Германіи, въ зародышѣ которой виноватъ еще Гёте, готова стихами золотить всякое пустое событіе дня, и ставить, какъ дѣлали язычники, храмъ, въ память каждой минутѣ бытія ежедневнаго.

Нѣтъ, такое кумиротвореніе дѣйствительности нейдетъ къ нашему русскому міру, носящему въ себѣ сокровище надеждъ великихъ. Если гдѣ еще возможна въ лирикѣ поэзія вдохновенныхъ прозрѣній, поэзія фантазіи творческой, возносящейся надъ всѣмъ существеннымъ, то, конечно, она *должна быть возможна* у насъ.

Поэты русской лиры! Если вы сознаете въ себѣ высокое призваніе,—прозрѣвайте же отъ Бога даннымъ вамъ

предчувствіемъ въ великое грядущее Россіи, передавайте намъ видѣнія свои и созидайте міръ русской мечты изъ всего того, что есть свѣтлаго и прекраснаго въ небѣ и природѣ, святого, великаго и благороднаго въ душѣ человѣческой,—и пусть заранѣе предсказанный вами, изъ воздушныхъ областей вашей фантазіи, перейдетъ этотъ свѣтлый и избранный міръ въ дѣйствительную жизнь нашего любезнаго отечества.

С. Шевыревъ.

„Герой нашего времени“, соч. М. Лермонтова. Изданіе второе. Спб. 1841. Двѣ части.

*) Давно ли привѣтствовали мы первое появленіе „Героя нашего времени“ большою критическою статьею и, полные гордыхъ, величавыхъ и сладостныхъ надеждъ, со всѣмъ жаромъ убѣжденія, основаннаго на сознаніи, указывали русской публикѣ на Лермонтова, какъ на великаго поэта въ будущемъ, смотрѣли на него, какъ на преемника Пушкина въ настоящемъ!.. И вотъ проходитъ не болѣе года,—мы встрѣчаемъ новое изданіе „Героя нашего времени“ горькими слезами о невозвратимой утратѣ, которую понесла осиротѣлая русская литература въ лицѣ Лермонтова!.. Несмотря на общее, единодушное вниманіе, съ какимъ приняты были его первые опыты, несмотря на какое-то безусловное ожиданіе отъ него чего-то великаго,—наши восторженныя похвалы и радостные привѣты новому свѣтилу поэзіи для многихъ благоразумныхъ людей казались преувеличенными... Слава ихъ благоразумію, такъ много теперь выигравшему, и горе намъ, такъ много утратившимъ!.. Въ сознаніи великой, невознаградимой утраты, въ полнотѣ ѣдкаго, грустнаго чувства, отравляющаго сердце, мы готовы великодушно увеличить торжество осторожнаго въ своихъ приговорахъ сомнѣнія, и охотно сознаться, что, говоря такъ много о Лермонтовѣ, мы видѣли болѣе будущаго, нежели

*) В. Бѣлинскій. „Отечественныя Записки“ 1841 г., № 9, т. 18, о „Героѣ нашего времени“.

настоящаго Лермонтова,—видѣли Алкида, въ колыбели удушающаго змѣй зависти, но еще не Алкида, сражающаго ужасною палицею лернейскую гидру... Да, все написанное Лермонтовымъ еще недостаточно для упроченія его славы, и болѣе значительно какъ предвѣстіе будущаго, а не какъ что-нибудь положительно и безотносительно великое, хотя и само по себѣ все это составляетъ важный и примѣчательный фактъ, рѣшительно выходящій изъ круга обыкновеннаго. Первыя лирическія пьесы: „Русланъ и Людмила“ и „Кавказскій Плѣнникъ“ еще не могли составить славы Пушкина, какъ великаго мірового поэта; но въ нихъ уже видѣлся будущій создатель „Цыганъ“, „Онѣгина“, „Бориса Годунова“, „Моцарта и Сальери“, „Скупого Рыцаря“, „Русалки“, „Каменнаго Гостя“ и другихъ великихъ поэмъ... Толпа судитъ и дѣлаетъ свои приговоры заднимъ числомъ; она говоритъ, когда уже не боится проговориться. Толпа идетъ ощупью и о твердости встрѣченнаго ею предмета судитъ по силѣ толчка, съ которымъ натыкнулась на него. Оставляя за толпою право видѣть вещи не иначе, какъ оборачиваясь назадъ, не будемъ отнимать права у людей заглядывать впередъ, и, по настоящему—предсказывать о будущемъ... Всякому свое: толпѣ кричать, людямъ мыслить... Пусть же кричитъ она, а мы снова повторимъ: новая, великая утрата осиротила бѣдную русскую литературу!..

Самыя первыя произведенія Лермонтова были ознаменованы печатью какой-то особенности: они не походили ни на что, являвшееся до Пушкина и послѣ Пушкина. Трудно было выразить словомъ, что въ нихъ было особеннаго, отличавшаго ихъ даже отъ явленій, которыя носили на себѣ отпечатокъ истиннаго и замѣчательнаго таланта. Тутъ было все: и самобытная, живая мысль, одушевлявшая обаятельно прекрасную форму, какъ теплая кровь одушевляетъ молодой организмъ и яркимъ свѣжимъ румянцемъ проступаетъ на ланитахъ юной красоты; тутъ была и какая-то мощь, горделиво владѣвшая собою и свободно подчинявшая идеѣ своенравные порывы свои; тутъ была и эта оригинальность, которая въ простотѣ и естественности открываетъ новые,

доселѣ невиданные міры, и которая есть достояніе однихъ геніевъ: тутъ было много чего-то столь индивидуальнаго, столь тѣсно соединеннаго съ личностью творца,—много такого, что мы не можемъ иначе характеризовать, какъ назвавши „лермонтовскимъ элементомъ“. Какой избытокъ силы, какое разнообразіе идей и образовъ, чувствъ и картинъ! Какое сильное сліяніе энергіи и граціи, глубины и легкости, возвышенности и простоты! Читая всякую строку, вышедшую изъ-подъ пера Лермонтова, будто слушаешь музыкальные аккорды и въ то же время слѣдишь взоромъ за потрясенными струнами, съ которыхъ сорваны они рукою невидимою... Тутъ, кажется, сопричаствуешь духомъ таинству мысли, рождающейся изъ ощущенія, какъ рождается бабочка изъ некрасивой личинки. Тутъ нѣтъ лишняго слова, не только лишней страницы: все на мѣстѣ, все необходимо, потому что все перечувствовано прежде, чѣмъ сказано, все видѣно прежде, чѣмъ положено на картину... Нѣтъ ложныхъ чувствъ, ошибочныхъ образовъ, натянутаго восторга: все свободно, безъ усилія, то бурнымъ потокомъ, то свѣтлымъ ручьемъ излилось на бумагу... Быстрота и разнообразіе ощущеній покорены единству мысли; волненіе и борьба противоположныхъ элементовъ послушно сливаются въ одну гармонію, какъ разнообразіе музыкальныхъ инструментовъ въ оркестрѣ, послушныхъ волшебному жезлу капельмейстера... Но, главное, все это блещетъ своими, незаимствованными красками, все дышитъ самобытною и творческою мыслію, все образуетъ новый, доселѣ невиданный міръ... Только одни невѣжды, честные педанты, которые за буквою не видятъ мысли и случайную внѣшность всегда принимаютъ за внутреннее сходство, только эти честные и добрые витязи буквъ и фразъ могли бы находить въ самобытныхъ вдохновеніяхъ Лермонтова подражаніе не только Пушкину или Жуковскому, но и гг. Бенедиктову и Якубовичу...

Повторяемъ, небольшая книжка стихотвореній Лермонтова, конечно, не есть колоссальный монументъ поэтической славы: но она есть живое, говорящее предвѣщаніе великой и литературной славы. Это еще не симфонія, а только

пробные аккорды, но аккорды, взятые рукою юнаго Бетховена. Просвѣщенный иностранецъ, знакомый съ рускимъ языкомъ, прочитавъ стихотворенія Лермонтова, не увидѣлъ бы въ нихъ малочисленности богатства руской литературы, но изумился бы силѣ руской фантазіи, даровитости руской натуры. Нѣкоторыя изъ нихъ законно могли бы явиться въ свѣтъ съ подписью имени Пушкина и другихъ величайшихъ мастеровъ поэзіи... „Герой нашего времени" обнаружилъ въ Лермонтовѣ такого же великаго поэта въ прозѣ, какъ и въ стихахъ. Этотъ романъ былъ книгою, вполнѣ оправдывающей свое названіе. Въ немъ авторъ является рѣшителемъ важныхъ современныхъ вопросовъ. Его Печоринъ—какъ современное лицо—Онѣгинъ нашего времени. Обыкновенно наши поэты жалуются,—можетъ быть, и не безъ основанія,—на скудость поэтическихъ элементовъ въ жизни рускаго общества; но Лермонтовъ въ своемъ „Героѣ" умѣлъ и изъ этой безплодной почвы извлечь богатую поэтическую жатву. Не составляя цѣлаго, въ строгомъ художественномъ смыслѣ, почти всѣ эпизоды его романа образуютъ собою очаровательные поэтическіе міры. „Бэла" и „Тамань" въ особенности могутъ считаться одними изъ драгоцѣннѣйшихъ жемчужинъ руской поэзіи; а въ нихъ еще остается столько дивныхъ подробностей и картинъ, въ которыхъ съ такою отчетливостью обрисовано типическое лицо Максима Максимыча! „Княжна Мери" меньше удовлетворяетъ въ смыслѣ объективной художественности. Рѣшая слишкомъ близкіе сердцу своему вопросы, авторъ не совсѣмъ успѣлъ освободиться отъ нихъ и, такъ сказать, нерѣдко въ нихъ путался; но это даетъ повѣсти новый интересъ и новую прелесть, какъ самый животрепещущій вопросъ современности, для удовлетворительнаго рѣшенія котораго нуженъ былъ великій переломъ въ жизни автора. Но, увы! этой жизни суждено было проблеснуть блестящимъ метеоромъ, оставить послѣ себя длинную струю свѣта и благоуханія и—исчезнуть во всей красѣ своей...

Прекрасное погибло въ пышномъ цвѣтѣ...
Таковъ удѣлъ прекраснаго на свѣтѣ!

Губителемъ неслышнымъ и незримымъ,
Во всѣхъ путяхъ бѣда насъ сторожитъ,
Пріюта нѣтъ главамъ, равно грозимымъ;
Гдѣ не была, тамъ будетъ и сразитъ.
Вотще дерзать въ борьбу съ необходимымъ:
Житейскаго никто не побѣдитъ.
Гнетомы всѣ единой грозной силой,
Намъ всѣмъ сказать о здѣшнемъ счастьѣ: „было“!

Какъ всѣ великіе таланты, Лермонтовъ въ высшей степени обладалъ тѣмъ, что называется „слогомъ“. Слогъ отнюдь не есть простое умѣнье писать грамматически-правильно, гладко и складно,—умѣнье, которое часто дается и бездарности. Подъ „слогомъ“ мы разумѣемъ непосредственное, данное природою умѣнье писателя употреблять слова въ ихъ настоящемъ значеніи, выражаясь сжато, высказывать много, быть краткимъ въ многословіи и плодовитымъ въ краткости, тѣсно сливать идею съ формою, на все налагать оригинальную самобытную печать своей личности, своего духа. Предисловіе Лермонтова ко второму изданію „Героя нашего времени“ можетъ служить лучшимъ примѣромъ того, что значитъ „имѣть слогъ“. Выписываемъ это предисловіе.

„Во всякой книгѣ предисловіе есть первая и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдняя вещь; оно или служитъ объясненіемъ цѣли сочиненія, или оправданіемъ и отвѣтомъ на критики. Но обыкновенно читателямъ нѣтъ дѣла до нравственной цѣли и до журнальныхъ нападокъ, и потому они не читаютъ предисловій. А жаль, что это такъ, особенно у насъ. Наша публика такъ молода и простодушна, что не понимаетъ басни, если въ концѣ ея не находитъ нравоученія. Она не угадываетъ шутки, не чувствуетъ ироніи; она просто дурно воспитана. Она еще не знаетъ, что въ порядочномъ обществѣ и въ порядочной книгѣ явная брань не можетъ имѣть мѣста; что современная образованность изобрѣла орудіе болѣе острое, почти невидимое и тѣмъ не менѣе смертельное, которое, подъ одеждою лести, наноситъ неотразимый и вѣрный ударъ; наша публика похожа на провинціала, который, подслушавъ разговоръ двухъ дипломатовъ, принадлежащихъ

къ враждебнымъ дворамъ, остался бы увѣренъ, что каждый изъ нихъ обманываетъ свое правительство въ пользу взаимной нѣжной дружбы.

„Эта книжка испытала на себѣ еще недавно несчастную довѣрчивость нѣкоторыхъ читателей и даже журналовъ къ буквальному значенію словъ. Иные ужасно обидѣлись—и не шутя—что имъ ставятъ въ примѣръ такого безнравственнаго человѣка, какъ герой нашего времени; другіе же очень тонко замѣчали, что сочинитель нарисовалъ свой портретъ и портреты своихъ знакомыхъ... Старая и жалкая шутка! Но, видно, Русь такъ ужъ сотворена, что все въ ней обновляется, кромѣ подобныхъ нелѣпостей. Самая волшебная изъ волшебныхъ сказокъ у насъ едва ли избѣгаетъ упрека въ покушеніи на оскорбленіе личности!

„Герой нашего времени, милостивые государи мои, точно портретъ, но не одного человѣка: этотъ портретъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Вы мнѣ опять скажете, что человѣкъ не можетъ быть такъ дуренъ, а я вамъ скажу, что ежели вы вѣрили возможности существованія всѣхъ трагическихъ и романическихъ злодѣевъ,—отчего же вы не вѣрите въ дѣйствительность Печорина? Если вы любовались вымыслами гораздо болѣе ужасными и уродливыми, отчего же этотъ характеръ, даже какъ вымыселъ, не находитъ у васъ пощады? Ужъ не оттого ли, что въ немъ больше правды, нежели бы вы того желали?

„Вы скажете, что нравственность отъ этого не выигрываетъ? Извините. Довольно людей кормили сластями, у нихъ отъ этого испортился желудокъ: нужны горькія лѣкарства, ѣдкія истины. Но не думайте, однако, послѣ этого, чтобы авторъ этой книги имѣлъ когда-нибудь гордую мечту сдѣлаться исправителемъ людскихъ пороковъ. Боже его избави отъ такого невѣжества! Ему просто было весело рисовать современнаго ему человѣка, какимъ онъ его понимаетъ и, къ его и вашему несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Будетъ и того, что болѣзнь указана, а какъ ее излѣчить,—это ужъ Богъ знаетъ!“

Какая точность и опредѣленность въ каждомъ словѣ, какъ на мѣстѣ и какъ незамѣнимо другимъ каждое слово! Какая сжатость, краткость и, вмѣстѣ съ тѣмъ, многозначительность! Читая эти строки, читаешь и между строками; понимая ясно все сказанное авторомъ, понимаешь еще и то, чего онъ не хотѣлъ говорить, опасаясь быть многорѣчивымъ. Какъ образны и оригинальны его фразы; каждая изъ нихъ годится быть эпиграфомъ къ большому сочиненію. Конечно, это „слогъ“, или мы не знаемъ, что такое „слогъ“...

Немного стихотвореній осталось послѣ Лермонтова. Найдется пьесъ десятокъ первыхъ его опытовъ, кромѣ большой его поэмы „Демонъ“, пьесъ пять новыхъ, которыя подарилъ онъ редактору „Отечеств. Записокъ“ передъ отъѣздомъ своимъ на Кавказъ... Наслѣдіе не огромное, но драгоцѣнное! „Отечеств. Записки“ почтутъ священнымъ долгомъ скоро подѣлиться ими съ своими читателями. Лермонтовъ немного написалъ,—безконечно меньше того, сколько позволялъ ему его огромный талантъ. Безпечный характеръ, пылкая молодость, жадная впечатлѣніями бытія, самый родъ жизни,—отвлекали его отъ мирныхъ кабинетныхъ занятій, отъ уединенной думы, столь любезной музамъ; но уже кипучая натура его начала устаиваться, въ душѣ пробуждалась жажда труда и дѣятельности, а орлиный взоръ спокойнѣе сталъ вглядываться въ глубь жизни. Уже затѣвалъ онъ въ умѣ, утомленномъ суетою жизни, созданія зрѣлыя; онъ самъ говорилъ намъ, что замыслилъ написать романическую трилогію, три романа изъ трехъ эпохъ жизни русскаго общества (вѣка Екатерины II, Александра I и настоящаго времени), имѣющіе между собою связь и нѣкоторое единство, по примѣру куперовской тетралогіи, начинающейся „Послѣднимъ изъ Могиканъ“, продолжающейся „Путеводителемъ въ Пустынѣ“ и „Піонерами“, и оканчивающейся „Степями“... какъ вдругъ

Младой пѣвецъ
Нашелъ безвременный конецъ!
Дохнула буря, цвѣтъ прекрасный
Увялъ на утренней зарѣ!
Потухъ огонь на алтарѣ!..

